

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2022

ТОМ 7 № 4

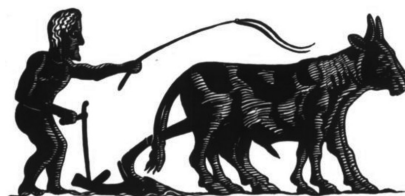
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р.М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКТОР ВЕБ-САЙТА Е.С. Никулина; КОРРЕКТОР И.Е. Кроль;
Дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Картина «Созерцатель». Крамской И. 1876 г. Музей русского искусства, Киев

Содержание

Теория

- Mindlin Yu. B., Novikov M. V., Yakovleva O. A.* Assessment and ways to increase the rate of return in the Russian medium-sized agricultural enterprises 6
- Kotliarov I.* Heterogeneity of stakeholders as an obstacle to the development of cooperatives in Russia 20

История

- Гайкин В. А.* Корейские «колхозы» в Маньчжоу-го (1932–1945 годы) 33
- Кузнецов И. А.* Памяти ученого: труды Ю. А. Мошкова и некоторые проблемы аграрной историографии 47

Современность

- Баскин Л. М., Покровский Н. Е., Николаева У. Г.* Социология по земле пешком и с высоты полета квадрокоптера. Сельские дома и деревенская жизнь Ближнего Севера России (на примере Костромской области) 72
- Алексеев А. И., Имангулов Л. Р.* Сельская местность Башкирии: преобладающие типы и особенности трансформации в постсоветский период 109

Эссе и рецензии

- Shirokostup O.* A cultural worker's reflections on Alexander Chaupov's peasant meta-utopia 133
- Крылатых Э. Н., Фролова Е. Ю.* О книге В. Ф. Башмачникова с соратниками и единомышленниками «Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития» 148
- Полещук И. К.* Экстрактивизм Крайнего Севера: пути решения конфликтов 165

Научная жизнь

- Андросенко С. В.* «Это не хард — это софт». Обзор экспертного круглого стола Фонда Тимченко и МВШСЭН «Люди дела» в жизни, науке и медиа» 173
- Гонина Н. В.* Микроистория как путь самопознания 182
- Никулина Е. С.* Советское аграрное наследие: история и современность 191
- Содержание номеров 2022 года 194

Russian peasant studies

Vol. 7. 2022. No 4

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil) I.A. Kuznetsov, RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian
Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy
of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R.M. Nureev, HSE
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues
and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow,
Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Mindlin Yu. B., Novikov M. V., Yakovleva O. A.* Assessment and ways to increase the rate of return in the Russian medium-sized agricultural enterprises 6
- Kotliarov I.* Heterogeneity of stakeholders as an obstacle to the development of cooperatives in Russia 20

HISTORY

- Gaikin V. A.* Korean “collective farms” in Manchukuo (1932-1945) 33
- Kuznetsov I. A.* In memory of the scholar: Works of Yu. A. Moshkov and some issues of agrarian historiography 47

THE PRESENT TIME

- Baskin L. M., Pokrovsky N. E., Nikolaeva U. G.* Sociology on foot and from quadcopter. Rural households and village life in the Near North of Russia (on the example of the Kostroma Region) 72
- Alekseev A. I., Imangulov L. R.* Rural areas of Bashkiria: Prevailing types and features of transformation in the post-Soviet period 109

REVIEWS

- Shirokostup O.* A cultural worker’s reflections on Alexander Chayanov’s peasant meta-utopia. 133
- Krylatykh E. N., Frolova E. Yu.* On the book by V. F. Bashmachnikov with associates and like-minded people *Family Farming: Potential and Practice of Development* 148
- Poleshchuk I. K.* Extractivism of the Far North: Ways to resolve conflicts 165

SCIENTIFIC LIFE

- Androsenko S. V.* “It’s not hard — it’s soft”. Review of the expert round table of the Timchenko Foundation and MSSES “‘Man of Action’ in Life, Science and Media” 173
- Gonina N. V.* Microhistory as a way of self-knowledge 182
- Nikulina E. S.* Soviet agricultural heritage: history and modernity 191
- Index of articles published in 2022 194

Assessment and ways to increase the rate of return in the Russian medium-sized agricultural enterprises

Yu. B. Mindlin, M. V. Novikov, O. A. Yakovleva

Yury Borisovich Mindlin — PhD (Economics), Associate Professor, K. I. Scriabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology. 109472, Moscow, Akademika Scriabina St., 23. E-mail: mindliny@mail.ru

Mikhail Vyacheslavovich Novikov — PhD (Technical Sciences), Associate Professor, K. I. Scriabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology. 109472, Moscow, Akademika Scriabina St., 23. E-mail: 6773285@gmail.com

Olga Anatolievna Yakovleva — PhD (Agricultural Sciences), Associate Professor, K. I. Scriabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology. 109472, Moscow, Akademika Scriabina St., 23. E-mail: yakovleffo@yandex.ru

Abstract. The rate of return (profitability) is the category that allows evaluation of financial, production and other costs of the enterprise. The detailed analysis of return ratios enables to regulate the enterprise financial system and has a positive effect on its financial performance. The article considers the method of the rate of return assessment and suggests the ways to increase it. The case of the medium-sized agro-industrial company was used. Based on the financial performance of the enterprise, the range of the rate of return indicators was calculated, such as fixed assets, rate of return on current assets and on equity capital, gross profit margin, operating and net profit margin. Based on the calculations, the authors show that the rate of return of the enterprise increased, and a high efficiency of operations was observed. However, at the same time, there are tasks to be solved. One of them is to introduce a payment schedule. The analysis of the financial effect of the payment schedule introduction showed that it increased the current rate of return of the enterprise by 10%.

Key words: rate of return, enterprise, return ratios, costs, financial system, rate of return assessment

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-6-19

The agro-industrial complex is the most important sphere of the state economy, which includes a range of industrial branches of the national economy united by the production, processing, storage and distribution of food raw materials and products (Kuderinova et al., 2021; Plotnikov et al., 2021; Sarkar et al., 2021; Sychinov et al., 2021). The main social-economic purposes of the agro-industrial complex are sustainable food security (Fedotova et al., 2018; Mindlin et al., 2022; Plotnikov et al., 2021; Shagaida, Trotsuk, 2022; Zhilyakov et al., 2020) and nutritional safety of the country (Finardi et al., 2021; Khayrullin et al.,

2021; Sidra-Tul-Muntaha et al., 2020; Zinina et al., 2020; Zykova et al., 2019); provision of raw materials for non-food industries; development of rural areas (Doll, 2022); introduction of high technologies in agriculture and food supply chains (Anichkina et al., 2019; Bakharev et al., 2020; Doguchaeva et al., 2022; Fedotova et al., 2018; Malenkov et al., 2021; Poleshchuk, 2021; Sokolov et al., 2021; Stelmashonok, Stelmashonok, 2021); creating a competitive market environment for agricultural raw materials and products (including various forms of cooperation of stakeholders of agricultural value chains (Gruvaeus, Dahlin, 2021; Kotliarov, 2022; Ménard, 2018; Salladarré et al., 2018)).

Agriculture is particularly important for Russia in the current geopolitical situation (Prihodko, 2022) as ensuring national food security by providing the Russian economy and population with food products (Plotnikov et al., 2021). Any threat to food security would cause a heavy damage to Russia and undermine its ability to survive under international sanctions (Gurvich, Prilepskiy, 2015). As the history of sanctions against Russia shows, the USA may impose food sanctions on Russia in order to reach its geopolitical goals (Prihodko, 2022; Tarrant, 1981). It means that Russia should not count on international food supplies and has to ensure its food sovereignty (Glinskiy et al., 2018; Malle, 2016).

The food sovereignty depends on the local agricultural companies' ability to provide stable food supplies. This ability is based on the agricultural companies' economic efficiency since inefficient companies cannot ensure stable food provision (Bobkova et al., 2022; Zhilyakov et al., 2021) and require the state support for their operations (state support may lead to nationalization which means huge expenses for the state budget) (Plotnikov et al., 2021). Thus, the analysis of the economic efficiency of the Russian agricultural companies is important for the Russian food security

Today the Russian agro-industrial sector is growing partially due to the food embargo introduced in 2014 (Liefert et al., 2019; Shagaida, Uzun, 2016). The embargo stopped imports of many agricultural products from the countries that imposed sanctions on Russia after 2014 (Běln, Hanousek, 2021; Gurvich, Prilepskiy, 2015; Hinz, Monastyrenko, 2022; Kaštaová et al., 2018; Nguyen, Do, 2021; Smutka, Abrhám, 2022; Venkuvienė, Masteikiene, 2015). In this context, the economic performance of each enterprise and the entire sphere requires an evaluation. Objective estimates of technical and economic performance together with qualitative and quantitative assessments play a crucial role for agro-industrial enterprises and contribute to their market strengthening (Abylkassimova, 2021; Anichkina et al., 2018; Anichkina et al., 2021; Anichkina et al., 2019). This information is also important for the state as it can be used for developing national strategy in agriculture and food security.

The paper aims at assessing the economic efficiency of an average Russian agricultural company and at providing recommendations

to increase its efficiency. The evaluation of efficiency is based on the rate of return. The research makes two important contributions to the research of the performance of agricultural companies in Russia. First, the results contribute to the general picture of the present level of the Russian agricultural companies' efficiency and to their problems' understanding. Second, the results can be used to find ways to increase efficiency of the Russian agricultural companies in the current economic situation.

Efficiency of agricultural organizations: Issues of measurement

The question of measuring the efficiency of agricultural organization has a long history. According to A. V. Chayanov (2006), the measurement of efficiency depends on the type of agricultural organizations. While capitalist organizations are mostly interested in profit, traditional peasant households focus on family subsistence.

Evolution of agricultural organizations, changes in relationships of companies and stakeholders, transformation of society lead to the development of new measures of efficiency which were to provide a more precise approach to the financial efficiency (Komnienic et al., 2010; Syruček et al., 2022), to take into account the needs of all company's stakeholders (as different groups of stakeholders are interested in different results), and to add to the complex picture of company's efficiency the non-financial indicators of its activity (especially important for non-market organizations in food supplies) (Valizadeh, Hayati, 2021). For example, the company's market value and economic sustainability are paramount for company's owners (Anichkina et al., 2018; Coppola et al., 2022; Pongpanich et al., 2017). The society is interested in the stable supply of food at affordable prices (Hinz, Monastyrenko, 2022) and in the compliance of company's business with social values. These factors of efficiency can be defined as the company's ability to ensure food security. It should be noted that today the concept of food security exceeds the simple food supply to the market — the food should meet customers' expectations, for instance, ecological values (Pang et al., 2016; Poleshchuk, 2021; Sokolov et al., 2021). Companies do not only strive to reach a high level of efficiency for their owners (according to the traditional approach to efficiency) — they are also interested in meeting requirements of other groups of stakeholders, for example, by adopting eco-friendly business models (Arbelo-Pérez et al., 2022; Bakharev et al., 2020).

Thus, indicators of efficiency can be divided into various groups: indicators for market-oriented (capitalist agricultural organizations) and non-market-oriented companies (traditional peasant households); financial and non-financial; indicators for different groups of stakeholders; indicators for the whole company and for separate

projects, and so on (Anichkina et al., 2021). Obviously, the company management and stakeholders use different indicators in different situations.

However, while the market (company's value) and non-financial (ecological, etc.) indicators of efficiency are important they are not universal and are hardly primary. First, not all companies have market value (as they are not public). Second, if an agricultural company has no profit, it will not meet its stakeholders' expectations (as having no resources to run its business), i.e., profit (and secondary indicators based on profit) can be considered a basic indicator of efficiency for all market-oriented companies with any type of ownership (Bobkova et al., 2022; Tong, Saladrigues, 2022; Vreja, 2022).

The research of agricultural companies' efficiency can be divided into two directions: the traditional one uses corporate accounting data to calculate the rate of return (Bobkova et al., 2022); the approach based on econometric methods considers external and internal factors that may have an impact on the rate of return (Čechura et al., 2022; Chou et al., 2022; Coppola et al., 2022; Grzelak, 2022; Komnienic et al., 2010; Tong, Saladrigues, 2022). The paper uses the first approach as the information is available for one company only. The case is a medium-sized non-public company, which is why the profit rate can be used to measure its efficiency. Calculations are based on the company's accounting data.

Data and method

The indicators used are calculated by the following formulas (Bobkova et al., 2022):

Sales revenue:

$$R = V \times P \quad (1)$$

V — volume of manufactured products

P — price per piece of produce

Prime cost of sales (PCs):

$$PC_s = C_{tot} + CE + RP_{beg} - RP_{end} \quad (2)$$

C_{tot} — total prime cost of manufactured products

CE — commercial expenses

RP_{beg} and RP_{end} — remains of unsold goods at the beginning and the end of the period

Revenue from sales (R_s):

$$R_s = P_g - CE - AE \quad (3)$$

P_g — gross profit

CE — commercial expenses

AE — administrative expenses

Profit before tax (Pbt):

$$P_{bt} = P_s + I_r - I_p + OI - OE \quad (4)$$

P_{bt} — profit before tax

P_s — profit from sales

I_p — incomes from participation in other companies

I_r — interest receivable

I_p — interest payable

OI and OE — other incomes and expenses.

Net profit (Np):

$$N_p = R - PC_s - AE - SE + OI - OE - TP \quad (5)$$

R — revenue

PC_s — prime cost of sales

AE and CE — administrative and commercial expenses

OI and OE — other incomes and expenses

TP — tax on profits

Return on assets (Ra):

$$R_a = \frac{R_{rep}}{A_{end}} \times 100\% \quad (6)$$

R_a — return on assets, %

P_{rep}^a — profit for the period, thousand rubles

A_{end} — assets by the end of the period, thousand rubles

Return on of the basic production funds:

$$R_{bpf} = \frac{P_{rep}}{BPF} \times 100\%$$

R_{BPF} — return on the basic production funds, %

P_{rep} — profit for the period, thousand rubles

BPF — basic production funds, thousand rubles

Return on circulating assets:

$$Ret_{ca} = \frac{P_{rep}}{CA} \times 100\%$$

Ret_{ca} — return on circulating assets, %

P_{rep} — profit for the period, thousand rubles

CA — circulating assets, thousand rubles

Return on equity capital:

$$Ret_{ec} = \frac{P_{rep}}{Ec} \times 100\%$$

Ret_{ec} — return on equity capital, %

P_{rep} — profit for the period, thousand rubles

E_c — equity capital, thousand rubles

Gross profit margin:

$$GP_{\text{mar}} = \frac{G_{\text{prof}}}{R} \times 100\%$$

GP_{mar} — gross profit margin, %

G_{prof} — gross profit, thousand rubles

R — revenue, thousand rubles

Operating income margin:

$$OI_{\text{mar}} = \frac{I_{\text{sales}}}{R} \times 100\%$$

OI_{mar} — operating income margin, %

I_{sales} — income from sales, thousand rubles

R — revenue, thousand rubles

Net profit margin:

$$N_{\text{pm}} = \frac{N_{\text{pr}}}{R} \times 100\%$$

N_{pm} — net profit margin, %

N_{pr} — net profit, thousand rubles

R — revenue, thousand rubles

The case is a medium-sized non-public agricultural company located in the Moscow Region. The name of the company is not disclosed for confidentiality reasons. The key specialization of the company is production of pork. Despite the fact that the company is located near Moscow, it does not sell its products on the Moscow market due to the high competition. It supplies its products to small meat processing factories located in different towns of the Moscow Region and neighboring areas.

This medium-sized company was chosen, because the Russian agricultural industry is dominated by big vertically integrated holdings, which makes the structure of the Russian agriculture unbalanced and may lead to the food security threats (if a big company goes bankrupt a huge part of food supply will disappear). Thus, more attention should be paid to medium and small-sized agricultural companies (Lerman, Nikulin, 2022) and to their favorable environment.

Results and discussion

The data for the analysis of the enterprise's performance was its financial results. The Table 1 presents the main indicators of the fi-

Yu. B. Mindlin,
M. V. Novikov,
O. A. Yakovleva
Assessment and
ways to increase
the rate of return
in the Russian
medium-sized
agricultural
enterprises

nancial performance in 2018–2020. These indicators reflect the current financial state of the enterprise and determine its quantitative and qualitative characteristics.

Table 1. Technical and economic indicators of the enterprise operation

Index	2018	2019	2020	deviation, thousand rubles		Growth rate, %	
				2019	2020	2019	2020
				2018	2019	2018	2019
Revenue, thousand rubles	201,312	278,315	390,415	77,003	112,100	138	140
Average number of employees, people	20	25	38	5	13	125	152
Average annual output of one employee, thousand rubles	8,912	9,879	10,312	967	433	110	104
Wages fund, thousand rubles	1,989,351	2,891,891	3,569,888	902,540	677,997	145	123
Average annual cost of BPF (basic production funds), thousand rubles	89,315	98,111	123,415	8,795	25,305	109	125
Average annual cost of working capital, thousand rubles	215,891	358,450	389,411	142,559	30,961	166	108

Based on the data in Table 1, we can conclude that the revenue increased by 77,003 thousand rubles in 2018–2019, i.e., by 138.3%. In 2019–2020, the revenue increased by 112,100 thousand rubles, i.e., by 140.3%, which generally means the sustainable growth of the business operation. There is also an increase in the prime cost in 2019 by 4,144 thousand rubles, and in 2020 — by 5,856, which is directly related to an increase in sales revenue. There is an increase in the wages fund, in particular in the piece-rate pay. One can also note an increase in prices for raw materials as caused by annual inflation.

The positive dynamics of revenue growth allowed to increase gross profit in 2019 and 2020 by 72,859 and 106,244 thousand rubles accordingly.

The selling expenses increased by 5,354 thousand rubles in 2019 and by 4,386 — in 2020. This indicator was influenced by the costs of goods shipment and sales, including the costs of transportation and packaging.

The data on the enterprise rate of return is presented in Table 2: the sales increase in 2020 allowed to increase the return on assets by 23.5%, and the decrease in the return on assets in 2019 was determined by the decrease in competitiveness.

Table 2. Indicators of the enterprise rate of return

Index	2018	2019	2020	Deviation	
				2019 2018	2020 2019
Return on assets	116.1	114.5	138	-1.6	23.5
BPF rate of return	127.8	184.9	229.6	57.1	44.7
Rate of return on working capital	52.7	50.8	72.7	-1.9	21.9
Return on equity	26.5	36.9	56.4	10.4	19.5
Gross margin	64.1	72.5	65.9	8.4	-6.6
Operating margin	56.8	65.5	72.6	8.7	7.1
Net profit margin	58	63	66.1	5	3.1

There is an increase in efficiency of the enterprise production according to the increase in the BPF (basic production funds) rate of return by 57.1% in 2019 and 44.7% in 2020.

The increase in the rate of return of equity capital by 10.4% and 19.5% for the periods under study proved the efficient use of the equity capital. It is necessary to underline an increase in the rate of return of assets, which can be associated with a decrease in the capital-output ratio, an increase in the fixing ratio of working capital, and an increase in the sales rate of return.

At the same time, the enterprise needs a clear system for collecting payments from counterparties, and a fine for late payment can be the most effective tool. Payment discipline of the company's customers is low, which decreases its efficiency. According to the experts from the consulting company, the recommended average rate of fine for late payment should be 7%, which can create sufficient incentives for customers to pay in time. If the customer is not able to pay in time, the fine would cover company's losses due to late payments. The fine as a financial tool will ensure the control over the raising funds and a payment schedule. The scheme of the payment schedule is shown in Figure 1.

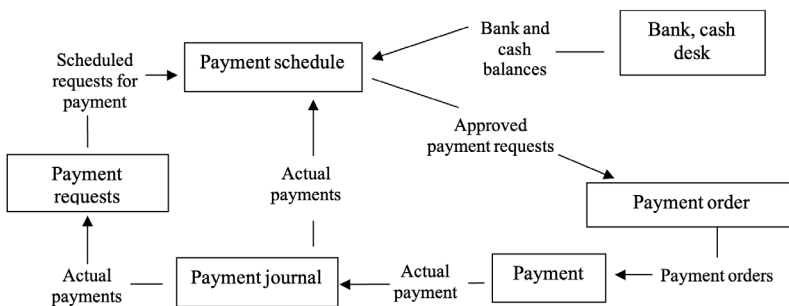

Figure 1. Payment schedule

Let us assess the impact of introducing the payment schedule for company's performance based on the assumption that company's partners would accept the fine for late payments in their contracts. All assessments are based on the data provided by the company's experts. We cannot disclose the algorithm for calculating the economic effect of the proposed measures. The payment schedule will lead to an increase in wages funds for administrative and managerial personnel — to 57.6 thousand rubles per month, to an increase in labor productivity and, accordingly, to a decrease in time losses in other areas of financial activity (19.2 thousand rubles). Thus, the increase in the wages fund due to the introduction of the payment schedule will account for 38.4 thousand rubles (Table 3). As a result of measures taken, the rate of return increased from 0.59 to 0.65%, i.e., by 0.06%.

Table 3. Dynamics of business operation indicators with the payment schedule

Index	In fact, in 2020	With the operations	Rates of growth, %	Deviations (+, -)
Income, thousand rubles	439,408	629,948	1.43	190,540
General expenses, thousand rubles	117,054	115,620	0.99	-1,434
Operating profit, thousand rubles	322,354	514,328	1.6	191,974
Income tax	64,459	102,866	1.6	-1,396
Net profit	257,835	411,462	1.6	193,370
Return on sales, %	0.59	0.65	1.11	0.3

Unfortunately, it is difficult to implement this measure in the current economic situation. The company does not have a sufficient bargaining power to convince its partners to accept the fine for late payments. The retail market in Russia is dominated by big retail chains which can impose terms of cooperation on their suppliers (favorable terms for retail chains). These suppliers (meat processing companies), in their turn, have to impose similar terms on their partners (including producers of meat, such as our case). As the bargaining power of retail chains and meat processing companies is much higher than of meat producers, it is much easier for meat processing companies to change a supplier than to accept a fine for late payments. This problem is typical for the Russian medium-sized agricultural companies.

Thus, the economic efficiency of agricultural companies is artificially limited by the low payment discipline of their customers. Technically it means that agricultural companies are a source of free finance for their customers, which undermines the financial stability of the medium-sized agricultural companies — they can either go bank-

rupt or be bought by big agricultural corporations, which makes the structure of the Russian agricultural production unbalanced.

*Yu. B. Mindlin,
M. V. Novikov,
O. A. Yakovleva*
Assessment and
ways to increase
the rate of return
in the Russian
medium-sized
agricultural
enterprises

Conclusion

The accounting data proves that company's level of efficiency is high enough: its revenue from the main types of operations increased in 2018–2020. The sustainable and steady growth of incomes proves an efficiency of the enterprise management system. The enterprise's development can be called intensive; the increase in rate of return is based on the improving quality indicators. The measures for increasing rate of return allow to increase the control over finances and rate of return.

The study shows that the company's efficiency can be increased not only by improving internal business processes but also by managing relations with partners (in the company under study the key measure was to create incentives for customers to pay in time). Our recommendation for the Russian medium-sized agricultural companies is to focus on the cooperation within their value chains, which would help them to benefit from their participation in these chains.

Unfortunately, implementation of such measures is impossible due to the low bargaining power of the medium-sized agricultural companies, which decreases their economic efficiency and leads to their replacement by agroholdings (Ostapchuk et al., 2021). Although agroholdings have sufficient resources to invest in the agricultural development in order to ensure food sovereignty, their domination on the market makes the structure of the food industry unbalanced. Russia becomes dependent on a limited number of big producers, and a bankruptcy of any of them can cause a great damage for the national food security. For the Russian medium-sized agricultural companies it means a contradiction between the current economic efficiency (as income is steadily growing) and the long-term financial stability (as profits from participation in value chains cannot be maximized).

The low bargaining power of the Russian medium-sized agricultural companies creates on the micro-level risks for their long-term financial stability, and on the macro-level — preferences for agroholdings, which may lead for long-term risks for the structure of the Russian agricultural industry and food security.

Russian medium-sized agricultural companies need to increase their bargaining power in order to benefit from their value chains. This can be achieved by horizontal cooperation of medium-sized companies in the form of an alliance that would be provide a typical contract with a fine for late payments. Another way is a vertical integration with processing companies, which would increase economic efficiency of both parties and make the final product more competitive on the market.

- ТЕОРИЯ Abylkassimova Z. et al. (2021) Integrated production and distribution scheduling in the dual-purpose supply chain with environmental aspects and delays. *Industrial Engineering and Management Systems*, vol. 20, no 2.
- Anichkina O., Bogonosova I., Prykina L., Dubrovskaya T., Zaretskikh A. (2018) Methods to improve the capitalization level of enterprises. *MATEC Web of Conferences*, no 170.
- Anichkina O., Terekhova A., Avtsinova A., Akulina E., Dotsenko E. (2021) Evaluation of the effectiveness of an investment project for the processing of whey. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 677, no 2.
- Anichkina O., Tatochenko I., Chernegov N. (2019) Development strategy of agricultural enterprises in the production of high-tech products. *IOP Conference Series Earth and Environmental Science*, no 403.
- Arbelo-Pérez M., Armz-Cruz Y. Arbelo A. (2022) Environmental strategy and firm performance: A new methodological proposal. *Agricultural Economics*, vol. 68.
- Bakharev V. et al. (2020) The impact of industry 4.0 technologies on retail development DT-MIS 2020. *Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure and Service*, no 93.
- Bakharev V.V., Kapustina I.V., Mityashin G. Y., Katrashova Y.V. (2020) Ecologization of retail: An analysis of strategies. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, vol. 12, no 5.
- Bělín M., Hanousek J. (2021) Which sanctions matter? Analysis of the EU/Russian sanctions of 2014. *Journal of Comparative Economics*, vol. 49, no 1.
- Bobkova E.Yu. et al. (2022) Assessment of business activity and ways to increase it on the example of an agro-industrial complex enterprise. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 949, no 1.
- Bobkova E.Yu. et al. (2022) Development of measures to stabilize the financial condition of the fishing enterprise. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 949, no 1.
- Čechura L., Žáková Kroupová Z., Lekešová M. (2022) Productivity and efficiency in Czech agriculture: Does farm size matter? *Agricultural Economics*, vol. 68.
- Chayanov A. V. (2006) Organization of peasant households. *Economic Heritage of A. V. Chayanov*, Moscow: Tonchu.
- Chou C. H., Lee J. M., Teng Y. M., Lee H. L. (2022) The relationships between productivity, operational risk, and firm performance. *Agricultural Economics*, vol. 68.
- Coppola A., Amato M., Vistocco D., Verneau F. (2022) Measuring the economic sustainability of Italian farms using FADN data. *Agricultural Economics*, vol. 68.
- Doguchaeva S., Fedorova O., Mityashin G. (2022) Delivery services for green e-commerce. *Transportation Research Procedia*, vol. 63.
- Doll R. (2022) Agricultural modernization and diabolic landscapes of dispossession in rural China. *Antipode*, vol. 54.
- Fedotova G. V., Kulikova N. N., Kurbanov A. K., Gontar A. A. (2018) Threats to food security of the Russia's population in the conditions of transition to digital economy. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, no 622.
- Finardi S. et al. (2021) Comprehensive study of light-emitting diodes (LEDs) and ultraviolet-LED lights application in food quality and safety. *Journal of Pure and Applied Microbiology*, vol. 15, no 3.
- Glinskiy V. et al. (2018) The development of the food industry as a condition for improving Russia's national security. *Procedia Manufacturing*, vol. 21.
- Gruvaeus A., Dahlin J. (2021) Revitalization of food in Sweden — a closer look at the REKO network. *Sustainability*, vol. 13, no 18.
- Grzelak A. (2022) The income-assets relationship for farms operating under selected models in Poland. *Agricultural Economics*, vol. 68.
- Gurvich E., Prilepsky I. (2015) The impact of financial sanctions on the Russian economy. *Russian Journal of Economics*, vol. 1, no 4.

- Hinz J., Monastyrenko E. (2022) Bearing the cost of politics: Consumer prices and welfare in Russia. *Journal of International Economics*, no 137.
- Kašaková E., Baumgartner B., Žatko M. (2018) The impact of the Russian embargo on its agri-food trade with the EU: Analysis by selected indicators. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 4.
- Khayrullin M. F., Bukhteeva Y. M., Kotova P. Y., Glebova S. Y., Karasev A. V. (2021) The influence of complex spices on the change in the quality indicators of chopped semi-finished products during storage. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 677, no 2.
- Komnecic T., Tomic D., Tomic G. (2010) Measuring efficiency of intellectual capital in agriculture sector of Vojvodina. *Applied Studies in Agribusiness and Commerce*, vol. 4, no 1–2.
- Kotliarov I. (2022) A taxonomy of business organizations: Transport industry and beyond. *Transportation Research Procedia*, vol. 63.
- Kuderinova N. et al. (2021) Optimizing the combined problem of facility location and multi-objective supplier selection using a comprehensive benchmarking method. *Industrial Engineering and Management Systems*, vol. 20, no 2.
- Lerman Z., Nikulin A. M. (2022) “What surprises me the most is the conviction of so many scientists and politicians in the special importance of large farms”. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 2.
- Liefert W. M., Liefert O., Seeley R., Lee T. (2019) The effect of Russia’s economic crisis and import ban on its agricultural and food sector. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 10, no 2.
- Malenkov Yu. et al. (2021) Digitalization and strategic transformation of retail chain stores: Trends, impacts, prospects. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, vol. 7, no 2.
- Malle S. (2016) Economic sovereignty. An agenda for militant Russia. *Russian Journal of Economics*, vol. 2, no 2.
- Ménard C. (2018) Organization and governance in the agrifood sector: How we can capture their variety? *Agribusiness*, vol. 34.
- Mindlin Yu., Novikov M., Ignatyeva O. (2022) Clusters and cooperatives as a tool of sustainable food security: A comparative analysis. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 1043, no 1.
- Nguyen T. T., Do M. H. (2021) Impact of economic sanctions and countersanctions on the Russian Federation’s trade. *Economic Analysis and Policy*, vol. 71.
- Ostapchuk I., Gagalyuk T., Epshtein D., Dibirov A. (2021) What drives the acquisition behavior of agroholdings? Performance analysis of agricultural acquisition targets in Northwest Russia and Ukraine. *International Food and Agribusiness Management Review*, vol. 24, no 4.
- Pang J., Chen X., Zhang Z., Li H. (2016) Measuring eco-efficiency of agriculture in China. *Sustainability*, vol. 8, no 4.
- Plotnikov V., Nikitin Y., Maramygin M., Ilyasov R. (2021) National food security under institutional challenges (Russian experience). *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 4, no 1/2.
- Poleshchuk I. K. (2021) Russian agriculture today: Ecology, healthcare and digitalization. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 4.
- Pongpanich R., Peng K., Maichum K. (2017) The performance measurement of listed companies of the agribusiness sector on the stock exchange of Thailand. *Agricultural Economics*, vol. 63.
- Prihodko O. (2022) U. S. sanctions policy against Russia. *Historical Experience and Contemporary Landscape in USA and Canada: Economics, Politics, Culture*, no 9.
- Salladarré F., Guillotreau P., Debucquet G., Lazuech G. (2018) Some good reasons for buying fish exclusively from community-supported fisheries: The case of Yeu Island in France. *Ecological Economics*, vol. 153.
- Sarkar T. et al. (2021) The fuzzy cognitive map-based shelf-life modelling for food storage. *Food Analytical Methods*, vol. 15.

- Shagaida N. I., Trotsuk I. V. (2022) Russia's food security under the crisis of 2020–2021: Objective and subjective dimensions. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 2.
- Shagaida N., Uzun V. (2016) Food embargo and choice of priorities. *Voprosy Ekonomiki*, no 7.
- Sidra-Tul-Muntaha X. et al. (2020) Safety evaluation of milk and indigenous milk products from different areas of Faisalabad. *Journal of Microbiology, Biotechnology and Food Sciences*, vol. 9, no 6.
- Smutka L., Abrahm J. (2022) The impact of Russian import ban on EU agrarian exports. *Agricultural Economics*, vol. 68.
- Sokolov O. V., Castornov N. P., Zhilyakov D. I. (2021) Current state and problems of development of organic gardening in Russia. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 845, no 1.
- Stelmashonok E., Stelmashonok V. L., (2021) Digital transformation of the agro-industrial complex: An analysis of prospects. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, vol. 13, no 2.
- Syrůček J., Bartoň L., Burdych J. (2022) Break-even point analysis for milk production — selected EU countries. *Agricultural Economics*, vol. 68.
- Suychinov A. et al. (2021) Random optimization of the green closed chain supply chain of perishable products. *Industrial Engineering and Management Systems*, vol. 20, no 2.
- Tarrant J. R. (1981) Food as a weapon? The embargo on grain trade between USA and USSR. *Applied Geography*, vol. 1, no 4.
- Tong Y., Saladríguez R. (2022) An analysis of factors affecting the profits of new firms in Spain: Evidence from the food industry. *Agricultural Economics*, vol. 68.
- Valizadeh N., Hayati D. (2021) Development and validation of an index to measure agricultural sustainability. *Journal of Cleaner Production*, vol. 280, no 1.
- Venkuvienė V., Masteikiene R. (2015) The impact of Russian Federation economic embargo on the Central and Eastern European countries business environments. *Procedia Economics and Finance*, vol. 26.
- Vreja L. O. (2022) Is money more important than status? A case of Romanian peasants. *Agricultural Economics*, vol. 68.
- Zhilyakov D. I., Kharchenko E. V., Kandiba A. A. (2021) Labour productivity modelling in the agricultural sector. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 677, no 2.
- Zhilyakov D. I., Vertakova Yu. V., Kharchenko E. V. (2020) Trends and prospects for the development of horticulture and vegetable growing in the region. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 548, no 8.
- Zinina O., Merenkova S., Galimov D., Okuskhanova E., Rebezov M., Khayrullin M., Anichkina O. (2020) Effects of microbial transglutaminase on technological, rheological, and microstructural indicators of minced meat with the addition of plant raw materials. *International Journal of Food Science*, vol. 20, no 5.
- Zykova I. et al. (2019) Interaction between heavy metals and microorganisms during wastewater treatment by activated sludge. *ARPN Journal of Engineering and Applied Sciences*, vol. 14, no 11.

Оценка и способы увеличения нормы прибыли российских сельскохозяйственных предприятий среднего размера

Юрий Борисович Миндлин, кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина. 109472, г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23.
E-mail: mindliny@mail.ru

Михаил Вячеславович Новиков, кандидат технических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени

К. И. Скрябина. 109472, г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23.
E-mail: 6773285@gmail.com

Ольга Анатольевна Яковлева, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии
имени К. И. Скрябина. 109472, г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23.
E-mail: ya-kovleffo@yandex.ru

Аннотация. Норма прибыли (рентабельность) — категория, позволяющая оценивать финансовые, производственные и другие затраты предприятия. Детальный анализ коэффициентов доходности призван регулировать финансовую систему предприятия и положительно влияет на его финансовые показатели. В статье рассмотрен метод оценки нормы прибыли и способы ее повышения на примере среднего по размерам агропромышленного предприятия. На основе финансовых результатов его деятельности был рассчитан ряд показателей рентабельности, таких как основные средства, норма рентабельности оборотных средств и акционерного капитала, маржа валовой прибыли, маржа операционной и чистой прибыли. Эти расчеты позволили авторам сделать вывод, что рентабельность предприятия увеличилась, и о высокой эффективности его деятельности. Однако обозначены и задачи, которые необходимо решить, в частности, введение графика платежей. Анализ финансового эффекта от введения графика платежей показал, что он увеличит норму рентабельности предприятия на 10%.

Ключевые слова: норма прибыли, предприятие, коэффициенты доходности, затраты, финансовая система, оценка рентабельности

*Yu. B. Mindlin,
M. V. Novikov,
O. A. Yakovleva*
Assessment and
ways to increase
the rate of return
in the Russian
medium-sized
agricultural
enterprises

Heterogeneity of stakeholders as an obstacle to the development of agricultural cooperatives in Russia

I. Kotliarov

Ivan Kotliarov — PhD (Economics), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg). Адпес. Улitsа Kantemirovskaya, дом 3, корпус 1, литер А 194100 St. Petersburg, Russian Federation E-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

Abstract. The paper presents a new approach to the explanation of the failure of cooperative model in the post-Soviet agriculture. This approach is based on the stakeholder theory: thus, performing all functions of heterogeneous stakeholders on the regular basis may be too resource-intensive, and cooperative members may not have enough competencies for such tasks. First, the study supplements the existing research by providing a new explanation for the non-attractiveness of the cooperative business organization for Russian farmers. Second, the paper presents a link between the stakeholder theory of cooperatives and the theory of cooperative organization as developed by Ivan Emelianoff (1995) in his groundbreaking work *Economic Theory of Cooperation*. Third, the study proves in a new way the hybrid nature of cooperatives. The author focuses on agricultural cooperatives; however, the conclusions are valid for cooperative organizations in other industries. The paper starts with a short note on methodology — a description of stakeholder theory as applied to the study of cooperative organizations and a study of the hybrid nature of cooperatives; then follows a review of main research directions in the study of the failure of the cooperative movement in Russian agriculture, a section on the contradictions between the stakeholder theory of cooperatives and the farmers' interests of farmers, and a section on the possible ways for resolving these contradictions. New forms of business organization should emerge as a compromise between an ideal firm and an ideal cooperative. These new forms would help farmers to benefit from cooperation instead of formal participation in it.

Keywords: cooperative, stakeholder theory, platform, heterogeneity of stakeholders

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-20-32

Aleksandr Dmitrievich Bilimovich, a prominent Russian scholar, in his book *Cooperatives in Russia Before, Under and After the Bolsheviks*, published during his emigration in 1955, expressed the hope that after the fall of the Soviet economic system the flourishing cooperative ecosystem of tsarist Russia would revive (Bilimovich, 2005). Unfortunately, unlike his other numerous forecasts about the destiny of the post-Soviet economy, this expectation never came true. Cooperatives in Russia exist as a marginal form of business organization in agriculture, and their role in the national economy is negligible (Yanbykh et al., 2019). Moreover, even existing cooperatives hardly comply with cooperative principles (Kurakin, Visser, 2017).

This failure of the cooperative concept in post-Soviet Russia (and, more specifically, in Russian agriculture) is thought-provoking as it contradicts both the historical tradition of the cooperative movement success before 1917 and the collectivist (pseudo-cooperative) organization of the Soviet agriculture. There are many explanations of this phenomenon (distrust due to the forced Soviet collectivization, lack of professional cooperative leaders, legislation, etc.); however, no attention has been paid to the stakeholder theory as a potential explanation of this failure. The paper presents an attempt to understand the failure of cooperatives in Russia in the stakeholder theory perspective: the idea of cooperation is potentially attractive but is rarely implemented as Russian farmers may not want to combine roles of various stakeholders (heterogeneity of stakeholders' roles is one of the key distinctive features of cooperatives). The combination of different stakeholders' roles may require specific competencies (which farmers may lack) and too many efforts. Instead, Russian farmers would prefer alternative management structures based on implicit cooperation (with separated stakeholder roles) or not requiring substantial efforts (this approach establishes a link between stakeholder theory and transaction costs economy which is a popular tool in the cooperative research (Hendrikse, Veerman, 2001; Leathers, 2006; Pereira, 2016)).

The foundations of the stakeholder theory were developed by R. E. Freeman (1984). According to the stakeholder approach, an organization must benefit to, cooperate with and use resources of various groups of its stakeholders (employees, suppliers, customers, competitors, creditors, investors, local communities, etc.). As the interests of stakeholders are not identical, the company should find a compromise between them. Likewise, different groups of stakeholders cooperate and compete in order to reach their goals.

As the stakeholder theory was proposed for business organization, one may question its applicability to cooperatives (as their nature is different from the investor-owned firms). However, cooperatives are both business structures (ensure a high level of commercial efficiency in order to survive in the capitalist economy) and social projects (based on social values) (Benavides, Ehrenhard, 2021; Grashuis, Cook, 2017; Novkovic, 2008; Puusa et al., 2013). This dual nature of cooperatives justifies the use of the stakeholder theory, and the interpretation of cooperatives as firms with a specific system of attributes is quite common (Grashuis, Cook, 2016).

When applied to cooperatives, the stakeholder theory demonstrates the non-typical nature of cooperatives. In investor-owned companies, different groups of stakeholders are clearly separated from each other, while in cooperatives, members simultaneously perform roles of several stakeholders — investors, patrons, owners and community members (Limnios et al., 2018). This is called heterogeneity of stakeholders and is inherent to cooperatives (Limnios et al., 2018; Lebedintseva, Deryugin, 2022; Novkovic et al., 2022). Theoretically this heterogene-

ity of members as stakeholders should eliminate the conflict of interests between these groups. As members belong to different groups of stakeholders, they reconcile interests typical for each group.

This interpretation of the stakeholder nature of cooperatives is in line with the concept proposed by Ivan Emelianoff. According to Emelianoff (1995), cooperatives, unlike investor-owned firms, have no interests distinct from interests of their members. As Awoke (2019) puts it, “cooperatives exist in order to provide economic and social benefits to their members”. Companies have to reconcile interests of various groups of external and internal stakeholders, and such reconciliation activities are a source of values for stakeholders and the firm. As cooperative members are heterogeneous as stakeholders with no conflict of interests, there is no need for a cooperative to reconcile their interests and to benefit from such reconciliation activities (cooperatives unite main groups of homogenous stakeholders into a heterogeneous group). Technically the reconciliation of interests takes place when members found or join a cooperative and accept their heterogeneous role as stakeholders. Thus, cooperatives do not have their own goals (distinct from the goals of their members) and serve their members’ interests.

It should be noted that the absence of conflict of interests between different groups of stakeholders does not mean that there is no diversity in members’ preferences (Iliopoulos, Valentinov, 2022). The diversity of preferences (based, for example, on different size of companies, different types of products, etc.) may create frictions within cooperatives (Grashuis, Cook, 2021): some historical forms of cooperatives, for instance, communes with strong religious, social and family ties like kibbutz (Achouch, 2022), were implicitly oriented towards elimination of this diversity by imposing common values on their members (or due to common values of their members); however, this issues is beyond the scope of the paper.

The stakeholder approach ensures a better understand of the hybrid nature of cooperatives. Scholars identify two types of hybridity in cooperative organizations: cooperatives as hybrid institutional arrangements in the new institutional economy (Ménard, 2004; 2022) — as a form of compromise between hierarchy and market (Williamson, 1991); cooperatives play a dual role as they are both economic and social organizations (Novkovic, 2008).

However, according to the stakeholder approach, cooperatives (as an ideal type of organization) should not be considered as hybrids. There is a continuum between investor-owned firms (organizations with distinct homogenous stakeholders) and cooperatives (organizations with merged heterogeneous stakeholders). Obviously, the absolute heterogeneity of cooperative members as stakeholders is an idealistic assumption. First, a full combination of stakeholders’ roles is hardly possible (it can be only partial); second, cooperatives interact with external stakeholders. It means that real cooperatives are hy-

brids of ideal firms and ideal cooperatives, which is true for firms if stakeholders combine different functions, for instance, customers act as investors due to crowdfunding (Fig. 1 presents the business aspect of cooperatives not their social side). However, even partial combination of stakeholders' roles means that heterogeneity is an inherent feature of cooperatives, which can be a potential explanation for their problematic development in Russia).

Firms	Real cooperatives	
	Partially heterogenous stakeholders	Cooperatives
Homogenous stakeholders	Real firms	Heterogenous stakeholders

Fig. 1. Firm-cooperative continuum

Figure 1 explains another hybridity of cooperatives as based on the heterogeneity of their stakeholders: ideal cooperatives (fully heterogeneous stakeholders) are not hybrids (unlike in the continua described above), they represent one pole of this continuum, the importance of which is supported by the fact that in most countries (at least in Europe) cooperatives are legally organized as firms (Forney, Häberli, 2017).

Thus, economic organizations can simultaneously belong to different continuum poles, i.e., show different types of hybridities (Le Velly, Dufeu, 2016). Moreover, the role of the same economic organization may differ in different continua: in some continua, its role can be hybrid, in other — as an economic organization (Valentinov, 2004).

There are many types of cooperatives, and new models develop as cooperative organizations easily adopt new governance, organizational and economic forms in order to better satisfy the needs of their members (Achouch, 2022; Errasti, Mendizabal, 2007; Fisher, Nading, 2021; Hernández Carrión, 2022; Iliopoulos, Theodorakopoulou, 2014; Murphy, Dayan, 2021; Nilsson, 2022; Papadimitropoulos, 2021; Rolfe et al., 2022; Silva, Coleman, 2021; Deshkovskaya, 2009a; 2009b). Obviously, each type of cooperative (probably each cooperative) has its own unique model of heterogeneity of stakeholders.

Unfortunately, this idealistic stakeholder representation of cooperatives does not correspond to real life. While cooperative members may not have conflict of stakeholder interests, they may not have competencies necessary to perform functions of different groups of stakeholders (Michaud, Audebrand, 2022). Members can show different levels of commitment, which decreases the cooperative efficiency (Grashuis, Su, 2019). Moreover, they may not want to perform all functions typical for these groups of stakeholders, as Ozerov (1894) proved in the case study of the Saint Petersburg consumers' cooperative: members want-

ed to benefit from their membership but did not show any intention to participate in cooperative activities; the situation remains the same in Finland in 2018 (Talonen et al., 2018) — members of consumers' cooperatives consider themselves its customers rather than owners, which naturally leads to tensions in cooperatives and makes them non-attractive for potential members as the expected contribution to cooperative is considered too high. According to Grashuis (2018), sometimes the ownership and control can become too burdensome for the cooperative, which leads to its transformation into another governance structure. This proves the dialectic nature of heterogeneity of stakeholders as a feature of cooperatives: this heterogeneity can be both a key advantage (helps to prevent conflict of interests) and a source of problems (if members lack competencies necessary to perform functions of different stakeholders or costs of these functions are too high).

The works on the failure of the cooperative movement in post-Soviet Russia can be divided into the following research directions:

1. Lack of trust in cooperatives as determined by forced collectivization (Hagedorn, 2014). Collectivization destroyed the very idea of cooperation. While this problem is typical for most post-socialist European countries (Falkowski et al., 2017), some of these states seem to be overcoming this legacy (Iliopoulos et al., 2019; Imami et al., 2021; Wolz et al., 2020).
2. Insufficient environment for the development of cooperatives (Hagedorn, 2014). Potential members do not have enough competencies and do not fully understand the advantages of the cooperative organization (even consultants in cooperation show poor professional skills (Antonova et al., 2022)). It is difficult to find potential cooperative leaders who would be able to organize a cooperative and to cope with members' opportunism and diverse preferences.
3. Legal framework does not support cooperation. The state support is not sufficient, although in some Russian regions, in which the local authorities support cooperatives, they are quite successful. It should be noted that the agrarian policy of the Russian government is not uniform but constantly supports large-scale rather than small private farming (Wolz et al., 2016), which led to uncertainty among farmers. Large farms seem to be prioritized due to implementing the policy of import substitution and ensuring food security as crucial for Russian in the current geopolitical situation (Plotnikov et al., 2021). Obviously, such state policies do not contribute to the cooperative development. Potential members do not trust each other and are not ready to invest their efforts into collective actions and management as demanding too many efforts.
4. Transformation of agricultural production. During the golden age of the Russian cooperation (before 1917), most cooperative members produced the same standardized products, and

cooperatives were responsible for marketing and sales of this produce (Bilimovich, 2005). Post-Soviet farmers are interested in the unique products and do not want to mix their products with similar items supplied by other farmers. Farmers who produce standardized products prefer to be contract suppliers to large agricultural companies instead of cooperatives (Vinogradsky, Vinogradskaya, 2022).

Some of these problems are typical for other countries (Ortmann, King, 2007). For instance, farmers in Greece are often unaware about the advantages of cooperatives, which prevents them from joining (Pliakoura et al., 2022). The same is true for energy cooperatives in Germany (Fischer et al., 2021). Education and information sessions have a positive impact on the youth intentions to participate in dairy cooperatives in Ireland (Cele, 2022). Government support and professional managers are the key success factors of agricultural producers' cooperatives in China (Zhang et al., 2020). However, some barriers are specific for Russia. For example, Poland farmers producing standardized mixes do join cooperatives (Falkowski, Chlebicka 2021).

Nevertheless, the lack or low level of the organized cooperation development does not mean that there is no cooperation at all. Farmers in post-Soviet countries may join informal and/or occasional partnerships in order to reach common goals (Falkowski et al., 2017). For instance, Albanian farmers organize informal groups to get a certificate of quality for their products (Imami et al., 2021). The willingness to join such partnerships greatly depends on trust in family ties, personal relationships etc. The same applies to other types of cooperation in other countries, for example, in Italy customers, instead of creating formal consumers' cooperatives, established Solidarity Purchase Groups (Baldi et al., 2019; Fonte, 2013; Maestripieri et al., 2018).

Russian farmers are interested in benefiting from cooperation but do not want to join formal cooperatives (Bozhkova et al., 2020; Golovina et al., 2019). The lack of interest in cooperation may be, at least partially, rooted in the unwillingness to perform all functions of heterogeneous stakeholders at a regular basis. Being heterogeneous stakeholders creates personal tensions, i.e., new forms of cooperation can appear only if this contradiction is resolved.

Heterogeneity of stakeholders can cause the following negative effects:

- Low efficiency of cooperatives due to the lack of competencies necessary to perform functions of different stakeholders (Michaud, Audebrand, 2022). While farmers can be competent enough to organize small business, they may not be able to develop a strategy for a bigger structure and to ensure its everyday management, especially under the high members' diversity. The common way to avoid this problem is to hire professional managers (Chaddad, Iliopoulos, 2013), which would reduce heterogeneity of stakeholders. However, if farmers

think that they do not have necessary competencies they may not be interested in founding a cooperative.

- The change in balance of personal and group goals. Cooperative members are to contribute to cooperative success, which means not only member fees but also collective management, etc.: heterogeneity of stakeholders has to ensure contributions of all groups of stakeholders (Novkovic et al., 2022). These contributions redirect farmers' efforts from their personal businesses to the cooperative. If such contributions are required on a regular basis, the costs of participation in the cooperative can become too high for its members (at the expense of their businesses). Therefore, farmers may want to remain small producers not putting efforts into coordination and management of any collective structure (due to high costs and lack of specific competencies). If the costs of participation are too high farmers will avoid founding or joining the cooperative. However, they may still participate in cooperative projects not requiring regular efforts and with low costs of participation (informal and/or occasional projects). Empirical data supports this idea as in post-Soviet countries farmers prefer informal structures.

Thus, being heterogeneous stakeholders creates personal tensions for farmers, which makes formal cooperation unattractive for them, and they choose other forms of cooperation in order to survive in the market dominated by large agroholdings (Wegren 2018). Moreover, farmers want to preserve their uniqueness and do not wish to participate in collective actions due to their unwillingness to perform the role of heterogeneous stakeholders. It means that farmers want to benefit from cooperation but do not trust in formal participation in cooperatives, i.e., they may choose between three models:

1. Delegating coordination functions to a professional company (operator) which would bring farmers together, develop a product range and provide marketing infrastructure for sales. In this case farmers do not have to openly cooperate with each other, their cooperation is implicit as they contribute to the collective offer. Each farmer has the contract with this professional operator. Farmers preserve their uniqueness as their products are not mixed up and are sold separately under the farmer's brand. A good example of this model are digital platforms of farm products, which are becoming popular in Russia (for instance, Esh Derevenskoe <https://esh-derevenskoe.ru/>). This model represents an application of the platform approach: farmers benefit from the participation in a large organization without any formal commitment. This model represents a hybrid between an ideal firm and an ideal cooperative (obviously being closer to an ideal firm). Technically this model means that farmers pay the operator for the coordination function. The heterogeneity of stakeholders is almost invis-

ible. Farmers may develop the sense of psychological ownership (without any formal property rights to the marketing infrastructure). Farmers can partially invest into the development of this infrastructure. Finally, they are community members of this platform (but the community is implicit). The use of this model does not mean that farmers make a common decision to invite a professional operator — rather an operator offers its coordination services to individual farmers. According to the continuum on Figure 1, this model is closer to firms than cooperatives.

2. Occasional and/or informal partnerships like REKO-rings (Ehrnström-Fuentes, Leipämaa-Leskinen, 2019; Gruvaeus, Dahlin, 2021; Leipämaa-Leskinen, 2021). Participation in such groups does not require constant heterogeneity of stakeholders, and this heterogeneity is less visible than in traditional cooperatives. This model represented by informal networks exists in Russia (Golovina et al., 2019), and on the continuum ‘firms-cooperatives’ it is closer to cooperatives except for its informal and/or occasional type.
3. Cooperation in such a way that farmers benefit from cooperative without contributing to it as heterogeneous stakeholders. As the cooperative movement proves, this model is quite common for consumers’ cooperatives (Ozerov, 1894; Talonen et al., 2018) and makes cooperatives similar to investor-owned firms as cooperative members support the cooperative financially and use coordination services provided by the cooperative management. Members join cooperatives and make a minimal required contribution (like participation fees); they do not participate in everyday management or work; they simply consider themselves cooperative’s customers (not owners or managers) and benefit from cooperative services (this model of cooperative ‘free ride’ differs from the traditional approach in which ‘free ride’ implies the use of cooperative benefits by non-members (Iliopoulos, Theodorakopoulou, 2014)). Cooperative members play just one stakeholder role and avoid heterogeneity of stakeholders, which reduces the costs of participation. Unfortunately, this model makes cooperatives precarious as the financial support is the only members’ contribution. The lack of other contributions determined the scarcity of cooperative resources. However, the general lack of trust in potential cooperative partners does not allow the use of this model in Russia.

The following hypotheses can be formulated for the further empirical study: 1) Farmers do not wish to join cooperatives as they do not want to perform functions of heterogeneous stakeholders due to high resource costs and lack of specific competencies; 2) Farmers’ platforms represent a compromise between farmers’ willingness to benefit from participation in large organizations and farmers’ unwilling-

ness to perform functions of heterogeneous stakeholders; 3) Farmers can accept the role of heterogeneous stakeholders in occasional and/or informal cooperative partnerships due to their temporality and low resource costs. These three models do not correspond to the classic cooperative principles but can help farmers benefit from cooperation (including resource pooling).

Performing all functions of heterogeneous stakeholders requires too many efforts from cooperative members and creates personal tensions, which is why they try to find a compromise between an ideal investor-owned firm and an ideal cooperative (Chibanda et al., 2009; Saladarré et al., 2018) and can prefer informal and/or occasional partnerships and networks instead of formal organizations in order to reduce the costs of participation. Such compromise forms may be very different from traditional cooperatives, but they should not be forbidden or avoided as they provide members with the services they need. It is important to consider these new forms of cooperation in the cooperative research and to provide environment for their development.

Thus, the proposed explanation of the failure of cooperatives in the post-Soviet Russian agriculture, which is based on the stakeholder theory of the firm, is neither exhaustive nor self-sufficient. It complements the existing ideas about the reasons of this failure but does not replace them. The proposed explanation shows that, in addition to external factors (lack of leaders, distrust, low awareness, etc.), inherent features of cooperatives (heterogeneity of stakeholders) should be taken into account to explain the development of agricultural cooperation in post-Soviet Russia.

The ecosystem favorable for agricultural cooperatives, which existed in Russia before 1917, can be an interesting challenge for the concept developed in this paper. Why farmers of tsarist Russia were eager to cooperate despite the heterogeneity of stakeholders? While the question is beyond the scope of the paper, an answer may be that before 1917 the key problems of heterogeneity of stakeholders could be more easily solved due to a higher level of mutual trust and to the institutional support of the society and cooperative enthusiasts. In addition, the model of production and types of products were more similar for all farmers in the same region. Finally, farmers were not dispersed (in most cases belonged to one rural community), which simplified communications and helped to build trust (Bilimovich, 2005). Such a social-economic homogeneity eliminated the problems of heterogeneity of stakeholders (it could be even an advantage — just like the cooperative model presupposed). In other words, institutional environment can reinforce both strong and weak sides of heterogeneity of stakeholders, i.e. the favorable institutional environment can solve the problem of heterogeneity of stakeholders, proving the close link between external (institutional environment) and external (heterogeneity of stakeholders) factors of the cooperative success and failure.

References

- Achouch Y. (2022) The destiny of kibbutz industry in Israel: From family businesses to cash mergers. *Journal of Co-operative Organization and Management*, vol. 10, no 2.
- Antonova M., Nilsson J., Potapova A. (2022) Obstacles for agricultural cooperatives in Russia: The competencies of experts. *Journal on Food System Dynamics*, vol. 13, no 3.
- Awoke H. M. (2021) Member commitment in agricultural cooperatives: Evidence from Ethiopia. *Cogent Business & Management*, vol. 8, no 1.
- Baldi L., Bertoni D., Migliore G., Peri M. (2019). How alternative food networks work in a metropolitan area? An analysis of Solidarity Purchase Groups in Northern Italy // *Agricultural and Food Economics*. Vol. 7. Article 20. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40100-019-0139-3>
- Benavides A. F. C., Ehrenhard M. (2021). Rediscovering the Cooperative Enterprise: A Systematic Review of Current Topics and Avenues for Future Research // *Voluntas*. Vol. 32. P. 964–978. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11266-021-00328-8>
- Bilimovich A. D. (2005) *Kooperatsiya v Rossii do, vo vremya i posle bolshevikov* [Cooperation in Russia Before, Under and After the Bolsheviks], Moscow: Nauka.
- Bozhkov O. B., Nikulin A. M., Poleshchuk I. K. (2020). Agricultural cooperation in the Northern Non-Black-Earth Region: formal and informal practices // *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 20. No. 4. P. 889–904. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-889-904>
- Cele L. (2022) Youth perceptions of, and willingness to join Irish dairy cooperatives and their governance. *Journal of Co-operative Organization and Management*, vol. 10, no 2.
- Chaddad F., Iliopoulos C. (2013). Control Rights, Governance, and the Costs of Ownership in Agricultural Cooperatives // *Agribusiness*. Vol. 29. P. 3–22.
- Chibanda M., Ortmann G. F., Lyne M. C. (2009) Institutional and governance factors influencing the performance of selected smallholder agricultural cooperatives in Kwa Zulu-Natal. *Agrekon*, vol. 48, no 3.
- Deshkovskaya N. S. (2009a). Evolution of cooperative forms of organization of agribusiness in modern economy. Tomsk: Tomsk State University.
- Deshkovskaya N. S. (2009b). Institutional innovations in the cooperative sector of agribusiness of foreign countries: demutualization and hybrids // *Journal of the Tomsk State University*. No 325. P. 119–124. Ehrnström-Fuentes M., Leipämaa-Leskinen H. (2019) Boundary negotiations in a self-organized grassroots-led food network: The case of REKO in Finland. *Sustainability*, vol. 11, no 15.
- Emelianoff I. (1995) *Economic Theory of Cooperation: Economic Structure of Cooperative Organizations*, Davis: Center for Cooperatives, University of California
- Errasti A., Mendizabal A. (2007). The Impact of Globalisation and Relocation Strategies in Large Cooperatives: The Case of the Mondragón Cooperative Fagor Electrodomésticos S. Coop // Novkovic S. and Sena V. (Ed.) *Cooperative Firms in Global Markets (Advances in the Economic Analysis of Participatory & Labor-Managed Firms*, Vol. 10). Bingley: Emerald Group Publishing Limited. P. 265–295.
- Falkowski J., Chlebicka A., Łopaciuk-Goncaryk B. (2017) Social relationships and governing collaborative actions in rural areas: Some evidence from agricultural producer groups in Poland. *Journal of Rural Studies*, vol. 49.
- Fischer B., Gutsche G., Wetzel H. (2021) Who wants to get involved? Determining citizen willingness to participate in German renewable energy cooperatives. *Energy Research & Social Science*, vol. 76.
- Fisher J. B., Nading A. M. (2021). The end of the cooperative model (as we knew it): Communing and co-becoming in two Nicaraguan cooperatives // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 4. No. 4. P. 1232–1254. DOI: <https://doi.org/10.1177/2514848620901439>

I. Kolliarov
Heterogeneity of stakeholders as an obstacle to the development of cooperatives in Russia

- Fonte M. (2013). Food consumption as social practice: Solidarity Purchasing Groups in Rome, Italy // *Journal of Rural Studies*. Vol. 32. P. 230-239. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2013.07.003>.
- Forney J., Häberli I. (2017). Co-operative values beyond hybridity: The case of farmers' organisations in the Swiss dairy sector // *Journal of Rural Studies*. Vol. 53. P. 236-246.
- Freeman R. E. (1984) *Strategic Management: A Stakeholder Approach*, Boston: Pitman.
- Golovina S., Hess S., Nilsson J., Wolz A. (2019). Networking among Russian farmers and their prospects for success // *Post-Communist Economies*. Vol. 31. No 4. P. 484-499.
- Grashuis J. (2018). An Exploratory Study of Cooperative Survival: Strategic Adaptation to External Developments // *Sustainability*. Vol. 10. No. 3. P. 652. Grashuis J., Cook M. L. (2017). Farmer Cooperatives as Systems of Attributes: An Analysis of Ownership and Investment Complementarities // Hendrikse G., Cliquet G., Ehrmann T., Windsperger J. (eds). *Management and Governance of Networks. Contributions to Management Science*. Cham: Springer. P. 131-147.
- Grashuis J., Cook M. (2021). Members of cooperatives: More heterogeneous, less satisfied? // *The International Food and Agribusiness Management Review*. Vol. 24. No 5. P. 813-825.
- Grashuis J., Su Y. (2019). A review of the empirical literature of farmer cooperatives: performance, ownership and governance, finance, and member attitude // *Annals of Public and Cooperative Economics*. Vol. 90, P. 77-102.
- Gruvæus A., Dahlin J. (2021) Revitalization of food in Sweden — a closer look at the REKO Network. *Sustainability*, vol. 13, no 18.
- Hagedorn K. (2014) Post-socialist farmers' cooperatives in Central and Eastern Europe. *Annals of Public and Cooperative Economics*, vol. 85, no 4.
- Hendrikse G. W. J., Veerman C. P. (2001). Marketing cooperatives and financial structure: a transaction costs economics analysis // *Agricultural Economics*. Vol. 26. No 3. P. 205-216.
- Hernández Carrión J. R. (2022). Deconstructing the “peer-to-peer sharing economy”: The challenge of the collaborative economy to platform co-operatives in the post-labor age of the 21st Century // *CIRIEC-España, Revista de Economía Pública, Social y Cooperativa*. Vol. 105. P. 177-204.
- Iliopoulos C., Theodorakopoulou I. (2014). Mandatory cooperatives and the free rider problem: the case of Santo Wines in Santorini, Greece // *Annals of Public and Cooperative Economics*. Vol. 85. P. 663-681.
- Iliopoulos C., Valentinov V. (2022) Cooperative governance under increasing member diversity: Towards a new theoretical framework. *Scandinavian Journal of Management*, vol. 38, no 1.
- Iliopoulos C., Värnik R., Filippi M., Völli L., Laaneväli-Vinokurov K. (2019) Organizational design in Estonian agricultural cooperatives. *Journal of Co-operative Organization and Management*, vol. 7, no 2.
- Imami D., Valentinov V., Skreli E. (2021) Food safety and value chain coordination in the context of a transition economy: The role of agricultural cooperatives. *International Journal of the Commons*, vol. 15, no 1.
- Kurakin A., Visser O. (2017) Post-socialist agricultural cooperatives in Russia: A case study of top-down cooperatives in the Belgorod Region. *Post-Communist Economies*, vol. 29, no 2.
- Leathers H. D. (2006). Are Cooperatives Efficient When Membership Is Voluntary? // *Journal of Agricultural and Resource Economics*. Vol. 31. No 3. P. 667-676.
- Lebedintseva L. A., Deryugin P. P. (2021). Business and social entrepreneurship: a review of main theoretical models // *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No 1. P. 155-165. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-155-165>
- Leipämaa-Leskinen H. (2021) Practicing mundane consumer resistance in the REKO local food system. *Qualitative Market Research*, vol. 24, no 3.
- Le Velly R., Dufeu I. (2016) Alternative food networks as “market agencements”: Exploring their multiple hybridities. *Journal of Rural Studies*, vol. 43.

- Limnios E. M., Mazzarol T., Soutar G. M., Siddique K. H. (2018) The member wears four hats: A member identification framework for co-operative enterprises. *Journal of Co-operative Organization and Management*, vol. 6, no 1.
- Maestripieri L., Giroletti T., Podda A. (2018). Solidarity Purchasing Groups in Italy: A critical assessment of their effects on the marginalisation of their suppliers // *The International Journal of Sociology of Agriculture and Food*. Vol. 24. No. 3.
- Ménard C. (2004) The economics of hybrid organizations. *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) = Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft*, vol. 160, no 3.
- Ménard C. (2022). Hybrids: Where are we? // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 18. No 2. P. 297–312.
- Michaud M., Audebrand L. K. (2022) One governance theory to rule them all? The case for a paradoxical approach to co-operative governance. *Journal of Co-operative Organization and Management*, vol. 10, no 1.
- Murphy D., Dayan, T. (2021). SMart: a cooperative of artists that works for artists? // *Transfer: European Review of Labour and Research*. Vol. 27. No 2. P. 255–261.
- Nilsson J. (2022). Agricultural Cooperative Development and Institutional Change: Swedish Examples from 1990 to 2020 // *International Journal on Food Systems Dynamics*. Vol. 13. No 2. P. 115–127.
- Novkovic S. (2008) Defining the co-operative difference. *Journal of Socio-Economics*, vol. 37, no 6.
- Novkovic S., Puusa A., Miner K. (2022) Co-operative identity and the dual nature: From paradox to complementarities. *Journal of Co-operative Organization and Management*, vol. 10, no 1.
- Ortmann G. F., King R. P. (2007) Agricultural cooperatives II: Can they facilitate access of small-scale farmers in South Africa to input and product markets? *Agrekon*, vol. 46, no 2.
- Ozerov I.Kh. (1894) *S.-Peterburgskie obshchestva potrebiteley* [Saint-Petersburg Consumer Societies], Saint Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova.
- Papadimitropoulos E. (2021). Platform Capitalism, Platform Cooperativism, and the Commons // *Rethinking Marxism*. Vol. 33. No 2. P. 246–262.
- Pereira J. R. (2016) Producer Cooperatives: a Transaction Cost Economic Approach // Taisch, F, Jungmeister, A and Gernet, H. (eds.). *Cooperative Identity and Growth: Conference Proceedings of ICCS 2016 in Lucerne. XVIII International Conference on Cooperative Studies 2016: Cooperative Identity and Growth, 14–16 Sep 2016, Lucerne, Switzerland*. Verlag Raiffeisen Schweiz, pp. 528–536.
- Pliakoura A. P., Beligiannis G., Kontogeorgos, A. (2022) Significant barriers to the adoption of the agricultural cooperative model of entrepreneurship: A literature review. *International Journal of Social Economics*, vol. 49, no 1.
- Plotnikov V., Nikitin Y., Maramygin M., Ilyasov R. (2021) National food security under institutional challenges (Russian experience). *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 41, no 1/2.
- Puusa A., Mönkkönen K., Varis A. (2013). Mission lost? Dilemmatic dual nature of co-operatives // *Journal of Co-operative Organization and Management*. Vol. 1. No 1. P. 6–14.
- Rolfe J., Akbar D., Rahman A., Rajapaksa D. (2022). Can cooperative business models solve horizontal and vertical coordination challenges? A case study in the Australian pineapple industry // *Journal of Co-operative Organization and Management*. Vol. 10. No 2. P. 100184.
- Silva A. H., Caleman S. M. Q. (2021). Allocation of property rights in emerging governance models of agricultural cooperatives in Mato Grosso do Sul: a comparative analysis with traditional cooperatives // *Revista de Economia e Sociologia Rural*. Vol. 59. No 3. e231502.
- Salladarré F., Guillotreau P., Debucquet G., Lazuech G. (2018) Some good reasons for buying fish exclusively from community-supported fisheries: The case of Yeu Island in France. *Ecological Economics*, vol. 153.

- Talonen A.P., Jussila I., Tuominen P., Koskinen L. (2018) Failing to develop a sense of ownership: A study in the consumer co-operative context. *Cogent Business & Management*, vol. 5, no 1.
- Valentinov V. (2004) Toward a social capital theory of cooperative organization. *Journal of Cooperative Studies*, vol. 37, no 3.
- Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O.Ya. (2022). Otechestvennoe fermerstvo — signaly novizny [National farming — signals of novelty]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 1.
- Wegren S. K. (2018). The “left behind”: Smallholders in contemporary Russian agriculture // *Journal of Agrarian Change*. Vol. 18. No 4. P. 913–925.
- Williamson O. E. (1991). Comparative economic organization: The analysis of discrete structural alternatives. *Administrative Science Quarterly*, vol. 36, no 2.
- Wolz A., Golovina S., Nilsson J., Hess, S. (2016) Reviewing changing institutional conditions for private farming in Russia. *Outlook on Agriculture*, vol. 45, no 2.
- Wolz A., Möllers J., Micu M. M. (2020) Options for agricultural service cooperatives in a post-socialist economy: Evidence from Romania. *Outlook on Agriculture*, vol. 49, no 1.
- Yanbykh R., Saraikhin V., Lerman Z. (2019) Cooperative tradition in Russia: A revival of agricultural service cooperatives? *Post-Communist Economies*, vol. 31, no 6.
- Zhang S., Wolz A., Ding Y. (2020) Is there a role for agricultural production cooperatives in agricultural development? Evidence from China. *Outlook on Agriculture*, vol. 49, no 3.

Гетерогенность участников как препятствие для развития сельскохозяйственных кооперативов в России

Иван Котляров — кандидат экономических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). Адрес. Улица Кантемировская, дом 3, корп. 1, лит. А 194100 Санкт-Петербург, Российская Федерация E-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

Аннотация. В статье представлен новый подход к проблеме несостоятельности кооперативной модели в постсоветском сельском хозяйстве. Этот подход основан на теории стейкхолдеров (заинтересованных сторон): выполнение всех функций разнородных стейкхолдеров на регулярной основе может быть слишком ресурсозатратным, а у потенциальных членов кооператива может не быть достаточных компетенций для решения всех задач. Во-первых, статья дополняет существующие объяснения непривлекательности кооперативной модели для российских фермеров. Во-вторых, исследование показывает взаимосвязь между кооперативной теорией стейкхолдеров и теорией кооперативной организации, предложенной Иваном Емельяновым (1995) в его новаторской работе «Экономическая теория кооперации». В-третьих, исследование по-новому обосновывает гибридную природу кооперации. Статья начинается с короткой методологической справки — описания теории стейкхолдеров применительно к изучению кооперативных организаций; далее следует обзор основных исследовательских подходов к объяснению несостоятельности кооперативного движения в российском сельском хозяйстве, раздел о противоречиях между кооперативной теорией стейкхолдеров и интересами фермеров, и раздел о возможных путях преодоления подобных противоречий. Автор полагает, что нужны новые формы организации бизнеса, представляющие собой компромисс между идеальной фирмой и идеальным кооперативом. Эти новые формы помогут фермерам получать выгоду от сотрудничества без формального участия в кооперативах.

Ключевые слова: кооператив, теория стейкхолдеров, платформа, неоднородность стейкхолдеров

Корейские «колхозы» в Маньчжоу-го (1932–1945 годы)

В. А. Гайкин

Виктор Алексеевич Гайкин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89. E-mail: unara49@mail.ru

Аннотация. В статье дается характеристика «коллективным деревням», населенным корейскими переселенцами в Маньчжурии. Эти сельхозпредприятия выполняли роль поставщика продукции для Квантунской армии и Японии. В 1944 году в Северо-Восточном Китае проживало 24 000 семей «коллективных» иммигрантов (10% корейских переселенцев в Маньчжоу-го). Все они зависели от японских колониальных структур, которые снабжали крестьян предметами первой необходимости, сельхозорудиями, забирая большую часть урожая. Деревни японских переселенцев имели военно-стратегическое значение. Они создавались на территориях, граничивших с СССР, в качестве оплота колониальной власти и для контроля над Маньчжурией. Колонисты-корейцы не внушали доверия колонизаторам, но корейские «колхозы» должны были обеспечивать продовольствием японскую экспансию. Пространственная конструкция такой деревни представляла собой закрытый, удобный для наблюдения и контроля прямоугольник, обеспечивавший изоляцию жителей поселка от внешнего мира. Японские чиновники обещали корейским арендаторам передать земли, которые они обрабатывали, в собственность после возврата полученных от японской компании кредитов. Вера в получение собственного участка земли мотивировала корейских крестьян производительно трудиться. В действительности кредиты, получаемые арендаторами, были орудием их закабаления, зачастую они использовались для выплаты долга по прежним займам. «Колхозники» увязали в долговой кабале, возможность получения земли в собственность после выплаты кредитов была призрачной. К концу 1930-х годов обитатели коллективных деревень начали ощущать себя жертвами японской колониальной аферы, и это привело к многочисленным выходам из «колхозов», бегству корейцев.

Ключевые слова: Маньчжоу-го, Корея, коллективные деревни, сельское хозяйство, корейские переселенцы, колониальная политика Японии, антияпонские партизаны

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-33-46

История корейской колонизации Маньчжурии

В 1869–1870 годах череда неурожаев поразила северные провинции Кореи. Целые деревни снимались с места и уходили в приграничную Маньчжурию. Переселенцы распахивали целину, арендовали землю у китайцев, захватывали пустующие земельные участки. В 1890 году иммигранты получили документы, предоставляющие им право собственности на землю, которую они обрабатывали, и обя-

зующие их платить земельный налог как полноправных китайских граждан (Shuhsi Hsu, 1926: 285). Не следует думать, что с этого времени все корейцы в Цзяньдао стали земельными собственниками. Многие из них продолжали работать на китайской земле в качестве арендаторов. «Несчастный кореец — раб китайского земельного собственника, раб хунхуза...» — пишет Н. Г. Гарин-Михайловский (Гарин-Михайловский, 1958: 262).

Согласно китайским данным, в 1896 году в Цзяньдао насчитывалось 4308 семей корейцев, или 20 899 человек, а по всей Маньчжурии — около 40 тыс. человек (Loh Kue Нуун, 1976: 145). Согласно данным переписи 1907 года, в Цзяньдао насчитывалось 72 056 корейцев и 21 983 китайца (Тёсэн тодзи сирё, 1970а: 326). Уже в начале XX века соотношение китайского и корейского населения в Цзяньдао составляло 1:3. По существу, это был корейский национальный район в Северо-Восточном Китае.

По японо-китайскому договору 1909 года четыре уезда провинции Цзилинь — Яньцзи, Хэлун, Ванцин, Хунчунь — были открыты для въезда и поселения корейцев, что стало предпосылкой образования здесь самого значительного корейского этнического массива. В четырех уездах Цзяньдао-Хунчуньского района проживало в 1920 году 143 тыс. человек, из них корейцев — 109 500, китайцев — 33 тысячи. К 1931 году население возросло до 381 554, из них корейцев — 307 806 человек, китайцев — 73 748 человек (Леонидов, 1930: 92). На 1931 год число жителей превысило 500 тыс. человек, из которых корейцы составили 395 847 человек (Мун Ёндо, 1967: 12).

Корейские иммигранты, пройдя через Цзяньдао, селились и во внутренних районах провинции Цзилинь, примыкающих к крупным населенным пунктам: Цзилинь, Чанчунь, Дуньхуа, Паньши, Нингута, где корейцы разрабатывали пустоши под заливные рисовые поля.

Еще один район значительной концентрации корейского населения — это приграничные уезды провинций Цзилинь (в районе Чанбайшаня) и Ляонин: Аньту, Фушунь, Куаньдянь, Линьцзянь, Цзиань, Чанпай, Тунхуа, Синцзин, Хуанжэнь, Аньдун. Из районов, примыкающих к реке Ялуцзян, корейцы распространялись вглубь провинции Ляонин, где концентрировались вокруг мелких и крупных городов, таких как Шэньян, Аньшань, Тэлин.

К началу 1930-х годов корейские поселения распространились до района Инкоу, на севере — до низовьев р. Сунгари, на западе — до Хайлара. В Северной Маньчжурии корейские поселки можно было встретить почти на всем протяжении КВЖД.

В 1927 году из 85 367 тё заливных рисовых полей в Маньчжурии корейцы обрабатывали 74 029 тё¹ (7/8 общей площади) (Ли Канг, 1932: 96). Но так как кроме заливного риса в Маньчжурии культивировался и суходольный, занимавший площадь 119 487 тё (уро-

1. 1 тё (бу) = 0,9918 га

жай — 1 859 460 коку на начало 1930-х годов), то вклад корейцев в производство всего риса Маньчжурии, как заливного, так и суходольного, был более скромный, но тем не менее впечатляющий — 40% валового сбора (Пак, 1932: 114).

Если в начале XX века во владении 29 тыс. дворов корейцев Цзяньдао находилось 20 тыс. тё земли, а 6 тыс. дворов китайцев имели 45 тыс. тё (Тёсэн тодзи сирё, 1971: 922), то уже в 1928 году корейцы владели 55% обрабатываемой земли в этом регионе (Ли Хунгу, 1932: 141). В Цзяньдао в силу климатических условий выращивались главным образом суходольные культуры, основными из которых были просо (чумиза), соя, гаолян. Просо — основной продукт питания корейских крестьян, а также экспортная культура. Соя шла главным образом на экспорт и частично потреблялась на месте. Эти две культуры занимали на 1926 год больше половины всей посевной площади: просо — 58 993 тё, соя — 52 634 тё (Дзюнсукэ Усимару, 1927: 288). Культура заливного риса была распространена меньше.

За пределами Цзяньдао обработку земель, годных для выращивания суходольных культур (сои, проса, гаоляна), вели главным образом китайцы. Корейцы занимали земли, которые китайские крестьяне считали непригодными для возделывания — заболоченные земли, низины, берега рек. После строительства примитивных ирригационных сооружений они успешно выращивали на них заливной рис, культуру в то время редкую для маньчжурских китайцев. Все исследователи отмечают приоритет корейцев в распространении в Маньчжурии заливного риса (Дзюнсукэ Усимару, 1927: 358, 369).

Уровень жизни большинства корейских крестьян оставался крайне низким. Полуфеодалные аграрные отношения сохранялись в почти неизменном виде с середины XIX века. Их становление проходило в условиях неравноправия двух этнических групп, столкнувшихся на территории Восточной Маньчжурии, — китайцев и корейцев, дискриминации и эксплуатации первыми последних. Бесправие корейцев, их зачастую незаконное проникновение в Маньчжурию позволяло китайским переселенцам объявлять своей собственностью не только пустующие земли, но и участки, уже обрабатываемые корейскими иммигрантами. В этом случае корейские крестьяне превращались в арендаторов, гнувших спину на новоявленных хозяев. Таким образом создавались крупные землевладения китайцев. Путешествуя по Маньчжурии и Корею в 1898 году Н. Г. Гарин-Михайловский записал в дневник: «На той стороне (р. Тумыньцзян — В. Г.) китайский берег, обработанные поля. Это работа корейцев, а поля китайские, и берут с них китайцы из десяти снопов в свою пользу шесть» (Гарин-Михайловский, 1958: 177).

В конце XIX — начале XX века по мере проникновения иностранного капитала в Маньчжурию, вовлечения Северо-Востока Китая в мировую торговлю сельскохозяйственными продуктами,

китайские и корейские крестьяне втягивались в выращивание рыночных культур, поставляемых на мировой рынок (соя, рис, пшеница и др.). Начался процесс превращения натуральных и полунатуральных хозяйств в товарные при сохранении полуфеодалных отношений. Товаризация сельского хозяйства Маньчжурии расслаивала корейских крестьян. Из их среды выделялись богатые крестьяне, превращавшиеся в землевладельцев, сдававших землю в аренду. Во второй половине 1920-х годов только 40% корейцев-арендаторов арендовали землю у китайских помещиков, 60% арендовали участки уже у «своих», корейских (Дзюнсукэ Усима-ру, 1927: 309).

Большинство корейских крестьян оставалось безземельными арендаторами. Так, по некоторым данным, в 1910 году арендаторов насчитывалось 36%, полуарендаторов — 35%, крестьян-собственников — 29%. Среди китайцев, соответственно, — 17%, 27% и 56% (Тёсэн тодзи сирё, 1971: 923). Доля крестьян-собственников среди китайцев была почти в два раза выше, чем у корейцев. Надо сказать, что землевладельцы-помещики не выделялись при обследовании в отдельную категорию и, видимо, включались в группу крестьян-собственников. Полуфеодалные отношения сдерживали развитие капиталистических элементов в деревне. Особенностью социальной структуры корейских поселений было преобладание бедняцкой массы арендаторов и мелких крестьян-собственников. Кулаков-корейцев, ведущих капиталистическое хозяйство, было, видимо, настолько мало, что они не выделялись при обследовании в отдельную группу, так же как не выделялись батраки, хотя некоторые авторы упоминают о наличии таковых, определяя их численность в несколько тысяч человек (Ли Канг, 1932: 96).

Если в начале XX века в китайской этнической группе Цзяньдао арендаторов и полуарендаторов было только 22,5%, то 56,5% корейских крестьян либо совсем не имели земли, либо имели мало. Очень велик был процент китайцев-землевладельцев, живших на доходы от сдачи земли в аренду, — почти 45%.

Доля крестьян-собственников в корейской этнической группе увеличилась с 23% в 1910 году до 36% в 1925 году. Причины, обусловившие рост прослойки собственников в этот период, было несколько — особый статус Цзяньдао как района, открытого для иммиграции и проживания корейских переселенцев, уменьшал дискриминацию корейцев по сравнению с другими районами Маньчжурии. Наличие большого количества необрабатываемых земель снижало цену на землю, которая здесь составляла от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ по сравнению со стоимостью земли в Северной Корее (Тёсэн тодзи сирё, 1971: 924). Чрезвычайно низкий прожиточный минимум корейского крестьянина (30 иен в год корейского арендатора в сравнении с 50 иенами в год арендатора-китайца (Мун Ындо, 1967: 16)) позволял откладывать деньги на покупку земли. При этом надо учитывать более высокую урожайность культур в Цзяньдао (почти в два

раза) и большой размер участков по сравнению с Кореей, а значит, и более высокую товарность: средний размер корейского крестьянского хозяйства составлял в Цзяньдао 3,3 тэ (Мун Ындо, 1967: 299), а в корейской провинции Северная Хамген только 2 тэ (Мансю сангё кэнсэу, Б.г.: 259).

Арендная плата в разных районах Маньчжурии была неодинаковой. В Цзяньдао она составляла от 30 до 50% урожая и была одной из самых высоких, сопоставимой лишь с арендными ставками Южной Маньчжурии.

Из 201 корейских хозяйств, обследованных в провинции Цзилинь, 189 арендовали землю. По данным Ли Хунгу, средний размер арендной платы составлял 20%. Однако автор отмечает, что «владелец земли снабжает арендатора всем необходимым (семена, пропитание), что ставит корейского земледельца в положение раба по крайней мере на первый год». Хозяину за долги обычно отдается 50% урожая. В результате треть из обследованных семей не сводила концы с концами. Всего лишь три семьи не имели долгов, все остальные были, как правило, должны ростовщикам, заемным китайским конторам и пр. (Ли Хунгу, 1932: 155-156).

Провинция Ляонин была довольно плотно заселена китайцами. При распашке целины кореец отдавал землевладельцу 20–40% урожая (Тёсэн тодзи сирё, 1970 б: 553). На распаханых землях корейцы-арендаторы, как правило, были исполщиками (половина урожая отдавалась землевладельцу). Большинство корейских арендаторов не сводили концы с концами.

Коллективные (безопасные) деревни (1931–1936 годы)

После агрессии в 1931 году японской армии и захвата Маньчжурии японские колонизаторы начали системную политику в отношении миллиона корейских колонистов с целью использования их для решения своих политических задач.

В рамках борьбы с антияпонским партизанским движением была разработана программа создания (корейских) так называемых «коллективных деревень» (другое название «безопасные деревни»). Коллективные деревни — перевод японского наименования этого типа сельхозпредприятий (сюдан бураку), сошедшего с советским названием «колхозы». Разбросанные корейские хутора сселяли вместе, чтобы предотвратить снабжение крестьянами продовольствием антияпонских повстанцев (через 30 лет американцы повторили эту тактику во Вьетнаме — «стратегические деревни»).

Первые корейские коллективные деревни японские колониальные учреждения в Маньчжурии начали создавать в 1932 году. До 1935 года было создано пять (по другим данным, шесть) таких поселков. Два в провинции Ляонин (Фэнтянь), один в провинции Цзилинь, и три в провинции Хэйлунцзян. В них было вселено 2620

семей — 12 357 человек местных корейских крестьян и беженцев из районов вооруженного сопротивления японской армии отрядов инсургентов (Мансю ногё имин гайсэцу, 1939: 70).

В провинции Цзяньдао с 1933 по 1936 год японцы создали 28 коллективных деревень с населением 16 469 человек (2933 семьи).

На рисунке 1 фотография коллективной деревни. Архитектурная форма коллективных деревень визуально отражала отношения власти колонизаторов над колонизируемыми. Пространственная конструкция такой деревни представляла собой закрытый, удобный для наблюдения и контроля прямоугольник, обеспечивавший изоляцию жителей поселка от внешнего пространства. Ворота, дороги, одинаковые дома, сооружения общего пользования и контрольно-пропускные пункты находились в строго спланированном порядке. Каждая деревня была окружена оборонительным земляным валом с колючей проволокой. Высота и толщина вала зависела от стратегической важности региона и уровня угрозы со стороны анти-японских отрядов. Например, на плане коллективных (безопасных) деревень в провинции Цзяньдао защитная стена имела 2,7 метра высоты и 1 метр ширины. В других провинциях параметры стены — 3 и 2 метра соответственно. На каждом углу оборонительной стены находилась башня для пяти стрелков, обороняющих поселок.

Рис. 1. Вид коллективной деревни (провинция Цзяньдао)

Каждая деревня имела батарею от 4 до 9 пушек. В некоторых случаях вокруг поселка на расстоянии 20 метров от стены устанавливалась колючая проволока высотой от 2 до 5 метров. Коллективные деревни обычно имели четверо ворот, по крайней мере двое из которых были узкие и соединены малыми проходами, ведущими внутрь и вне поселка. В целях контроля над населением

одни ворота предназначались для дневного использования и были закрыты в течение ночи. Дорога от ворот к центру деревни была около шести метров шириной. Если ранние американские города строились вокруг церкви, то в центре каждой коллективной деревни находилась городская площадь с полицейским участком, штабом отряда самообороны, школой, медицинским пунктом и другими общественными учреждениями. Незастроенное пространство в центре предназначалось для физических упражнений или сбора крестьян в чрезвычайной ситуации. Башня наблюдения высотой восемнадцать метров была размещена в центре некоторых «коллективных деревень». Дороги были подведены к деревне со всех четырех сторон и использовались для транспортировки зерна. Дороги разделяли внутреннюю зону поселка на 4 сектора, каждый из которых имел один общий колодец и двадцать пять домохозяйств, или одну четвертую от общего числа домохозяйств в безопасной деревне. В целях экономии земли домохозяйствам было запрещено иметь огород.

Архитектурный образ коллективных деревень напоминает план турьмы с камерами по периметру и наблюдателем-охранником в центре. Этот архитектурный паттерн визуализировал отношения подчинения и контроля, создавал эффект постоянного наблюдения за их жителями, что объясняет крайне редкие случаи организованных протестов или столкновений с японскими отрядами внутри таких поселков. Несмотря на то что японская колониальная администрация не исключала применение силы, пространственный режим-порядок в сочетании с наличием полиции и расквартированными армейскими частями демонстрировал силу колонизаторов, которые опасались колонизированных корейцев.

Часть корейских беженцев из партизанских районов и новых иммигрантов селили в районы, где земли никогда не обрабатывались. Но некоторых поселяли на территории, где уже жили китайские крестьяне. Это ухудшало отношения между китайцами и корейцами, усиливало конфронтацию между этническими сообществами.

Был и более мягкий вариант создания «колхозов» без экспроприации земли, принадлежащей китайским собственникам. Японский автор Онда Сакубэ в статьях в журнале «Мансю хёрон» в 1935 году описал коллективные деревни: «Сначала уездные чиновники договариваются с местными землевладельцами о вселении корейских арендаторов и уменьшении арендной платы до 30% урожая. Размер участка, который арендатор получал в коллективной деревне, определялся числом членов семьи: пять гектаров — на семью до 5 человек; десять гектаров — для семьи от 5 и более человек. Для обеспечения продовольствием каждая семья использовала один гектар для выращивания ячменя, картофеля. На 1 двор выдавали пятьдесят вон (корейская денежная единица) кредитов для строительства дома и двадцать вон для сельскохозяйственных нужд на 3 года под 8,4% годовых» (Онда Сакубэ, 1935: 22).

Жители коллективных деревень были в основном арендаторы и полуарендаторы; в октябре 1934 года в Цзяньдао они составляли около 67% крестьян в шести «колхозах» в уезде Хверён и 52% в трех коллективных деревнях в уезде Ванцин. По мнению Онда Сакубэ, «в коллективных деревнях реализовывалась программа кредитования, для создания хозяйств крестьян-собственников» (Там же: 27).

Японские чиновники, создававшие корейские коллективные деревни, пропагандировали будущую передачу земли, которую обрабатывали корейские арендаторы, в их собственность, что мотивировало корейских крестьян производительно трудиться. В действительности, кредиты, получаемые арендаторами, были орудием закабаления крестьян. Обещания передать им землю после выплаты ими кредитов были маячившей впереди фантомной «морковкой». Корейцы, вселяемые в коллективные деревни, зачастую не имели никакого имущества, поскольку были переселены из других мест (партизанских территорий), и были вынуждены брать кредиты у японских организаций, курировавших коллективные деревни, чтобы закупать все — от продуктов питания и одежды до сельскохозяйственных орудий. Они с трудом оплачивали проценты по взятым займам, только чтобы взять новые кредиты. По мнению японского автора, «обеднение крестьян после вселения в коллективные деревни стало распространённым явлением» (Мансю хидзоку..., 1938: 125). Однако в отличие от советских колхозов, где часто только «кнут» был мотивацией к труду, японские чиновники придумали виртуальный «пряник» — надежду крестьян стать собственниками земли.

Вариантом советского «кнута» были назначенные старосты деревень и «Ассоциации взаимопомощи» (Mutual aid association), поддерживавшие повседневную трудовую дисциплину под лозунгом самоуправления и контролировавшие своевременную выплату крестьянами кредитов и процентов по ним. Они были созданы администрацией генерал-губернаторства Корея и японским генконсульством в провинции Фэнтянь (Fengtian) из лояльных корейцев. Администрация генерал-губернаторства Корея была основным источником финансирования «Ассоциаций взаимопомощи». Например, администрация предоставила 24 445 вон из 38 000 вон, израсходованных ассоциацией взаимопомощи на создание и функционирование безопасных деревень.

«Ассоциация взаимопомощи» официально декларировала целью своей работы предотвращение сгона корейцев с их участков земли через стабилизацию работы крестьян и улучшение условий жизни. Она также выполняла полицейские и отчасти политические функции, ее члены были обязаны сообщать обо всех контактах сельских жителей-корейцев с бойцами антияпонских партизанских отрядов. Одной из основных функций «Ассоциации» было погашение сельскохозяйственных кредитов, выданных корейским крестьянам колонизационными компаниями (Hyun Ok Park, 2005: 237). Деклари-

руя на словах необходимость развития самоуправления корейцев внутри поселков, «Ассоциация» забирала урожай у корейцев — членов коллективных деревень, оставляя лишь объем, необходимый для потребления в домохозяйстве, продавала урожай на рынке, осуществляла необходимые платежи по кредитам, после чего возвращала остаток денежных средств или урожая домохозяйствам пропорционально изъятой у них продукции (Там же: 57). Погашение в срок кредита «колхозниками» не требовало внешнего принуждения (вмешательства полиции). Право применять санкции было передано от полиции к «Ассоциации взаимопомощи».

Коллективизм крестьян выражался в совместном труде при подготовке общими усилиями территории для выращивания заливного риса, строительства каналов, либо при подготовке целинных земель к выращиванию культур. Основная часть работы по выращиванию культур осуществлялась крестьянами в индивидуальном порядке на выделенных им участках. Прекращение работы (выход из «колхоза») для корейского крестьянина не предусматривался.

Все домохозяйства должны были сдавать в «Ассоциацию взаимопомощи» для продажи выращенный урожай за вычетом доли, необходимой для внутрисемейного потребления. «Ассоциация» следила, чтобы «колхозники» не прятали зерно. Деньги, вырученные от продажи урожая на рынке, шли на выплату «Ассоциацией» кредитов, взятых домохозяйствами деревни, и на покрытие общих хозяйственных расходов. «Ассоциации взаимопомощи» следили за выплатами крестьянами кредитов согласно графику. Оставшаяся часть распределяли среди крестьян пропорционально стоимости изъятого у них урожая. Члены «Ассоциации», не способные по тем или иным причинам выполнить необходимые платежи по полученным кредитам, были застрахованы от угрозы потери земельного участка, платой за эту гарантию был коллективный надзор за повседневной жизнью и процессом производства и потребления крестьян. «Самоуправление» в «коллективных деревнях» было как бы принуждением коллективной волей, а точнее, «Ассоциацией взаимопомощи», которая выступала передаточным механизмом в системе управления между японскими чиновниками и «колхозниками».

Существовала программа превращения жителей поселков, главным образом арендаторов, в крестьян-собственников. Как сообщают японские авторы, «в 1932–1937 годах было создано 2906 хозяйств-собственников, выданы им ссуды на покупку земли на сумму в 1 677 193 иены (по 577 иен на двор)» (Мансю ногё..., 1939: 48). Авторы не договаривают, что ссуды выдавала японская «Восточно-азиатская колонизационная компания» и все якобы уже собственники попадали к ней в прямую зависимость. Документы на землю хранились у чиновников этой компании, крестьяне были фиктивными собственниками земли.

Институт фиктивной частной собственности и кредитная система в коллективных деревнях позволили колонизаторам присваивать

большую часть урожая корейских крестьян. Японские «кураторы», прикрываясь утопическим идеалом коллективного управления, организовывали повседневную жизнь крестьян таким образом, что жители поселков как бы сами возлагали на себя ответственность за платежи по кредитам, без прямого вмешательства власти.

Коллективные деревни, формируемые из мигрантов из Кореи (1937–1945 годы)

В августе 1936 года администрация Маньчжоу-го и генерал-губернаторство Корея сформировали «Программу руководства маньчжурскими корейцами» (Мансю кайтаку, 1942: 158), нацеленную на переселение корейцев из Кореи в Маньчжурию. В сентябре 1936 года были созданы две структуры: в Сеуле — «Корейско-маньчжурская колонизационная компания», в Синьцзине — «Маньчжуро-корейская колонизационная компания». Функции первой заключались в подготовке к переселению крестьян в Маньчжурию: отбор кандидатов, выдача ссуд на переезд и т. д. В задачу второй компании входила работа с иммигрантами: вселение, контроль, создание хозяйств-собственников в Маньчжурии. Маньчжуро-корейская колонизационная компания скупала у корейских колонистов урожай по ценам намного ниже рыночных (как и в советских колхозах), что часто означало конфискацию урожая.

До создания государства Маньчжоу-го земля корейцев экспроприровалась китайским правительством и помещиками в русле националистической политики, запрещавшей иностранцам владеть землей. В период Маньчжоу-го все изменилось, новые корейские иммигранты часто селились в районы, где жили китайцы (а иногда и корейцы). Свидетели и участники тех событий помнят, как корейские поселенцы, прибывающие на предназначенные им земли и вселявшиеся в пустые дома, обнаруживали, что кухонные плиты были еще теплые, что свидетельствовало о том, что бывшие резиденты были изгнаны совсем недавно и, видимо, очень жестко. Например, в 1938 году в округе Нwipam в Дунбяньдао Маньчжуро-корейская колонизационная компания изгнала китайских крестьян с их земель с незначительной компенсацией и отдала земли 210 корейским семьям, которые эмигрировали из корейской провинции Чолла (Hyun Ok Park, 2005: 155). Если в 1932–1936 годах весь урожай передавался «Ассоциациям взаимопомощи» для последующей продажи его на рынках, то с 1937 года урожай скупался по низкой цене (практически конфисковывался) Корейско-маньчжурской колонизационной компанией.

В 1937 году из Кореи в Маньчжурию по этой программе переселились 2339 семей (12 159 человек), размещенные в 29 коллективных деревнях в уездах Аньту, Ванцин, Яньцзи и в трех поселках уезда Инкоу (Мансю ногё..., 1939: 201). В 1938 году было осуществ-

влено переселение 2799 дворов «коллективных» (14 198 чел.) и 3156 дворов «организованных» колонистов (9958 чел.), всего 5955 семей (Hyun Ok Park, 2005: 184). «Коллективные» переселенцы (сюдан) были приоритетной категорией, имевшей больше льгот, чем категория «организованные» переселенцы (сюраку). В 1939 году количество иммигрантов по этой программе было рекордным. Их общее число составило 51 994 человека, из них «коллективных» колонистов было 4845 семей (20 085 чел.), дисперсных (переселявшихся самостоятельно) — 7231 семья (27 056 чел.) (Hyun Ok Park, 2005: 206). В 1940 году в Маньчжурию въехало 4608 семей (15 479 чел.) «коллективных» и «организованных» колонистов и 1842 семьи (7206 чел.) дисперсных (Мансю кайтаку нэнкан, 1942: 236). Это четырехлетие (1937–1940) было периодом активной и довольно успешной деятельности японских переселенческих организаций в Корее, в сети которых попадали разоренные, не имевшие средств к существованию крестьяне. После этого начался спад переселенческой программы. В 1941 году переселили только 763 семьи «организованных» и «коллективных» колонистов — 3702 человека и 1969 семей дисперсных переселенцев (Там же: 204).

С 1942 года началась реализация 2-го пятилетнего «плана освоения Маньчжурии». Подготовка к войне с СССР предполагала заселение пограничных с Советским Союзом территорий Маньчжурии лояльными Японией колонистами. Японцы в этом плане, естественно, котировались выше корейцев. Программа переселения корейских крестьян постепенно сворачивалась. В этом году было переселено 2027 семей «коллективных» колонистов (9293 чел.) и 6356 семей дисперсных (13 732 чел.) (Мансю кайтаку нэнкан, 1944: 372). В 1943 году в Маньчжурию вселили только 1046 семей «коллективных» переселенцев-корейцев (Ко Сын Че, 1971: 30). В 1942 году на японскую колонизацию было истрачено 114 млн иен, корейцам досталось только 26 млн иен. Примерно такое же соотношение затрат планировалось на 1943 и 1944 годы (Мансю кайтаку нэнкан, 1944: 263).

Заключение

В 1944 году в Маньчжурии проживало 24 000 семей «коллективных» (сюдан) и «организованных» (сюраку) корейских колонистов², что составляло 10% корейцев, занятых в сельском хозяйстве. Они были полностью подконтрольны японским колониальным структурам, снабжавшим крестьян сельхозинвентарем и забиравшим большую часть урожая. Японские деревни имели военно-стратегическое значение. Они создавались на территориях, граничивших с СССР, в качестве оплота колониальной власти и для контроля над Маньчжурией. Колонисты-корейцы не внушали колонизаторам большо-

2. The Manchuria daily news. 19.05.1944, p. 13.

го доверия, корейские «колхозы» должны были обеспечивать продовольствием японскую экспансию. К концу 1930-х годов обитатели коллективных деревень начали понимать, что они жертвы японской колониальной аферы, и это приводило к многочисленным выходам из «колхозов», то есть бегству корейцев. Так, население коллективной деревни Чолрён (Ch'olryong) сократилось с 384 домохозяйств в 1937 году до 283 домохозяйств в 1940 году, население деревни Хадон (Hadong) уменьшилось с 683 домохозяйств до 378 домохозяйств (Hyun Ok Park, 2005: 384).

Разгром Советской армией в августе 1945 года Квантунской армии прервал пионерную программу «коллективизации» корейской деревни, поэтому о ее возможных конечных результатах можно только гадать.

Библиография

- Гарин-Михайловский Н. Г. (1958). Собрание сочинений в пяти томах. М.: Гос. изд-во художественной литературы. Т. 5.
- Леонидов И. (1930). Корейцы в Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. № 11–12. С. 72–79.
- Ли Канг (1932). Маньчжурские события и Корея // Материалы по национально-колониальным проблемам. № 3. С. 95–111.
- Пак (1932). Корейцы в Маньчжурии // Материалы по национально-колониальным проблемам. № 3. С. 111–120.
- Дзюнсукэ Усимару, Ёсимаро Мурата (1927). Сайкин Канто дзидзё (Современное положение Цзяньдао). Сеул–Токио.
- Ко Сын Че (1971). Манчу ноноп имин ы сахвесачок пунсок (Социально-исторический анализ сельскохозяйственных иммигрантов в Маньчжурии) // Пэксан хакпо. № 10. С. 28–40.
- Котоку ённэндо такусэй сюмуса утиаи кайги гидзироку (1938) (Материалы совещания по проблемам колонизации 1937 г.). Б.м. — 203 с.
- Ли Хунгу (1932). Манчу ва чосонин (Маньчжурия и корейцы). Пхеньян.
- Мансю кайтаку нэнкан (1942). (Ежегодник колонизации Маньчжурии). Синьцзин: Мансюкоку цусинся. — 403 с.
- Мансю кайтаку нэнкан (1944). (Ежегодник колонизации Маньчжурии). Синьцзин: Мансюкоку цусинся. — 429 с.
- Мансю ногё имин гайсэцу (1939). (Краткий очерк переселенцев в Маньчжурии). Дайрен: Минами маню тэцудо кабусики кайся. — 215 с.
- Мансю сангё кэнсэцу гакуто кэнкюдан хококу (Доклады студенческой группы по изучению экономики Маньчжурии). Б/м., б/г. Т. 3.
- Мансю хидзоку то тиан тайсаку (1938) (Маньчжурские бандиты и политика умиротворения). Б/м. — 230 с.
- Мун Ындо (1967). 1920–1930 нёндэ чо тонмэн чибан чосон инмин ы киегып кусон ква сэнхвал сантэ (Классовая структура и условия жизни корейцев в Восточной Маньчжурии в конце 1920-х — начале 1930-х гг.) // Ёкса квахак. № 1.
- Онда Сакубэ (1935). Томан тихо ни окэру носон но гэндзё: судан бураку кэнсецу но дзёсэй (Земледельческие поселки в Восточной Маньчжурии: строительство коллективных деревень) // Мансю хёрон. Сентябрь. С. 11–38.
- Тёсэн тодзи сирё (1970). (Материалы по истории управления Кореей: в 10 томах). Токио. Т. 1.
- Тёсэн тодзи сирё (1970б). (Материалы по истории управления Кореей: в 10 томах). Токио. Т. 3.

- Тёсэн тодзи сирё (1971). (Материалы по истории управления Кореей: в 10 томах). Токио. Т. 9. *Hyun Ok Park* (2005). *Two dreams in one bed*. Duke university press. Durham and London. — 313 p.
- Loh Kue Hyun* (1976). A review of Chientao agreement // *Korea observer*. Vol. 7. №. 2. P. 141–158.
- Shuhsi Hsu* (1926). *China and her political entity*. N. Y.

В. А. Гайкин
Корейские «колхозы» в Маньчжоу-го (1932–1945 годы)

Korean “collective farms” in Manchukuo (1932-1945)

Viktor A. Gaikin, Senior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences). Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russia. E-mail: unara49@mail.ru

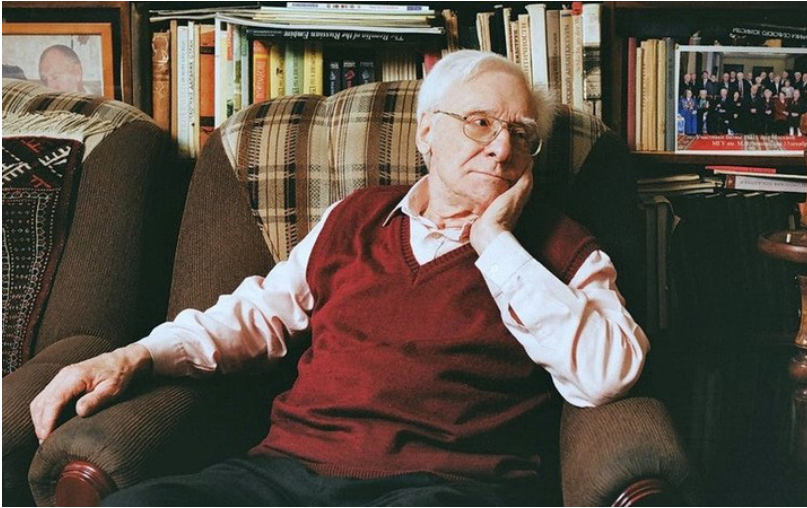
Abstract. The article describes the “collective villages” of Korean immigrants in Manchuria. These agricultural enterprises supplied products to the Kwantung Army and Japan. In 1944, 24,000 families of ‘collective’ immigrants lived in Northeast China (10% of Korean immigrants in Manchukuo). They all depended on the Japanese colonial structures which supplied the peasants with essentials and agricultural equipment, taking most of the harvest. The villages of Japanese settlers were of military-strategic importance. They were created on the territories at the border of the USSR as a stronghold of the colonial power and to control Manchuria. Korean colonists did not inspire much confidence in the colonizers, the Korean “collective farms” were to provide food for the Japanese expansion. Japanese officials simulated a virtual transfer of land as a property to Korean tenants. The belief in obtaining land (leased to Koreans) after paying off all loans to the Japanese company motivated the peasants to work productively. In fact, the loans were an instrument of enslaving the peasants. Promises to give them land after the loans were paid off were a phantom ‘carrot’ looming ahead. Loans of the “collective villages” were often used to pay off previous loans. The “collective farmers” got bogged down in debt bondage. The spatial design of such a village was a closed rectangle convenient for observation and control, which ensured the social isolation of villagers. By the late 1930s, collective villagers began to realize that they were victims of the Japanese colonial scam, which led to numerous exits from the “collective farms” (flight of Koreans).

Keywords: Manchukuo, Korea, collective villages, agriculture, Korean settlers, Japanese colonial policy, anti-Japanese guerrillas

References

- Dzyunsuke Usimaru, Yosimaro Murata (1927) *Sajkin Kanto dzidzyo* [The Current Situation in Jiandao], Seul-Tokio.
- Garin-Mikhajlovsky N. G. (1958) *Sobranie sochinenij v pyati tomah* [Collected Works in 5 vols], Moscow, vol. 5.
- Hyun Ok Park (2005) *Two Dreams in One Bed*, Durham–London: Duke University Press.
- Ko Synche (1971) Manchu nonop imin y sakhvesachok punsok [Social-historical analysis of agricultural emigration to Manchuria]. *Peksan hakpo*, no 10.
- Kotoku yonnendo takusej syumusya utiai kajgi gidziro-ku* (1938) [Materials for the Meeting on Colonization Issues in 1937]. B/m.
- Leonidov I. (1930) Korejtsy v Manchzhurii [Koreans in Manchuria]. *Vestnik Manchzhurii*, no 11–12.
- Li Hungu (1932) *Manchu va chosonin* [Manchuria and Koreans], Pyongyang.

- Li Kang (1932) Manchzhurskie sobytiya i Koreya [Manchurian events and Korea]. *Materialy po natsionalno-kolonialnym problemam*, no 3.
- Loh Kue Hyun (1976) A review of Chientao agreement. *Korea Observer*, vol. 7, no 2.
- Mansyu hidzoku to tian tajsaku* (1938) [Manchurian Bandits and Appeasement Policy]. В/м
- Mansyu kajtaku nenkan* (1942) [Yearbook on the Colonization of Manchuria], Sinczzin: Mansyukoku czusinsya.
- Mansyu kajtaku nenkan* (1944) [Yearbook on the Colonization of Manchuria], Sinczzin: Mansyukoku czusinsya
- Mansyu nogyo imin gajseczu* (1939) [A Brief Sketch of the Settlers in Manchuria], Dayren: Minami manyu teczudo kabusiki kajsya.
- Mansyu sangyo kenseczu gakuto kenkyudan xokoku* [Reports of the Student Group on the Study of the Economy of Manchuria]. В/м., б/г., vol. 3.
- Mun Yndo (1967) 1920 — 1930 nyonde cho tonmzn chiban choson inmin y kiegy p kusun kva senkhval sante [Class structure and living conditions of Koreans in Eastern Manchuria in the late 1920s — early 1930s.]. *Yokka kvaxak*, no 1.
- Onda Sakube (1935) Toman tixo ni okeru noson no gendzyo: syudan buraku kenseczu no dzyosej [Agricultural settlements in Eastern Manchuria: Construction of collective villages]. *Mansyu xyoron*. September.
- Pak (1932) Korejtsy v Manchzhurii [Koreans in Manchuria]. *Materialy po natsionalno-kolonialnym problemam*, no 3.
- Shuhsi Hsu (1926) *China and Her Political Entity*, New York.
- Tyosen todzi siryo* (1970a) [Materials on the History of the Korean Administration: in 10 vols.], Tokyo, vol. 1.
- Tyosen todzi siryo* (1970 b) [Materials on the History of the Korean Administration: in 10 vols.], Tokyo, vol. 3.
- Tyosen todzi siryo* (1971) [Materials on the History of the Korean Administration: in 10 vols.], Tokyo, vol. 9.

Памяти ученого: труды Ю. А. Мошкова и некоторые проблемы аграрной историографии

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук; 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82; repwtjkd68@mail.ru

Аннотация. Ушел из жизни Юрий Александрович Мошков (06.04.1922–30.08.2022) — видный российский историк-аграрник, работы которого во многом наметили основные направления изучения экономических аспектов истории коллективизации и колхозного сектора сельского хозяйства в СССР. За его долгую творческую жизнь отечественная историография прошла большой путь от формирования научной парадигмы изучения советской истории в период оттепели, через методологический кризис перестройки, «архивную революцию» 1990-х годов и последующий период освоения массива новых источников и выбора новых теоретических моделей в условиях идеологического многообразия. Отдавая дань памяти своему университетскому учителю, хочется не только оценить его личный вклад, но и высказать некоторые общие соображения о путях развития и проблемах нашей аграрной историографии второй половины XX — начала XXI века.

Ключевые слова: историография, период оттепели, период перестройки, Ю. А. Мошков, В. П. Данилов

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-47-71

Юрий Александрович Мошков принадлежал к поколению историков, прошедших войну, получивших университетское образование в послевоенное сталинское время, но вступивших в науку

в период оттепели¹. Решения XX (1956 г.) и XXII (1961 г.) съездов КПСС провозгласили курс на десталинизацию. Директивные требования к историкам соответствовать новым партийным решениям, спускавшиеся сверху и звучавшие на ученых советах и заседаниях кафедр тех лет, хорошо резонировали с возникшей в обществе атмосферой свободы высказывания и запросом на правдивое знание о прошлом. Расширился доступ к архивам. Цензура была ослаблена. При Академии наук возникли тематические научные советы, которые выступали организаторами всесоюзных конференций. Так, научный совет по проблеме «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» провел в 1961 году специальную аграрную сессию по истории советского крестьянства и колхозного строительства, которая стала первым масштабным форумом историков-аграрников, занимавшихся советским периодом. С 1965 года эта тематика была включена в программу Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории, существующего с 1958 года. (Юрий Александрович оценивал значение Симпозиума кратко: «Великая вещь!»)

Конференции создавали площадки для прямого общения, где завязывались контакты между коллегами, определялись проблемные поля и точки зрения, возникали дискуссии. Марксизм и коммунистическое мировоззрение, конечно, оставались единственно допустимой методологической основой, но в заданных рамках советские историки нового поколения имели возможность использовать научный метод, основанный на объективном изучении источников. Специалисты по Древней, Средневековой и отчасти Новой истории обладали в этом отношении некоторым преимуществом — опытом дореволюционной науки, который, хотя и в ископленном виде, транслировался через учебные курсы советских истфаков сталинской эпохи. Те же, кто посвятил себя изучению истории революции, советского периода и таких аспектов ранней истории, которые не разрабатывались историками старой школы, должны были открывать свои источники и методы работы с ними во многом заново. Среди источников все большее значение приобретали статистика и массовая документация.

Стимулом к развитию историко-аграрных исследований послужила новая аграрная политика, начавшаяся сразу после смерти Сталина с официального признания острых проблем колхозной экономики и жизни села: «Для изучения истории колхозного строя выдающееся значение имел сентябрьский пленум ЦК КПСС (1953 г.), заставивший на многое взглянуть по-новому» (Данилов, 1971: 235). Программные установки партии, предписывавшие считать коллективизацию закономерным и необходимым этапом на пути крестьян

1. Биографические сведения о нем см.: Богданов, 2020; Голиков, Абрамова, 2022; Мошков Юрий Александрович, 2010; Мошков Юрий Александрович, 2004. Автор благодарит Т. А. Круглову за указание на эти материалы.

к социализму, колхозы — формой производственной кооперации, а крупное социалистическое хозяйство — самой прогрессивной формой сельскохозяйственного производства, еще сохраняли свою силу. Однако догматика и мифология сталинизма уже начинала давать трещины и разрушаться.

Говоря о становлении научной парадигмы советской истории, надо вспомнить, что сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» был сугубо идеологическим текстом, призванным формировать определенную картину мира и иерархию ценностей в политическом сознании своей аудитории. Для историков он носил нормативный характер, определяя и оценки, и границы допустимого в использовании фактического материала. Лапидарное описание коллективизации, данное в нем, строилось на умолчаниях (о сопротивлении крестьян, голоде, жертвах и других негативных последствиях), широком использовании мифологизированных понятий («враги народа», «кулаки» и т.п.), преувеличении позитивных достижений и прямых фальсификациях. При внешней четкости и однозначности формулировок «Краткий курс» нес в себе концептуальные неясности и нестыковки. В частности, их можно заметить в трактовке целей и причин перехода к политике коллективизации.

В 10-й главе, посвященной курсу на индустриализацию, необходимость коллективизации объяснялась «кризисом зернового хозяйства» конца 1920-х годов, в основе которого лежала неспособность мелкого крестьянского хозяйства производить товарную продукцию в нужном государству объеме². Здесь авторы «Краткого курса» выдвигали на передний план экономические, прагматические причины коллективизации, которая с этой точки зрения представляла частью вопроса об изменении структуры и технологии сельскохозяйственного производства для ускорения экономического роста. Однако описание самого хода и итогов коллективизации, данное в 11-й главе, строилось в иной плоскости: она представлялась социальной революцией на селе, совершавшейся в процессе «массовой борьбы крестьян против кулачества» с целью уничтожения эксплуатации, «кулацкой кабалы» и «последних источников реставрации капитализма» (Краткий курс, 1938: 291-292). Зерновая проблема и меры

2. «...Мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство становится полунатуральным хозяйством, способным дать лишь минимум товарного зерна. <...> Не подлежало сомнению, что при таком состоянии зернового хозяйства армия и города СССР должны были очутиться перед лицом хронического голода. Это был кризис зернового хозяйства, за которым должен был последовать кризис животноводческого хозяйства. Чтобы выйти из такого положения, необходимо было перейти в сельском хозяйстве на крупное производство, способное пустить в ход тракторы и сельскохозяйственные машины и поднять в несколько раз товарность зернового хозяйства. <...> Понятно, что партия большевиков и Советское государство могли стать лишь... на колхозный путь развития сельского хозяйства» (Краткий курс, 1938: 274).

по ее решению при этом не упоминались, речь шла только о переходе «на рельсы коллективизма, на рельсы социализма». То есть в этом контексте создание коллективного хозяйства выступало частью социального вопроса, вопроса о социалистической революции. Коллективизация оказывалась обусловленной программными установками правящей партии, а со стороны крестьянства — классовым конфликтом внутри деревни. Как это соотносилось с «кризисом зернового хозяйства», не разъяснялось.

Также в двух разных плоскостях описывались ее итоги. Результаты, достигнутые в строительстве социализма к концу I пятилетки, резюмировались формулой: «Победа социализма во всех областях народного хозяйства уничтожила эксплуатацию человека человеком» (Там же: 305). При этом экономические итоги коллективизации в решении зернового вопроса резюмировались формулой: «Прочная победа колхозного строя и связанный с ней подъем сельского хозяйства дали Советской власти возможность отменить карточную систему на хлеб и другие продукты и установить свободную торговлю продовольственными продуктами» (Там же: 304). Соотношение между двумя этими дискурсами в тексте не прояснялось, читателям «Краткого курса» просто предлагалось считать, что коллективизация решила одновременно и экономические, и технологические, и социальные проблемы.

Советская литература по коллективизации, выходящая до оттепели, представляла собой, по существу, лишь более или менее расширенные комментарии к «Краткому курсу». Авторы пытались совместить две отмеченные выше позиции. Так, С. П. Трапезников, с одной стороны, выводил коллективизацию непосредственно из «гениального кооперативного плана» Ленина, с другой — отмечал роль хлебозаготовительного кризиса 1928 года, который стал поводом для партии «заняться со всей серьезностью сельским хозяйством, особенно по линии зерновой проблемы», и «покончить с хлебными затруднениями» (Трапезников, 1951: 37, 41). Выбор же момента для начала коллективизации во второй половине 1929 года свидетельствовал о «величайшей мудрости товарища Сталина», который определил его «с гениальной прозорливостью» (Там же: 21). Итоговой для сталинского периода историографии была монография политэконома М. А. Краева, написанная на основе его докторской диссертации 1948 года. В ней давался очерк теории марксизма по аграрному вопросу и излагалась история его решения в России, начиная с отмены крепостного права. Краев трактовал соединение зерновой проблемы со строительством социализма в ходе коллективизации как единство явления и сущности. Необходимость объединения крестьян в колхозы с этой точки зрения диктовалась объективными законами социалистической экономики, но в качестве практической задачи она проявилась в конце 1920-х годов в форме диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством и тут «за явлениями,

видимыми на поверхности, Коммунистическая партия раскрыла глубинные процессы...» (Краев, 1954: 306).

Таким предстает историографический контекст, когда аспирант, затем преподаватель истфака МГУ Ю. А. Мошков начал свое изучение истории коллективизации. В те же годы в академическом Институте истории сложилась группа историков-аграрников, специализирующихся на советском периоде (М. А. Вылцан, И. Е. Зеленин, Н. А. Ивницкий и др.), неформальным лидером которых стал В. П. Данилов. Им предстояло на месте исторической идеологии строить историческую науку.

Данилов уже в 1957 году опубликовал монографию, в которой проанализировал состояние материально-технической базы сельского хозяйства в 1920-е годы (Данилов, 1957). На большом фактическом материале он показал, что существовавшее представление о готовности технико-технологических предпосылок для коллективизации³ было неверным. Он утверждал, что само создание колхозов выступало предпосылкой ускоренного развития промышленности, которое затем позволило обеспечивать техникой сельское хозяйство.

Работа Ю. А. Мошкова шла не быстро. Первоначальной темой его диссертации была история политотделов МТС. По его собственному признанию, начав исследование, он не имел никакого представления о коллективизации, кроме того, что можно было почерпнуть из «Краткого курса». Как и его коллеги, он сталкивался с вопросами, кажущимися современному историку странными, например, можно ли доверять статистике, которая содержится в публикациях 1920-х — 1930-х годов, выходящих под редакцией немарксистских ученых или репрессированных «врагов народа»? Этот вопрос характеризует состояние интеллектуальной атмосферы, в которой существовала наша историография на выходе из сталинской эпохи. Работая в архиве с донесениями политотделов МТС, Мошков постепенно погрузился в проблематику, в том числе узнал о голоде начала 1930-х, и сформировал убеждение, что именно борьба за зерно выступала стержнем, вокруг которого выстраивалась коллективизация. Новой темой своего исследования он определил зерновую проблему в период коллективизации. Его внимание сконцентрировалось на основных хлебопроизводящих районах, последовали поездки в архивы Ростова-на-Дону, Краснодара, в Киев. Состоялось знакомство с Даниловым, который пригласил его к участию в упомянутой конференции советских аграрников 1961 года (Мошков, 1963: 253–272, 363–364, 366–367). Вышли статьи (Мошков, 1960, 1962). Защита кандидатской состоялась в 1963 году; в 1966 году появилась монография (Мошков, 1966а).

3. «В 1929 году благодаря... успехам социалистической индустрии, снабжавшей деревню тракторами и сельхозмашинами, колхозы и совхозы выросли в серьезную силу» (Краткий курс, 1938: 290).

Н. Г. Кедров отнес монографию Мошкова к числу «творческих прорывов» периода оттепели (Кедров, 2017: 92). Историк, в частности, отметил, что из этой книги берут свои истоки такие сюжеты, как «эволюция советской заготовительной политики и государственного регулирования рынка, фискальное обложение и изменение хозяйственного уклада крестьянского двора, взаимозависимость процессов развития города и деревни», а опосредованно также и тема голода 1932–1933 годов, ставшие ведущими темами современной историографии (Там же). Не случайно также В. А. Ильиных выделил «порожденную оттепелью» книгу Мошкова как одну из «очень немногих работ» советского времени, в которой предпринималась попытка «избежать одномерной трактовки» (Ильиных, 2010: 10). Характерно, что в учебнике советской историографии 1982 года, скрупулезно перечислявшем достижения историков «эпохи социализма», не нашлось места для упоминания имени Мошкова (Историография истории СССР, 1982). Думается, здесь тот случай, когда «факт библиографического умолчания становится историографическим фактом» (Волин, 1980: 122). Что стояло за этим?

Концептуально работа Мошкова не выходила за рамки мейнстрима своего времени и уж тем более не посягала на основы партийной доктрины — это было невозможно даже не по причине наличия цензуры, а прежде всего по внутренним установкам автора. Все необходимые отсылки к последним указаниям партии по сельскому хозяйству в ней также присутствовали. Однако добротное исследование заключало в небольшом объеме богатое фактическое содержание, и факты зачастую говорили сами за себя.

Зерновая проблема определялась как «исторически обусловленное расхождение между производством зерна в СССР и быстро растущим его потреблением» (Мошков, 1966а: 5). Ее возникновение в принципе связывалось с ограниченными возможностями мелкого крестьянского хозяйства и уходило корнями в дореволюционную эпоху, а резкое обострение проблемы к концу 1920-х годов объяснялось целым рядом факторов, накладывавшихся друг на друга: ростом внутридеревенского потребления в годы НЭПа, исчезновением крупных товарных хозяйств в период революции, ростом внедеревенского спроса в связи с курсом государства на ускоренную индустриализацию и соответствующей этому урбанизацией. Решение проблемы, предложенное советским государством, включало два аспекта: с одной стороны, быстрое увеличение производства зерна в стране, с другой — концентрация в руках государства хлебного фонда для централизованного распределения между потребителями вне деревни (рабочие, армия, госаппарат и др.) и непосредственно на нужды промышленности (переработка, экспорт). Коллективизация, то есть замена мелкокрестьянского хозяйства крупным коллективным, наряду с созданием совхозов и МТС, мыслилась средством решения первой из двух задач: «Необходимость решения хлебной проблемы требовала скорейшей реорганизации

производства зерна на социалистических началах» (Там же: 54-55). Разумеется, подчеркивался социалистический характер коллективизации, но в контексте зерновой проблемы она представляла прежде всего как мера хозяйственная, нацеленная на увеличение производства сельхозпродукции. Вторая задача решалась посредством хлебозаготовок. Справедливо отмечался специфически социалистический характер и этого механизма, отсутствовавшего в дореволюционной экономике России: «Заготовки сельскохозяйственных продуктов — это присущая социалистической экономике форма организованного и планомерного обмена между городом и деревней» (Там же: 138).

Мошков показал, как в ходе коллективизации колхозы становились главными производителями продукции, роль индивидуального хозяйства быстро падала. Социалистический сектор побеждал, но производительность сельского хозяйства оставалась низкой и даже снижалась. Еще в ранней статье он констатировал, что «в годы первой пятилетки... повышение товарности происходило в условиях некоторого снижения урожайности, валового сбора зерна и выхода продуктов животноводства» (Мошков, 1960: 103). В монографии говорилось лишь о снижении урожайности, которое компенсировалось усиленным расширением посевных площадей. Для адекватной оценки этого аспекта работы важно отметить, что в годы оттепели можно было оперировать только официальными статистическими данными, которые маскировали голодную катастрофу 1932–1933 годов. Достоверность этих данных была предметом дискуссии в зарубежной, но не в советской историографии. Отмечая позитивные сдвиги, Мошков тем не менее констатировал реальные проблемы колхозной экономики: «Потери зерна во время уборки были громадны»; «...в целом техническая база зернового производства оставалась еще слабой. Поступление тракторов пока не успевало возмещать сокращения поголовья лошадей и волов»; «острая нехватка, а часто даже полное отсутствие квалифицированных кадров во всех звеньях»; «основные элементы агротехники (сроки сева, правила ухода за растениями, сроки уборки и обработки полей и т. д.) зачастую не могли быть выдержаны» (Мошков, 1966а: 189, 224, 225, 227) и т. д. Но все это объяснялось «молодостью и новизной самого строя». В 1960-е годы, в период оптимистических прогнозов роста советской экономики и распространения левых идей в мире, такая интерпретация еще выглядела убедительной.

Наиболее интересной представляется та часть книги, которая посвящена планированию и осуществлению хлебозаготовок и централизованного снабжения. Она в значительной мере базировалась на архивных материалах, впервые вводимых в оборот, в частности, содержала хлебофуражный баланс СССР 1928–1932 годов, данные о плановом хлебообороте в стране, доходах колхозников и единоличников и др. Рассматривался ход хлебозаготовительных кампаний 1929, 1930, 1931 и 1932 годов. Их описание

давалось с точки зрения государства (партии), Центра, что обуславливалось и позицией исследователя, и характером его источников. Зерновая проблема представляла как проблема снабжения крупных государственных промышленных предприятий, городов, армии и проблема экспортного потенциала государства, но не как проблема обеспечения крестьян. Деревня, крестьяне должны были находиться на самообеспечении и выступали для государства держателем ресурса, подлежащего изъятию. В условиях промышленного скачка и массированного переселения крестьян в города потребности госсектора возрастали год от года, тогда как число работников на селе сокращалось: «Советское государство должно было удовлетворить спрос на хлеб и другие продукты питания миллионов людей, бывших производителей товарного хлеба, а теперь ставших его потребителями» (Там же: 135). Численность «контингента», находившегося на централизованном снабжении, росла как на дрожжах: 1930 год — 26 млн человек, 1931 год — 33,2 млн, 1932 год — 40,3 млн. Исследователь фиксировал к началу 1930-х «тенденцию к почти полной монополии государства в мобилизации товарного хлеба и крайнему сужению рыночных возможностей»: «Централизация хлебного дела была доведена до конца» (Там же: 124). Мошкову, думается, удалось показать, что система государственных заготовок и их насильственно-нетоварный характер были закономерно обусловленными в рамках сталинской экономической модели — нерыночной, мобилизационной, сверхцентрализованной.

В отличие от сталинской историографии (С. П. Трапезников, М. А. Краев и др.), рисовавшей образ государства, которое величественной поступью планомерно движется к идеалу социализма, на страницах этой книги представляла более живая и сложная историческая картина. В ней действовали «буксирные команды», «комиссии содействия» (хлебозаготовкам), планы, которые корректировались и пересматривались вместе с нормами и списками снабжения, возникали серьезные трудности в ходе заготовительных кампаний на Украине и Северном Кавказе. Здесь, в частности, можно было узнать, что с 1928 по 1932 год нормы потребления сельскохозяйственного населения СССР, даже по официальным данным, в среднем сократились: по хлебным продуктам на 14%, по картофелю на 11%, по мясу, салу, птице, сливочному маслу — в 2,2–2,3 раза (Там же: 136). Что в 1932 году посевные площади в Киевской области (она будет одним из эпицентров голода 1933 года) составили лишь 64,1% плана (Там же: 205). Что высокие потери при уборке вызывались отнюдь не только плохой работой колхозников (пресловутый «саботаж»), но самой системой организации хлебозаготовок, ориентировавшей колхозы на выполнение месячных планов, что заставляло их переключаться на обмолот части урожая, бросив остальное в полях: «Колхозы по распоряжению местных организаций, торопясь с обмолотом, часто оставляли скошенный хлеб

в поле без скирдования, что приводило к осыпанию и потерям зерна» (Там же: 168).

Современные интерпретации истории коллективизации во многом определяются контекстом наших знаний о голоде, постепенно наступавшем на крестьян основных хлебопроизводящих регионов в 1929–1932 годах и достигшем пика в 1933 году; причины голода видятся в политике коллективизации и хлебозаготовок (Дэвис, Уиткрофт, 2011; Кондрашин, 2014; Максудов, 2019 и др.). В советской литературе до 1988 года эта тема была абсолютным табу. Книга Мошкова, писавшаяся вне этого контекста, сегодня концептуально устарела, однако она все еще интересна тем, что показывает другую сторону вопроса. Книга высвечивает основной нерв аграрно-экономической политики начала 1930-х годов: правительство постоянно вращалось в замкнутом круге проблем, когда «контингент», растущий быстрее всяких планов, требовал увеличивать государственное продовольственное снабжение, а перманентная нехватка продовольственных ресурсов требовала сокращать «контингент», нормы снабжения, экспорт. С позиции сегодняшнего дня жестокое, насильственные хлебозаготовки, оставившие деревню без хлеба, выглядят преступно-бессмысленными или, по крайней мере, избыточными. Взгляд с позиции сталинского государства задает иной ракурс: «Объем заготовленного зерна вовсе не оказывался преувеличенным, наоборот, он мог удовлетворять потребности страны не в избытке, а лишь в минимальном размере» (Мошков, 1966а: 136). Внимательный читатель книги приходил к пониманию, что сталинское государство не шло от победы к победе, а скорее латало тришкин кафтан.

К моменту выхода книги идейно-политическая атмосфера в СССР изменилась. Оттепель закончилась. В науке этот рубеж был обозначен назначением Трапезникова на должность заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Одной из первых акций Трапезникова стало уничтожение двухтомной монографии «История коллективизации», подготовленной коллективом академических историков под редакцией Данилова. Мошков выступал рецензентом двухтомника и идейным союзником его авторов. На совещании в ЦК в 1965 году ему запомнилась фраза одного из помощников Трапезникова о том, что книга его коллег «вынимает кирпичики из стены нашего мировоззрения» (подробнее см.: Кедров, 2019). Публикацию запретили. Затем идеологической критике подверглась монография Н. И. Немакова, вышедшая в издательстве МГУ одновременно с книгой Мошкова, за то, что в ней уделялось внимание так называемым «перегибам» при раскулачивании и коллективизации (Немаков, 1966). Вскоре появилась новая каноническая версия истории аграрного вопроса в России — двухтомник самого Трапезникова, призванный укрепить пошатнувшиеся идеологические стены (последнее изд.: Трапезников, 1983). Работа Мошкова избежала критики, но и мало цитировалась в СССР.

И. А. Кузнецов

Памяти ученого:
труды Ю. А. Мошкова и некоторые
проблемы аграрной
историографии

Между тем, по воспоминаниям Юрия Александровича, он получил от коллег, включая зарубежных, массу неформальных положительных откликов на свою книгу. Действительно, к ее материалам в разные годы обращались С. Уиткрофт, Р. Дэвис, М. Таугер, С. Максудов, Ш. Фицпатрик и другие исследователи, пытавшиеся распутывать сложный узел вопросов исчисления урожаев, хлебозаготовок и причин голода в период коллективизации. Опубликованную Мошковым таблицу душевых норм потребления земледельческого и неземледельческого населения неоднократно воспроизводили, интерпретировали и даже назвали «знаменитой» (Дэвис, Уиткрофт, 2011: 439).

* * *

Свой итог оттепельного этапа историографии коллективизации Мошков подвел в статье 1967 года (Мошков, 1967). Затем он попытался принять участие в дискуссии о новой экономической политике и ее периодизации, которая шла на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» в 1966–1968 годах. Сталинская концепция утверждала, что НЭП продолжался до 1937 года, но многие историки уже понимали, что он закончился в момент «великого перелома». Мошков аргументировал этот тезис, однако журнал не напечатал его статью, негативно упомянув о ней в редакционном заключении к дискуссии (подробнее см.: Данилов, 1988: 122–124). Высказать свои взгляды ему все же удалось в форме выступлений на конференциях (Мошков, 1971а; Мошков, 1971б: 150–154, 195).

Аргументация строилась следующим образом. Выделялся ряд определенных черт, присущих НЭПу: 1) наличие в стране частной торговли и элементов капитализма; 2) существование товарооборота и денежного хозяйства; 3) использование хозрасчета на госпредприятиях; 4) существование массы единоличных крестьянских хозяйств, экономическое взаимодействие с которыми государство вело на основе продналога (денежного сельхозналога). Затем историк показывал, как все эти элементы либо исчезали, либо минимизировались, либо сущностно трансформировались на рубеже 1920–1930-х годов, что и должно означать завершение НЭПа. В заключение ставился вопрос, подлежащий будущему изучению: как следует определять экономическую политику, пришедшую в 1930-е годы на смену НЭПу? Мошков не давал однозначного определения, но отмечал, «что главное отличие новой политики — строжайшая централизация хозяйственного руководства во всех сферах народного хозяйства, жесткое государственное регламентирование экономических отношений, в том числе с крестьянством, вынужденное свертывание торговой смычки, сосредоточение в руках государства функций распределения и снабжения, главным образом внерыноч-

ным путем, в интересах индустриализации» (Мошков, 1971а: 94). Аргументы Мошкова тогда не были приняты.

Адекватная датировка конца НЭПа утвердилась в советской историографии лишь в конце 1980-х годов, когда она уже не нуждалась в доказательстве. Вопрос же о природе сложившейся в 1930-е годы социально-экономической системы стал в годы перестройки исходной точкой для переосмысления всего советского опыта.

С конца 1960-х годов научная работа Юрия Александровича сконцентрировалась на проблематике кафедры источниковедения МГУ, которая под руководством И. Д. Ковальченко взяла курс на использование математико-статистических методов анализа массовых источников. Его направлением в русле кафедральной специализации стала разработка статистических источников по экономической истории сельского хозяйства советского периода. Ему принадлежит соответствующая глава университетского учебника (в соавторстве с В. З. Дробижевым) и раздел в коллективной монографии по массовым источникам, который сохраняет свое значение и сегодня (Мошков, 1979б). В особенности его внимание привлекал такой источник, как отчеты колхозов, различным аспектам которого он в разные годы посвятил ряд статей и выступлений (Мошков, 1973, 1979а, 2004, 2006). Для студентов кафедр отечественной истории он на протяжении многих лет читал общий курс советской историографии, а также спецкурсы по аграрной тематике 1920–1930-х годов, иногда заходившие и в военный и послевоенный периоды. Его деятельность по изучению истории Великой Отечественной войны и сохранению памяти об историках-фронтовиках заслуживает отдельной статьи. Высокая планка качества и открытость новым научным идеям, заданные Ковальченко и поддерживавшиеся Мошковым, сформировали в профессиональной среде и, что не менее важно, — в студенческой среде истфака в высшей степени уважительное отношение к кафедре источниковедения как к центру изучения истории XX века.

В 1982 году историки круга Данилова подготовили обзорную монографию о коллективизации, в которой Мошков написал центральную главу «Массовая коллективизация» (Вылцан и др., 1982: 189–286). Книга не стала научным прорывом, однако адекватно отразила состояние изученности вопроса и концептуальные рамки, сложившиеся к концу «развитого социализма».

* * *

Перестройка породила новую волну десталинизации, а обострение продовольственной проблемы в стране — всплеск общественного интереса к ситуации в сельском хозяйстве СССР, которые на начальном этапе во многом воскресили дискурсы оттепели. На одном из первых круглых столов советских историков осенью 1988 года

И. А. Кузнецов

Памяти ученого:
труды Ю. А. Мошкова и некоторые проблемы аграрной историографии

обсуждалась задача переосмысления концепции коллективизации для подготовки нового обобщающего труда. В своем выступлении Юрий Александрович тогда призвал коллег не спешить с новой книгой: «Не устареет ли она вскоре после выхода в свет?» (Коллективизация, 1989: 7). Действительно, наступивший вскоре конец советской государственности произвел тектонические сдвиги, в том числе в осмыслении прошлого, во многом обнулив прежние концепции.

Изменились и условия работы историков. Во-первых, рухнули все идеологические «стены», историки теперь обладали свободой мысли, творчества и дискуссий. Во-вторых, заниматься историей и публиковаться получили возможность все желающие, в общественном сознании научный дискурс стал на равных конкурировать с профанным. В-третьих, что особенно важно для специалистов по XX веку, расширился круг исторических источников, рассекречивались архивы, стала доступной изучению устная история. В-четвертых, что важно для историков-аграрников, в 1990-е годы прекратили свое существование колхозы и совхозы с их системой управления, а также стремительно исчезали остатки традиционной деревни и крестьянства. С точки зрения исторической науки это означало, что коллективизация и созданный ею аграрный строй, бывшие до сих пор частью современности, уходили в прошлое и тем самым переходили в разряд объектов подлинно исторического изучения.

Историки-аграрники поколения оттепели оказались в целом на высоте вставших перед ними вызовов. Они отказались писать новую единую историю коллективизации. Те из них, кто в советские годы выпустил идеологически заданные книги, написали другие, в которых рассматривали те же сюжеты на новых источниках и в новых ракурсах. Данилов и Мошков не создали новых монографий, очевидно, предоставив это более молодому поколению. По инициативе Данилова возникли два действительно новых направления работы, которые поднимали постсоветскую аграрную историографию на уровень современной социальной науки: теоретический семинар и проекты по изданию архивных документов.

Семинар «Современные концепции аграрного развития» действовал с 1992 по 2000 год под руководством Данилова на базе Института Теодора Шанина. На каждом из 15 состоявшихся заседаний обсуждалась какая-либо книга или концепция зарубежного ученого, посвященная истории или социологии крестьянства. Материалы публиковались в журнале «Отечественная история». Семинар сыграл огромную роль в развитии проблематики российской аграрной историографии и становлении новой культуры научной полемики. Мошков был одним из постоянных его участников (Мошков, 2015).

Фундаментальные издательские проекты по аграрной истории — «Трагедия советской деревни» в пяти томах и «Советская

деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» в четырех томах — вводили в публичный оборот ранее секретные документы из архивов. Публикации готовились на высоком научном уровне, с развернутыми историческими и археографическими предисловиями и комментариями. Над ними трудились целые коллективы российских историков и архивистов в коллаборации с зарубежными коллегами. В первом из этих изданий Мошков выступал редактором 4-го тома и членом редколлегии 5-го тома, а во втором — соредактором 4-го тома; ему принадлежат и содержательные предисловия к соответствующим томам (Мошков, 2002б; Советская деревня, 2012: 12–34). Во втором его соавторами были А. Берелович, Н. Верт и С. А. Красильников.

Помимо этого, Юрий Александрович активно участвовал в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Его выступления там не ломали никаких «стен», но закладывали «кирпичики» в фундамент объективного знания (Мошков, 1966б, 1984, 1996, 1998, 2001, 2000, 2003 и др.). В том же ряду стоят его последние статьи конца 1990-х — 2000-х годов, построенные на новых архивных материалах, в фокусе которых находится сельское хозяйство 1930-х годов и проблемы сельскохозяйственной статистики (Мошков, 1997, 2002а, 2006).

Н. Г. Кедров, высоко оценив вклад Мошкова в историографию коллективизации, обратил внимание на расхождение его концепции с концепцией Данилова. По мнению современного историка, работы Данилова о доколхозной деревне «давали отрицательный ответ на главный вопрос... об объективных предпосылках коллективизации» (Кедров, 2017: 88). В то же время «Зерновая проблема» Мошкова показала коллективизацию именно «как закономерный результат развития объективных процессов производства и потребления» (Там же: 89). Следует отметить, что сам Юрий Александрович в частном порядке выразил тогда несогласие, сказав автору данной статьи, что его роль «в контексте историографии коллективизации» представлена преувеличенной, а стремление отделить его позицию от позиции Данилова неправомерно. Он относил себя, как и Данилова, к поколению коммунистов, которые «в партию вступали на фронте» (читай, не ради карьеры), в годы оттепели поддержали стремление к исторической правде, а затем вместе противостояли диктату бюрократии в науке и попыткам возродить сталинизм, выступая за право ученых на собственную точку зрения. Принципиальное единство, существовавшее по этим вопросам между всеми историками круга Данилова, к которому Юрий Александрович причислял и себя, он считал важнее отдельных разногласий.

Думается, самооценку ученого нельзя не принимать во внимание в дискуссии о его концепции. Однако отмеченное Кедровым концептуальное расхождение действительно имеет место. Вероятно, его причина кроется в сложности и многофакторности само-

го процесса коллективизации, отражение которой обнаруживается и в сознании участников событий, и в созданных ими исторических источниках, и в противоречиях «Краткого курса», и в последующих работах историков. Данилов разрабатывал линию объяснения коллективизации как воплощения коммунистического социального идеала — артельного, кооперативного хозяйства. Исследования деревни 1920-х годов приводили его к заключению, что специфический мир крестьянской семейной экономики и деревенской культуры имел некоторые предпосылки лишь для эволюционного движения по пути кооперирования крестьянства в духе идей А. В. Чаянова. С этой точки зрения сталинская коллективизация представляла у Данилова не воплощением идеи социализма, а чудовищным ее искажением, порождением сталинского волюнтаризма. Воля диктатора оказывалась, по существу, основной предпосылкой коллективизации. Мысль о том, что социализм есть утопия, а коллективизация имеет какое-то другое содержание, и ее предпосылки надо искать в иной плоскости, отторгалась. Можно согласиться с мнением Кедрова, что взгляды Данилова со временем «развивались в направлении постулатов тоталитарной историографии» и в его работах «второй половины 1990-х — первой половины 2000-х годов история коллективизации... излагалась целиком и полностью посредством описания деятельности сталинского государства» (Кедров, 2019: 32, 35). Так или иначе, труды Данилова и его ближайших коллег создали исследовательскую парадигму, в центре которой стоит вопрос взаимоотношений крестьянства и государства. Сегодня парадигма «крестьянство и власть» является ведущей в аграрной историографии, формируя тематику научных конференций, аграрного Симпозиума и различных круглых столов.

Мошков изначально разрабатывал другую линию, в которой коллективизация связывалась с решением проблемы мобилизации ресурсов для ускоренной индустриализации. Разумеется, эта объяснительная модель не снимает вопроса о наличии целого комплекса иных факторов, в том числе доктринальных, вызвавших к жизни коллективизацию как глубоко трагическое явление в истории нашей страны. Юрий Александрович в последние годы не раз подчеркивал, что его представление о коллективизации в конечном итоге стало гораздо более сложным и многоплановым, чем было в начале работы в наивные 1960-е. Но важно отметить, что работы Мошкова 1960-х годов открыли в советской историографии эту исследовательскую парадигму. В ней центр внимания переносится с политических и социальных на организационно-производственные аспекты коллективизации и аграрного строя СССР. Предметом изучения становятся системы земледелия и землепользования, севообороты, технологии, планирование, организация труда, урожайность и продуктивность в колхозах и совхозах, сельскохозяйственная статистика и т. д. Именно этим вопросам были посвящены и последние его статьи.

Современный период историографии, если взять его в границах последних 25 лет, характеризуется высоким количественным приростом публикаций по истории коллективизации и колхозной деревни, в особенности на материалах регионов и на уровне микроистории. К сожалению, публикационная активность не пропорциональна приращению реального знания. Научное наследие, оставленное Мошковым, выгодно выделяется на этом фоне: сравнительно небольшое число весьма содержательных работ, наметивших целый ряд перспективных исследовательских сюжетов.

* * *

Юрий Александрович прожил долгую — целый век — и, как мне кажется, счастливую жизнь. Рядом с ним всегда была его любимая Марина Глебовна, замечательный человек и ученый-археолог. Он всю жизнь пел. Красивым, сильным баритоном. И сам был красивым и сильным человеком, всегда державшим спину прямо. До последних дней сохранял ясность ума и более того — трезво-мыслие, с легким ироническим оттенком. Нечастые и недолгие, к сожалению, разговоры с ним, в последние годы преимущественно телефонные, всякий раз придавали мне мощный заряд бодрости духа. Университетский учитель, он умел быть примером для своих учеников.

Библиография

- Богданов В. П. (2020). Командир отделения фронтового ансамбля, профессор Московского университета: Юрий Александрович Мошков // Судьбы творцов российской науки и культуры. Т. 7 / Автор-сост. И. В. Ильин и др. М.: Полиграф сервис. С. 83–91.
- Волин И. С. (1980). О разнотипности историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин. С. 121–123.
- Вылцан М. А., Данилов В. П., Кабанов В. В., Мошков Ю. А. (1982). Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. М.: Колос.
- Голиков А. Г., Абрамова Н. Г. (2022). Гражданин и педагог. К 100-летию Юрия Александровича Мошкова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 2. С. 3–12.
- Данилов В. П. (1988). 20-е годы: НЭП и борьба альтернатив // Историка спорят. 13 бесед / Под общ. ред. В. С. Лельчука. М.: Политиздат. С. 122–137.
- Данилов В. П. (1971). Некоторые итоги и направления изучения истории советского крестьянства // Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9–12 июня 1969 г. М.: Наука.
- Данилов В. П. (1957). Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М.: Изд-во Академии наук.
- Документы свидетельствуют. (1989). Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. М.: Политиздат.
- Дэвис Р., Уиткрофт С. (2014). Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

- Ильиных В. А.* (2010). Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М.: РОССПЭН.
- Историография истории СССР (эпоха социализма). (1982). Учебник / Под ред. И. И. Минца. М.: Высшая школа.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс (1938) / Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). М.; Л., 1938.
- Кедров Н. Г.* (2019). Четыре концепции коллективизации В. П. Данилова // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 6–42.
- Кедров Н. Г.* (2017). Юрий Александрович Мошков в контексте историографии коллективизации // Крестьяноведение. Т. 2. № 3. С. 76–96.
- Коллективизация (1989): истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. № 3. С. 3–62.
- Кондрашин В. В.* (2014). Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: Политическая энциклопедия.
- Краев М. А.* (1954). Победа колхозного строя в СССР. М.: Гос. изд-во полит. литературы.
- Максудов С.* (2019). Победа над деревней: демографические потери коллективизации. М.; Челябинск: Социум.
- Мошков Ю. А.* (1960). Политика государственных заготовок в годы социалистической реконструкции сельского хозяйства // История СССР. 1960. № 4. С. 101–111.
- Мошков Ю. А.* (1962). Борьба Коммунистической партии за разрешение зерновой проблемы в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1962. № 4. С. 18–35.
- Мошков Ю. А.* (1963). Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, состоявшейся 18–21 апреля 1961 г. в Москве. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 253–272.
- Мошков Ю. А.* (1966а). Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. — 231 с.
- Мошков Ю. А.* (1966б). Сплошная коллективизация в СССР и стимулирование сельскохозяйственного производства // Тезисы докладов и сообщений девятой (Таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1966. С. 229–231.
- Мошков Ю. А.* (1967). Основные вопросы историографии сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР // Очерки по историографии советского общества. Сборник статей. М.: МГУ, 1967. С. 158–177.
- Мошков Ю. А.* (1971а). К вопросу о заключительном этапе НЭПа // Историческое значение новой экономической политики (в связи с 50-летием перехода к НЭПу). Всесоюзная сессия: Материалы обсуждения. Вып. 1. М.: Наука, 1971. С. 79–95.
- Мошков Ю. А.* (1971б). Решающий этап осуществления ленинского кооперативного плана и вопрос о заключительной стадии НЭПа // Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9–12 июня 1969 г. М.: Наука. С. 150–154.
- Мошков Ю. А.* (1973). Опыт применения корреляционного анализа в изучении отчетов о распределении колхозных доходов в начале массовой коллективизации (по материалам Северокавказского края) // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М.: Наука. С. 378–394.
- Мошков Ю. А.* (1979а). Происхождение и эволюция годовых отчетов социалистических сельскохозяйственных предприятий как массовых исторических источников // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. Новороссийск. Ч. 2. М. С. 169–173.
- Мошков Ю. А.* (1979б). Статистика сельскохозяйственного производства СССР // Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М.: Изд-во МГУ. С. 196–226.

- Мошков Ю. А. (1984). Демографические изменения в деревне СССР в годы первых пятилеток // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Таллин. С. 37–39.
- Мошков Ю. А. (1988). Механизаторы как социально-профессиональный слой сельского населения в 1930-х гг. // Особенности российского земледелия и проблемы населения IX–XX вв. XXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М. С. 149–152.
- Мошков Ю. А. (1996). Трактор в сельском хозяйстве страны в 30-х годах // Аграрные технологии в России, IX–XX вв. XXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М. С. 156–158.
- Мошков Ю. А. (1997). Сельскохозяйственное производство в СССР в 30-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 3. С. 46–75.
- Мошков Ю. А. (2000). О передовых колхозах СССР 1930-х годов // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М. С. 189–193.
- Мошков Ю. А. (2001). Механизаторы как социально-профессиональный слой сельского населения СССР в 1930-х гг. // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России»: Итоги пятилетней деятельности. Вып. 12. М.: Изд-во МГУ. С. 76–87.
- Мошков Ю. А. (2002а). Производство зерна, хлебозаготовки и урожайная статистика в 1930-х гг. // Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Наука. С. 591–604.
- Мошков Ю. А. (2002б). Советское сельское хозяйство и крестьянство в середине 1930-х гг. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 4: 1934–1936. М.: РОССПЭН. С. 7–38.
- Мошков Ю. А. (2003). Землепользование колхозов в 1930-х гг. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга. С. 331–341.
- Мошков Ю. А. (2004). Годовые отчеты колхозов 1930-х годов — ценнейший источник по истории становления колхозной системы в СССР // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. XXIX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М. С. 136–139.
- Мошков Ю. А. (2006). Экономические аспекты становления колхозной системы: информационный потенциал годовых отчетов колхозов 1930-х годов // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12. М.: МГУ. С. 113–123.
- Мошков Ю. А. (2015). [Выступления на семинарах «Современные концепции аграрного развития» 1992–2000 гг.] // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия. С. 205–208, 293–295, 385–389, 453–454, 503–505, 540–542, 586–587, 627–629, 679–680.
- Мошков Ю. А., Красильников С. А., Верт Н., Берелович А. Я. (2012). Введение // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 4. 1935–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2012. С. 12–34.
- Мошков Юрий Александрович (2010) // Участники Великой Отечественной войны 1941–1945 годов — вершители Победы / Н. М. Данилкович и др. М.: Изд-во Московского университета. С. 76–77.
- Мошков Юрий Александрович (2004) // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / Под общ. ред. С. П. Карпова. М.: Изд-во Московского университета; РОССПЭН. С. 312–313.
- Немаков Н. И. (1966). Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929–1932 гг.). М.: МГУ.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. (2012). Т. 4. 1935–1939 гг. М.: РОССПЭН.

Трапезников С. П. (1951). Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М.

Трапезников С. П. (1983). Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2 т. 3-е изд. М.: Мысль.

In memory of the scholar: Works of Yu.A. Moshkov and some issues of agrarian historiography

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: repytwd68@mail.ru

Abstract. Yuri Aleksandrovich Moshkov (April 6, 1922 — August 30, 2022), a prominent Russian agrarian historian, whose works outlined the main directions in the study of the economic aspects in the history of collectivization and the collective-farm sector of Soviet agriculture, passed away. During his long creative life, the Russian historiography came a long way from the formation of the scientific paradigm for the study of Soviet history during the thaw period, through the methodological crisis of *perestroika* to the “archival revolution” of the 1990s and the subsequent period of obtaining new sources and choosing new theoretical models under the ideological diversity. The author pays tribute to the memory of his university teacher, highly appreciates his personal contribution, and expresses some general thoughts about the development paths and issues of the Russian agrarian historiography in the second half of the 20th — early 21st century.

Keywords: historiography, thaw period, *perestroika*, Yu.A. Moshkov, V.P. Danilov

References

- Bogdanov V. P. (2020) Komandir otdeleniya frontovogo ansamblya, professor Moskovskogo universiteta: Yuri Aleksandrovich Moshkov [Commander of the department in the front-line ensemble, Professor of the Moscow University: Yuri Aleksandrovich Moshkov]. *Sudby tvortsov rossijskoj nauki i kultury*, vol. 7, Moscow: Poligraf service, pp. 83–91.
- Danilov V. P. (1971) Nekotorye itogi i napravleniya izucheniya istorii sovetskogo krestyanstva [Some results and directions in the study of the history of the Soviet peasantry]. *Problemy agrarnoy istorii sovetskogo obshchestva*, Moscow: Nauka.
- Danilov V. P. (1957) *Sozdaniye materialno-tekhnicheskikh predposylok kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva v SSSR* [Creation of the Material-Technical Prerequisites for the Agricultural Collectivization in the USSR], Moscow: Izd-vo Akademii nauk.
- Danilov V. P. (1988) 20-e gody: NEP i borba alternativ [1920s: NEP and the struggle of alternatives]. *Istoriki sporyat. 13 besed*. V. S. Lelchuk (Ed.). Moscow: Politizdat, pp. 122–137.
- Davis R., Wheatcroft S. (2011) Gody goloda. Selskoe khozyaystvo SSSR, 1931–1933 [Years of Hunger. Soviet Agriculture in 1931–1933]. Moscow: Rosspen.
- Dokumenty svidetelstvuyut* (1989) *Iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii, 1927–1932 gg.* [Documents Testify. From the History of the Village on the Eve and During Collectivization, 1927–1932], Moscow: Politizdat.
- Golikov A. G., Abramova N. G. (2022) Grazhdanin i pedagog. K 100-letiyu Yuriya Aleksandrovicha Moshkova [Citizen and teacher. To the 100th anniversary of Yuri Aleksandrovich Moshkov]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, no 2.

- Ilinykh V. A. (2010) *Khroniki khlebnogo fronta (zagotovitelnyye kampanii kontsa 1920-h gg. v Sibiri)* [Chronicles of the Grain Front (Procurement Campaigns in the Late 1920s in Siberia)], Moscow: Rosspen.
- Istoriografiya istorii SSSR (epokha sotsializma)* (1982) [Historiography of the Soviet History (Socialist Era)]. I. I. Mints (Ed.), Moscow: Vysshaya shkola.
- Istoriya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bolshevikov). Kratky kurs* (1938). [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A Short Course], Moscow–Leningrad.
- Kedrov N. G. (2017) Yuri Aleksandrovich Moshkov v kontekste istoriografii kollektivizatsii [Yuri Alexandrovich Moshkov in the context of collectivization historiography]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 3, pp. 76–96.
- Kedrov N. G. (2019) Chetyre kontseptsii kollektivizatsii V. P. Danilova [Four concepts of collectivization by V. P. Danilov]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 3, pp. 6–42.
- Kollektivizatsiya (1989): istoki, sushchnost, posledstviya. Beseda za “kruglym stolom” [Collectivization: Origins, essence, consequences. Conversation at the “round table”]. *Istoriya SSSR*, no 3, pp. 3–62.
- Kondrashin V. V. (2014) *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki i ee rezultaty (1929–1933 gg.)* [Grain Procurement Policy During the First Five-Year Plan and Its Results (1929–1933)], Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Kraev M. A. (1954) *Pobeda kolkhoznoy stroya v SSSR* [Victory of the Collective-Farm System in the USSR], Moscow: Gos. izd-vo polit. literatury.
- Maksudov S. (2019) *Pobeda nad derevney: demograficheskie poteri kollektivizatsii* [Victory over the Countryside: Demographic Losses of Collectivization], Moscow–Chelyabinsk: Sotsium.
- Moshkov Yu. A. (1966a) *Zernovaya problema v gody sploshnoy kollektivizatsii selskogo khozyaystva SSSR (1929–1932 gg.)*. [Grain Problem in the Years of Complete Collectivization of Agriculture in the USSR (1929–1932)], Moscow: Isdatelstvo MGU.
- Moshkov Yu. A. (1967) Osnovnye voprosy istoriografii sploshnoy kollektivizatsii selskogo khozyaystva SSSR [The main questions in the historiography of the complete collectivization of agriculture in the USSR]. *Ocherki po istoriografii sovetского obshchestva*, Moscow: MGU, pp. 158–177.
- Moshkov Yu. A. (1971a) K voprosu o zaklyuchitelnom etape NEPa [On the final stage of the NEP]. *Istoricheskoe znachenie novoy ekonomicheskoy politiki (v svyazi s 50-letiem perekhoda k nepu)*, vol. 1. Moscow: Nauka, pp. 79–95.
- Moshkov Yu. A. (1971b) Reshayushchy etap osushchestvleniya leninskogo kooperativnogo plana i vopros o zaklyuchitelnoy stadii NEPa [The decisive stage in the implementation of Lenin's cooperative plan and the question of the final stage in the NEP]. *Problemy agrarnoy istorii sovetского obshchestva*, Moscow: Nauka, pp. 150–154.
- Moshkov Yu. A. (1973) Opyt primeneniya korrelyatsionnogo analiza v izuchenii otchetov o raspredelenii kolkhoznih dokhodov v nachale massovoy kollektivizatsii (po materialam Severokavkazskogo kraya) [The use of correlation analysis in the study of reports on the distribution of collective farm incomes at the beginning of mass collectivization (based on the data from the North Caucasian Region)]. *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii*, vol. 1, pp. 378–394.
- Moshkov Yu. A. (1996) Traktor v selskom khozyaystve strany v 30-h godah [Tractor in the national agriculture in the 1930s]. *Agrarnye tekhnologii v Rossii, IX — XX vv.* Moscow, pp. 156–158.
- Moshkov Yu. A. (1997) Selskokhozyaystvennoe proizvodstvo v SSSR v 30-e gg. [Agricultural production in the USSR in the 1930s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, no 3, pp. 46–75.
- Moshkov Yu. A. (2000) O peredovyh kolkhozah SSSR 1930-h godov [On the leading collective farms of the USSR in the 1930s]. *Zazhitochnoe krestyanstvo Rossii v istoricheskoy retrospektive (Zemlevladienie, zemlepolzovanie, proizvodstvo, mentalitet)*. Moscow, pp. 189–193.

- Moshkov Yu.A. (2001) Mekhanizatory kak sotsialno-professionalny sloj selskogo naseleniya SSSR v 1930-h gg. [Machine operators as a social-professional stratum of the Soviet rural population in the 1930s.]. *Informatsionny byulleten nauchnogo seminar "Industrializatsiya v Rossii": Itogi pyatiletney deyatel'nosti*, vol. 12, Moscow: Izdatel'stvo MGU, pp. 76–87.
- Moshkov Yu.A. (2002a) Proizvodstvo zerna, khlebozagotovki i urozhaynaya statistika v 1930-h gg. [Grain production, grain procurement and harvest statistics in the 1930s.] *Rossiya v XX veke: Reformy i revolyutsii*, in 2 vols. G. N. Sevostyanov, Moscow: Nauka, pp. 591–604.
- Moshkov Yu.A. (2002b) Sovetskoe selskoe khozyaystvo i krestyanstvo v seredine 1930-h gg. [Soviet agriculture and the peasantry in the mid-1930s]. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy*, in 5 vols. Vol. 4: 1934–1936. Moscow: Rosspen, pp. 7–38.
- Moshkov Yu.A. (2003) Zemlepolzovanie kolkhozov v 1930-h gg. [Land use of collective farms in the 1930s]. *Zemlevladieniye i zemlepolzovaniye v Rossii (sotsialno-pravovyye aspekty)*, Kaluga, pp. 331–341.
- Moshkov Yu.A. (2004) Godovye otchety kolkhozov 1930-h godov — tsenneyshiy istochnik po istorii stanovleniya kolkhoznoy sistemy v SSSR [Annual reports of collective farms of the 1930s as the most valuable source on the history of the collective-farm system in the USSR]. *Dinamika i tempy agrarnogo razvitiya Rossii: infrastruktura i ry-nok*, Moscow, pp. 136–139.
- Moshkov Yu.A. (2006) Ekonomicheskie aspekty stanovleniya kolkhoznoy sistemy: informatsionny potentsial godovykh otchetov kolkhozov 1930-h godov [Economic aspects of the formation of the collective-farm system: Information potential of the collective farms' annual reports in the 1930s]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozreniye*, vol. 12, pp. 113–123.
- Moshkov Yu.A. (2015) Vystupleniya na seminarah "Sovremennyye kontseptsii agrarnogo razvitiya" 1992–2000 gg. [Presentations at the seminars "Contemporary concepts of the agrarian development" 1992–2000]. *Sovremennoye krestyanovedeniye i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke*. V. V. Babashkin (Ed.), Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 205–208, 293–295, 385–389, 453–454, 503–505, 540–542, 586–587, 627–629, 679–680.
- Moshkov Yu.A. (1960) Politika gosudarstvennykh zagotovok v gody sotsialisticheskoy rekonstruktsii selskogo khozyaystva [The state procurement policy in the years of the socialist reconstruction of agriculture]. *Istoriya SSSR*, no 4, pp. 101–111.
- Moshkov Yu.A. (1962) Borba Kommunisticheskoy partii za razresheniye zernovoy problemy v gody sploshnoy kollektivizatsii selskogo khozyaystva [The struggle of the Communist Party to solve the grain problem under the complete collectivization of agriculture]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, no 4, pp. 18–35.
- Moshkov Yu.A. (1963) Zernovaya problema v gody kollektivizatsii selskogo khozyaystva [Grain problem in the years of agricultural collectivization]. *Istoriya sovetskogo krestyanstva i kolkhoznogo stroitelstva v SSSR*, Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 253–272.
- Moshkov Yu.A. (1966b) Sploshnaya kollektivizatsiya v SSSR i stimulirovaniye selskokhozyaystvennogo proizvodstva [Complete collectivization in the USSR and stimulation of agricultural production]. *Tezisy dokladov i soobshcheniy devyatykh (Tallinnskoj) sessii simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*, Tallin, pp. 229–231.
- Moshkov Yu.A. (1979a) Proiskhozhdeniye i evolyutsiya godovykh otchetov sotsialisticheskikh selskokhozyaystvennykh predpriyatiy kak massovykh istoricheskikh istochnikov [Origin and evolution of the annual reports of the socialist agricultural enterprises as mass historical sources]. *Aktualnyye problemy istochnikovedeniya istorii SSSR, spetsialnykh istoricheskikh distsiplin i ih prepodavaniye v vuzah: Tezisy dokladov III Vsesoyuznoy konferentsii*, Novorossiysk, vol. 2, pp. 169–173.

- Moshkov Yu.A. (1976) Statistika selskokhozyaystvennogo proizvodstva SSSR [Statistics of agricultural production in the USSR]. *Massovye istochniki po sotsialno-ekonomicheskoy istorii sovetskogo obshchestva*, Moscow: Izdatelstvo MGU, pp. 196–226.
- Moshkov Yu.A. (1984) Demograficheskie izmeneniya v derevne SSSR v gody pervykh pyatiletok [Demographic changes in the Soviet countryside during the first five-year plans]. *Sotsialno-demograficheskie aspekty razvitiya proizvoditelnykh sil derevni*, Tallinn, pp. 37–39.
- Moshkov Yu.A. (1988) Mekhanizatory kak sotsialno-professionalny sloj selskogo naseleniya v 1930-h gg. [Machine operators as a social-professional stratum of the rural population in the 1930s]. *Osobennosti rossiyskogo zemledeliya i problemy rasseleniya IX — XX vv.*, Moscow, pp. 149–152.
- Moshkov Yu.A., Krasilnikov S. A., Vert N., Berelovich A.Ya. (2012) Vvedenie [Introduction]. *Sovetskaya derevnaya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy* in 4 vols. Vol. 4. 1935–1939, Moscow: Rosspen.
- Moshkov Yuri Aleksandrovich (2004) *Entsiklopedichesky slovar Moskovskogo universiteta. Istorichesky fakultet* [Encyclopedic Dictionary of the Moscow University. Faculty of History]. S. P. Karpov (Ed.), Moscow: Izdatelstvo MGU, Rosspen, pp. 312–313.
- Moshkov Yuriy Aleksandrovich (2010) *Uchastniki Velikoy Otechestvennoy Voyny 1941–1945 godov — verшитeli Pobedy* [Participants of the Great Patriotic War of 1941–1945 — Masters of the Victory]. N. M. Danilkovich et al. (Eds.), Moscow: Izdatelstvo MGU, pp. 76–77.
- Nemakov N. I. (1966) *Kommunisticheskaya partiya — organizator massovogo kolkhozno-go dvizheniya (1929–1932 gg.)* [Communist Party — Organizer of the Mass Collective-Farm Movement (1929–1932)], Moscow: MGU.
- Sovetskaya derevnaya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939* (2012). *Dokumenty i materialy* in 4 vols. Vol. 4. 1935–1939 [Soviet Village from the Perspective of the All-Russian Special Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage — Unified State Political Department — People's Commissariat of Internal Affairs. 1918–1939. Documents and Materials], Moscow: Rosspen.
- Trapeznikov S. P. (1951) *Borba partii bolshevikov za kollektivizatsiyu selskogo khozyaystva v gody pervoy stalinskoj pyatiletki* [The Struggle of the Bolshevik Party for the Collectivization of Agriculture in the First Stalin's Five-Year Plan], Moscow.
- Trapeznikov S. P. (1983) *Leninizm i agrarno-krestyansky vopros* in 2 vols. [Leninism and Agrarian-Peasant Question], Moscow: Mysl.
- Volin I. S. (1980) O raznotipnosti istoriograficheskikh istochnikov [On the heterogeneity of historiographic sources]. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*, Kalinin, pp. 121–123.
- Vylkan M. A., Danilov V. P., Kabanov V. V., Moshkov Yu.A. (1982) *Kollektivizatsiya selskogo khozyajstva v SSSR: puti, formy, dostizheniya* [Collectivization of Agriculture in the USSR: Ways, Forms, Achievements], Moscow: Kolos.

1. Политика государственных заготовок в годы социалистической реконструкции сельского хозяйства // История СССР. 1960. № 4. С. 101–111.
2. Борьба Коммунистической партии за разрешение зерновой проблемы в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1962. № 4. С. 18–35.
3. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). Диссертация канд. ист. наук. М., 1963.
4. Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, состоявшейся 18–21 апреля 1961 г. в Москве. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 253–272.
5. [Прения, заключительное слово] // Там же. С. 363–364, 366–367.
6. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1966. — 231 с.
7. Сплошная коллективизация в СССР и стимулирование сельскохозяйственного производства // Тезисы докладов и сообщений девятой (Таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1966. С. 229–231.
8. Основные вопросы историографии сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР // Очерки по историографии советского общества. Сборник статей. М.: МГУ, 1967. С. 158–177.
9. Решающий этап осуществления ленинского кооперативного плана и вопрос о заключительной стадии НЭПа // Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР. Тезисы докладов и сообщений на сессии по проблеме: «В. И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР» (на правах рукописи). М., 1969. С. 60–66.
10. Решающий этап осуществления ленинского кооперативного плана и вопрос о заключительной стадии НЭПа // Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9–12 июня 1969 г. М.: Наука, 1971. С. 150–154.
11. [Выступление в прениях] // Там же. С. 195.
12. К вопросу о заключительном этапе НЭПа // Историческое значение новой экономической политики (в связи с 50-летием перехода к НЭПу). Всесоюзная сессия: Материалы обсуждения. Вып. 1. М.: Наука, 1971. С. 79–95.

13. Опыт применения корреляционного анализа в изучении отчетов о распределении колхозных доходов в начале массовой коллективизации (по материалам Северокавказского края) // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М.: Наука, 1973. С. 378–394.
14. Ленинские приемы анализа социальных и политических процессов в Советской России // В. И. Ленин и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества в переходный период. М.: МГУ, 1973. С. 75–95 (в соавт. с В. З. Дробижевым).
15. Статистические источники // Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1973. С. 484–502 (в соавт. с В. З. Дробижевым); 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1981. С. 414–436.
16. Статистика сельскохозяйственного производства СССР // Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 196–226.
17. Предисловие // Там же. С. 5–11 (в соавт. с В. З. Дробижевым).
18. Происхождение и эволюция годовых отчетов социалистических сельскохозяйственных предприятий как массовых исторических источников // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции: Новороссийск, 1979. Ч. 2. М., 1979. С. 169–173.
19. Оценка и анализ историографических фактов // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Межвузовский тематический сборник / Отв. ред. М. В. Нечкина. Калинин: КГУ, 1980. С. 100–101.
20. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. М.: Колос, 1982. — 400 с. (в соавт. с М. А. Вылцаном, В. П. Даниловым, В. В. Кабановым).
21. Демографические изменения в деревне СССР в годы первых пятилеток // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Таллин, 1984. С. 37–39.
22. Трактор в сельском хозяйстве страны в 30-х годах // Аграрные технологии в России, IX–XX вв. XXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 1996. С. 156–158.
23. Сельскохозяйственное производство в СССР в 30-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1997. № 3. С. 46–75.
24. Механизаторы как социально-профессиональный слой сельского населения в 1930-х гг. // Особенности российского

- земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. XXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 1998. С. 149–152.
25. О передовых колхозах СССР 1930-х годов // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 189–193.
26. Механизаторы как социально-профессиональный слой сельского населения СССР в 1930-х гг. // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России»: Итоги пятилетней деятельности. Вып. 12. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 76–87.
27. Производство зерна, хлебозаготовки и урожайная статистика в 1930-х гг. // Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Наука, 2002. С. 591–604.
28. Советское сельское хозяйство и крестьянство в середине 1930-х гг. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 4: 1934–1936. М.: РОССПЭН, 2002. С. 7–38.
29. Землепользование колхозов в 1930-х годах // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 158–161.
30. Землепользование колхозов в 1930-х гг. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 331–341.
31. Годовые отчеты колхозов 1930-х годов — ценнейший источник по истории становления колхозной системы в СССР // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. XXIX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2004. С. 136–139.
32. Экономические аспекты становления колхозной системы: информационный потенциал годовых отчетов колхозов 1930-х годов // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12. М.: МГУ, 2006. С. 113–123.
33. Введение // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 4. 1935–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2012. С. 12–34 (в соавт. с С. А. Красильниковым, Н. Вертом, А. Я. Береловичем).
34. [Выступления на семинарах «Современные концепции аграрного развития» 1992–2000 гг.] // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред.

В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 205–208, 293–295, 385–389, 453–454, 503–505, 540–542, 586–587, 627–629, 679–680.

И. А. Кузнецов
Памяти ученого:
труды Ю. А. Мошкова и некоторые
проблемы аграрной
историографии

О нем

1. *Богданов В. П.* Командир отделения фронтового ансамбля, профессор Московского университета: Юрий Александрович Мошков // Судьбы творцов российской науки и культуры. Т. 7 / Автор-сост. И. В. Ильин и др. М.: Полиграф сервис, 2020. С. 83–91.
2. *Богданов В. П.* «Общение с Юрием Александровичем стало настоящей школой» // Московский университет. 2022. Апрель. № 04 (4575). С. 5.
3. *Голиков А. Г., Абрамова Н. Г.* Гражданин и педагог. К 100-летию Юрия Александровича Мошкова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2022. № 2. С. 3–12.
4. *Кедров Н. Г.* Юрий Александрович Мошков в контексте историографии коллективизации // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3. С. 76–96.
5. Мошков Юрий Александрович // Участники Великой Отечественной войны 1941–1945 годов — вершители Победы / Н. М. Данилкович и др. М.: Изд-во Московского университета, 2010. С. 76–77.
6. Мошков Юрий Александрович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / Под общ. ред. С. П. Карпова. М.: Изд-во Московского университета; РОССПЭН, 2004. С. 312–313.

Социология по земле пешком и с высоты полета квадрокоптера. Сельские дома и деревенская жизнь Ближнего Севера России (на примере Костромской области)

Л. М. Баскин, Н. Е. Покровский, У. Г. Николаева¹

Леонид Миронович Баскин, доктор биологических наук, главный научный сотрудник, Институт эволюции и экологии имени А. Н. Северцова РАН. 119071 Москва, Ленинский пр-т, 33. E-mail: baskinlm@mail.ru

Никита Евгеньевич Покровский, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии НИУ «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. 1011000 Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: npokrovsky@hse.ru

Ульяна Геннадьевна Николаева, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, главный научный сотрудник НИУ «Высшая школа экономики». 1011000 Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: unikolaeva@list.ru

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 22-28-01592 «Социокультурные детерминанты процесса дезурбанизации в современной России: теоретические и прикладные аспекты миграции горожан из мегаполисов в “малые территории”», реализуемого на базе НИУ «Высшая школа экономики». В статье использованы также материалы теоретических и эмпирических социологических исследований, проводимых в течение трех десятилетий в Мантуровском районе Костромской области в рамках Угорского междисциплинарного научного проекта (рук. Н. Е. Покровский, Т. Г. Нефедова). Авторы выражают глубокую благодарность коллегам и специалистам, оказавшим помощь в сборе и обработке эмпирических данных. Сотрудник Таежной биостанции ИЭИЭ РАН — жительница деревни Леонтьево Мантуровского района Костромской области Л. И. Гуляева провела подворный обход в изученных деревнях с целью определения того, населяют ли дома местные жители или дачники. Л. И. Гуляева также составила списки государственных и колхозных учреждений, работавших в изученных деревнях в 1950–2020-х годах, провела дешифровку съемок деревень, описывая каждый дом и усадьбу по стандартному перечню характеристик (см. раздел «Методы и собранные материалы»). Специалист из г. Мантурово А. А. Сумерников осуществил видеосъемку деревень с квадрокоптера. Житель деревни Леонтьево М. М. Лебедев — профессиональный плотник, консультировал нас по вопросам строительства и обустройства усадеб. Помощь и консультации Л. И. Гуляевой, А. А. Сумерникова, М. М. Лебедева особенно ценны тем, что это исконные жители изученного края, чьи предки поселились в нем сотни лет назад.

Аннотация. Сельские поселения и сельская жизнь на Ближнем Севере испытывают разнонаправленные воздействия, находясь на перекрестье природно-экологических зон, экономических и хозяйственных укладов, модернизационных вызовов. Относительно низкая плодородность нечерноземных почв и суровость зим делают малокурентными сельскохозяйственное производство и фермерские инициативы в рыночных условиях. Устойчивая миграция сельских жителей в города, отходничество, сравнительно низкая продолжительность жизни трудоспособного населения, ускоренное демографическое старение и одновременно центробежный приток дачников из больших городов, влияющие на постепенную трансформацию образа жизни, — вот основные профили и тематические узлы данного исследования.

Макро- и микротенденции изменений сельской жизни анализируются сквозь призму поселенческих паттернов, бытовых условий, материальной культуры, хозяйственных практик на материале углубленного исследования внегородского поселенческого локуса вдоль реки Унжи между г. Мантурово и г. Макаревым Костромской области. Традиционные методы социологических наблюдений, опросов и анализа статистики дополнены съемками деревень с помощью квадрокоптера с последующей расшифровкой и анализом полученных данных.

Особое внимание уделено архитектурно-планировочной типологии домов и анализу функциональной структуры современных сельских усадеб, что, на взгляд исследователей, наиболее объективно отражает как историю развития деревень и сельского образа жизни, так и современную экономическую и социокультурную эволюцию «малых территорий», их включенность в процессы социальной трансформации на Ближнем Севере.

Ключевые слова: Ближний Север России, Костромская область, сельские поселения, депопуляция, дезурбанизация, сельский образ жизни, хозяйственные практики, сельские усадьбы, архитектура сельского дома, съемки посредством квадрокоптера

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-72-108

Ближний Север России обладает огромным пространственным и экологическим потенциалом. Его территориальная безбрежность, природное разнообразие, ландшафтно-экологическое богатство, насыщенность историческими местами памяти поражают воображение даже искушенных исследователей. Это целый мир, возможно, даже континент, и как ни странно, лишь отчасти изученный и освоенный.

Время здесь течет медленнее. Но за, казалось бы, простыми реалиями повседневности сел и деревень, сохраняющих во многом прежний облик, явственно просматриваются масштабные процессы социального переформатирования поселенческих структур Ближнего Севера, глубинной трансформации образа жизни. Сжатие освоенного пространства, падение объемов сельскохозяйственного производства, сокращение числа населенных пунктов и явственная ускоренная депопуляция последних трех десятилетий разворачиваются на фоне встречного тренда — центробежной миграции горожан в сельскую местность, идущей по своим законам. Все это создает своего рода эпическую картину ухода одного, можно сказать, исторически масштабного социоэкономического уклада и по-

степенного возникновения новой социальной реальности с характерным для нее переосмыслением значимости «малых территорий». Эта новая реальность прежде всего связана с процессом дезурбанизации, «перетеканием» населения за существующие границы мегаполисов и выходом из городов на средние и дальние дистанции. Дезурбанизация (и/или контрурбанизация) стали предметом теоретического и прикладного анализа ряда зарубежных ученых (Berry, 1976; Kontuly, Wiard, Vogelsang, 1986; Mitchell, 2004 и др.), а также российских специалистов, в том числе членов Угорского проекта в Костромской области (рук. Н. Е. Покровский, Т. Г. Нефедова) (Потенциал Ближнего Севера..., 2014; Ойкумена Ближнего Севера, 2015; Горожане в деревне, 2016, Между домом и... домом, 2016 и др.). Разработанные ими модели и концепции заложили методологическую основу для интерпретации данных полевых исследований, представленных в статье.

Своеобразным отрицанием и одновременно дополнением этого процесса исхода горожан из городов можно считать усиливающееся за последние годы т.н. «отходничество» — выезд сельских жителей и жителей малых городов в столицы и крупные города на временные работы с одновременным усвоением и перенесением потом в сельское пространство не только денежных ресурсов, но и чисто городских навыков и образа жизни. Разнонаправленные процессы — центростремительной и центробежной миграции — создают основу для глубокой трансформации современного села, в котором, однако, пока господствующей тенденцией все же остается депопуляция.

Депопуляции и опустыниванию сельских районов на Ближнем Севере России посвящен ряд работ социологов и социальных географов (Денисенко, Николаева, 2015; Потенциал Ближнего Севера, 2014; Староосвоенные районы в пространстве России, 2021 и др.). Интернет полнится многочисленными страницами и видеороликами, живописующими разрушенные сельские дома без окон и дверей, покинутые деревни, заросшие поля и дороги — тлен и разор. Возникла даже своего рода поисковая «некрофилия», находящая во всем этом некое сладострастное смакование.

Наше исследование находится на иных идейных позициях. И в заброшенных по тем или иным причинам деревнях, и в относительно прогрессирующих сельских населенных пунктах мы прежде всего стремимся найти объективную и субъективную логику происходящего и, говоря языком Макса Вебера, осуществить «расколдовывание» этого мира.

Для реализации этой цели мы приняли решение рассматривать современную планировку сельских усадеб, архитектуру и дизайн сельских домов, а также иные внешние проявления хозяйственной активности сельских домохозяйств вкупе с данными подворных обходов и социологических наблюдений, используемых как важное расширение демографического, социогеографического и социальноэкономического подходов.

По нашему мнению, Ближний Север России находится сегодня на пограничье смены картин мира, цивилизационной модели: уходит традиционная сельскохозяйственная экономика, а с ней и привычный сельский образ жизни, демографическая модель, поселенческая структура. Им на смену идут новые симбиотические агрегации село-городских жителей, что находит свое отражение в образе жизни, повседневных хозяйственных практиках, экономике домохозяйств и архитектурно-планировочной структуре усадеб. Функция самообеспечения, производства продуктов питания и всего необходимого в домохозяйствах заменяется на рекреацию и самореализацию. Это замещение не происходит моментно и повсеместно. Оно имеет свои временные амплитуды и территориальную селективность. И тем не менее... Произойдет ли окончательно это замещение? в каких утвердившихся формах оно произойдет? как? и когда? — эти вопросы относятся к области социальной прогностики. В данном случае в нашей статье речь идет о наблюдаемых объективных маркерах этого процесса «здесь и теперь», требующих изучения и осмысления.

Выживание деревень и их будущее, их облик (архитектурный и пространственный, включающий количество подсобных построек, площадь огородов и другие особенности) нередко связаны с пластами культурных традиций и исторического прошлого. Личные качества помещиков, предпринятые ими преобразования в селах, социально-экономические потрясения войн и революций, строительство колхозов и их упадок вплоть до ликвидации, технический прогресс (замена лошадей тракторами, дорожное строительство, доступность автомашин), решения центральных, региональных и местных властей (в том числе последние «оптимизации») — все эти процессы нашли отражение в современном облике деревень, в демографических характеристиках сельского населения, в моделях хозяйственного и рекреационного использования домов и территорий, что в конечном счете определяет их будущее.

Проблема конкретного социологического исследования

Наше конкретное социологическое исследование посвящено востоку Костромской области. Это зона южной и средней тайги, максимально приближенная к центру Европы. Здесь почти нет минеральных полезных ископаемых и, соответственно, слабо развита промышленность. Условия земледелия трудны. Морозы зимой близки к -40°C градусам и продолжаются 30–40 дней, средняя глубина снежного покрова составляет 70 см, а сам снежный покров сохраняется в среднем с 20 октября до 1 мая.

Исторически эти территории занимали угро-финские племена, что находит свое подтверждение в многочисленных топонимах. Однако потомки этих племен практически полностью растворены

в русском населении, составляющем, по статистике, около 93,24% населения.

До 1552 года (год взятия Иваном IV Казани) территория принадлежала Казанскому ханству. Последующая русская колонизация проходила мирно. Но различные исторические события, в том числе социальные катаклизмы XX века и последующих десятилетий, нашли свое отражение в динамике населения, в структуре архитектурно-планировочного устройства сел и деревень, в дизайне и планировке домов. Все это придает, на наш взгляд, социологическому анализу большую убедительность с опорой на объективные данные.

Нашей конечной задачей было найти специфические характеристики планировки, дизайна и архитектуры сельских усадеб в их своеобразном сочетании исторических и современных планировочных и инженерных решений, имеющих признаки как угасающей жизнеспособности, так и обновления и прихода новой реальности «малых территорий». Критерием позитивных тенденций служила относительная стабилизация или даже рост населения в отдельных деревнях, как за счет внутренних ресурсов, так и за счет центростремительной миграции горожан (т.н. «дачников»). Индикаторами этого процесса служили появление новых построек, использование новых строительных материалов при ремонте, а также другие признаки роста относительного материального благополучия.

Выбор пал на Мантуровский район Костромской области, поскольку он представляет собой «классический» образец староосвоенных периферийных территорий Ближнего Севера России. Это своего рода настоящая российская лесная глубинка, эталонная Россия *per se*.

По микропереписи 2015 года, в Мантуровском районе в целом значилось 100 поселений (считая город Мантурово с 15,5 тыс. жителей). Несколько поселений не имели постоянных жителей. Объектом непосредственного исследования стали деревни по правому берегу реки Унжи, притока Волги — в Мантуровском районе Костромской области.

Наши исследования концентрировались на группе деревень, расположенных на юго-запад от муниципального центра (г. Мантурово Костромской области), вдоль по долине реки Унжи (левый приток 1-го порядка Волги). Координаты района обследования: 58°06' С — 58°18' С, 44°17' В — 44°45' В. Здесь расположены 42 деревни, одна из них (М. Поповица) уже не существует (сгорела). В 41 изученной деревне (населенных и обезлюдивших) имеется 1167 домов или строений, похожих на дома, населенных 1533 жителями (официальная статистика на 2019 г.). Из 1167 домов в деревнях имелось 779 жилых, 242 нежилых дома, 104 развалины и 42 здания гражданского назначения: конторы учреждений, клубы, школы, магазины и церкви.

Рис. 1. Район исследований (выделен штриховкой)

Русские деревни появились в этом районе в конце XVI века, а первое письменное свидетельство относится к 1616 году, когда царские ревизоры обследовали деревни, расположенные по долине реки Унжи. Местный краевед С. Н. Торопов, на результаты исследований которого мы опирались, изучил возникновение и развитие 15 деревень, выяснил год их основания, динамику числа жителей и усадеб (старое название «двор»). Данные о жителях этих деревень, сравнимые с современными (2019 г.), имеются для периода с 1775 по 1924 год.

По архивным материалам и организованным нами опросам жителей были установлены для каждого десятилетия в период 1960–2020 гг. то, какие государственные, хозяйственные, торговые, медицинские, культурные, религиозные, спортивные учреждения и сооружения функционировали в каждой из деревень. Каждая усадьба была обследована, чтобы уточнить использование домов дачниками из Москвы, некоторых других крупных городов, а также из ближайшего города Мантурово (бывшие жители деревень, переселившиеся в город, но приезжающие в родные места на отдых и для обработки огородов).

Методы и собранные материалы

В исследовании применялись различные методы получения и анализа информации: анализ статистических данных, аэровидеосъем-

ка посредством квадрокоптера, подворные обходы, социологические наблюдения, анализ документов и историко-статистических данных.

Аэровидеосъемка деревень. Проведена видеосъемка с беспилотного летательного аппарата (квадрокоптера). Всего было отснято 28 жилых деревень, располагающихся между республиканской трассой Р-243 (на ее отрезке Мантурово — Макарьев) и рекой Унжей. Съемка не была выборочной, ставилась задача охватить все дома и окружающие их постройки. Осуществлена расшифровка полученных видеоданных (архитектура домов, материал изготовления крыш, наличие хозяйственных построек, хозяйственная техника, размеры и площади огородов и т. д.). После этого дополнительно в этих же деревнях проводился подворный обход домохозяйств (наземное обследование деревень) с целью получения более точных данных о том, какие дома используются для постоянного проживания, какие сдаются дачникам или используются как временное жилье охотниками в сезоны, когда охота разрешена. Это позволило проанализировать наш объект «сверху», общим планом и на «земле», в прямом контакте с домохозяйствами. Получилась своего рода «социология с высоты полета и пешком по деревням».

Рис. 2. Деревня Ефимово Мантуровского района

Таким образом были получены данные о планировке усадеб и архитектурном облике домов, материалах, из которых они сделаны, дополнительном утеплении (обшивка домов досками), о типе покрытия крыш. Были учтены дополнительные постройки: бани, хозяйственные сараи, гаражи. По снимкам были измерены разме-

ры овощных огородов и полей, предназначенных для выращивания картофеля. Дополнительно учтено количество тракторов, легковых, грузовых и специальных машин на каждой усадьбе.

Все съемки проводились во второй половине сентября — октябре в ясную погоду. К этому времени огороды и картофельники уже выкопаны и их легко изучить, сделать снимки, пригодные для измерения площади. Площадь сада-огорода и площадь картофельного поля, обычно располагающегося вне границ усадьбы, измерялись на экране компьютера линейкой, масштаб которой определялся по эталону — автомашине Nissan Qashqai, с которой работал оператор квадрокоптера и которая попадала на видео. Длина автомашины — 438 см. Площадь определялась в «сотках» (сотка = 100 кв. м), как это принято в сельской местности России (рис. 3).

*Л. М. Баскин,
Н. Е. Покровский,
У. Г. Николаева*
Социология
по земле пешком
и с высоты полета
квадрокоптера...

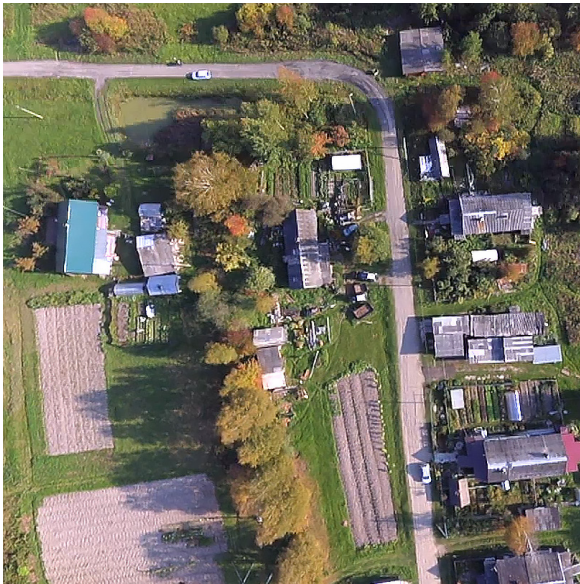

Рис. 3. Кадр видеосъемки. Огороды и картофельные поля отчетливо видны на снимках, их можно измерить.

Измерено расстояние от каждой изученной деревни до муниципального центра — г. Мантурово (от центра города до ближайшего к нему дома в деревне).

Вычисление корреляций

Большинство значений в исходных таблицах — это номинальные шкалы, переведенные в числовые. Другими словами, подсчитано общее количество развалин, крыш из шифера и т.п. Далее мы вы-

числяли нормированную оценку признака, чтобы уравнивать оценки признака, полученные для деревень разного размера. Например, очевидна корреляция числа автомашин в деревне с общим количеством домов. Мы разделили число машин на число жилых домов. Используя значение признака, рассчитанное на один дом, мы получаем возможность вычислять корреляции с некоторыми другими признаками. Например, после нормирования признака мы можем подсчитать корреляцию частоты машин в деревне и частоты домов с железной крышей ($R = 0,35$).

Были использованы и числовые значения, такие как общая площадь огородов и картофельных полей. Также, говоря о площади огородов и картофеля, мы взяли среднюю площадь. Таким образом, речь идет не об очевидной корреляции (например, чем больше домов, тем больше картофельники), а именно чем больше домов, тем больше средняя площадь картофельного поля на один дом.

Дополнительно к количественным методам и некоторым эконометрическим построениям были добавлены данные подворных обходов, а также, казалось бы, прямо противоположные им — этнографические методы, а также методы визуальной социологии.

Динамика сельского населения в обследованном локусе

Динамика сельского населения в Костромской области в целом определялась в последнее столетие целым рядом факторов — экономических, политических (революции, войны, коллективизация и др.), собственно демографических (т.н. «демографическая модернизация»), технологических, социокультурных и некоторых других. В целом пик роста сельского населения отмечен в 1920-х годах, и уже перепись 1939 года показывает тенденцию к сокращению как сельского населения, так и совокупного сельско-городского населения Костромской области. В 1991 году впервые отмечено превышение смертности над рождаемостью, и эта тенденция к естественной убыли населения, особенно быстро протекающей в сельской местности, сохранится до сих пор (Денисенко, Николаева, 2015).

Пик численности населения в исследуемом нами локусе пришелся на 1924 год. В течение советского времени и до настоящего времени наблюдается падение численности жителей (рис. 4).

Используя исторические и современные статистические данные, нами была предпринята попытка вычислить среднее число жителей и усадеб в 15 деревнях в 1775, 1907 и 2019 годах. При отсутствии данных для какого-то периода была применена интерполяция (рис. 5).

Сейчас лишь в двух деревнях (Самылово и Леонтьево) численность жителей больше той, что была в 1775 году, когда проводилась первая перепись. Подавляющее большинство деревень демонстрируют глубокую депопуляцию, ряд сел вообще обезлюдели.

Таблица 1. Численность населения Костромской области за 100 лет по данным переписи населения (тыс. человек)*

	Все население	Городское население	Сельское население	Кострома
1897	992	71	921	41
1926	1081	128	953	74
1939	1077	239	838	121
1959	922	366	556	172
1970	871	465	406	231
1979	804	513	291	268
1989	810	555	255	294
2002	737	496	240	279
2010	668	467	201	270
2020	581	428	153	267

Примечание: * в современных границах

Источники: 1897 — оценки демографа М. Б. Денисенко; Госкомстат России. Население России за 100 лет (1897–1997). М., 1998; Росстат. Итоги Всероссийской переписи 2002 г.; Росстат. Итоги Всероссийской переписи 2010 г.; Росстат. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. см.: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

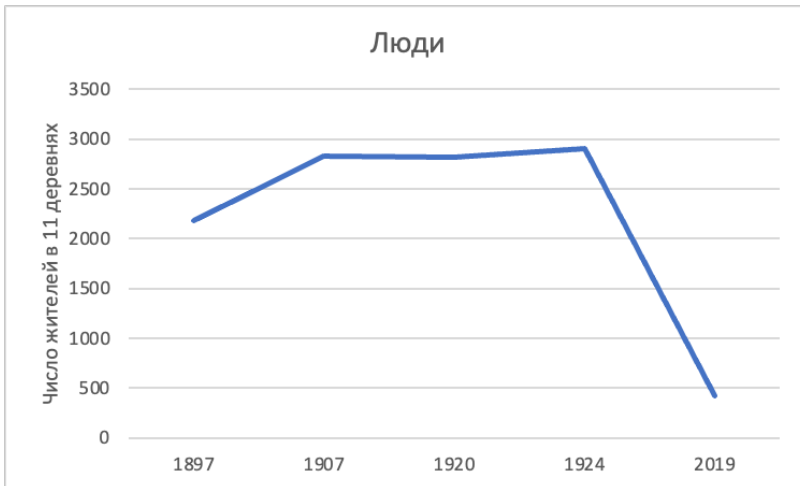

Рис. 4. Падение численности населения в 11 деревнях выбранного локуса (В. Село, Никитино, Шилово, Зашильское, Дмитриево, Выползово, Фатьяново, Давыдово, Усолье, Леонтьево, Самылово) как пример проявления общих тенденций демографических изменений

*Л. М. Баскин,
Н. Е. Покровский,
У. Г. Николаева*
Социология
по земле пешком
и с высоты полета
квадрокоптера...

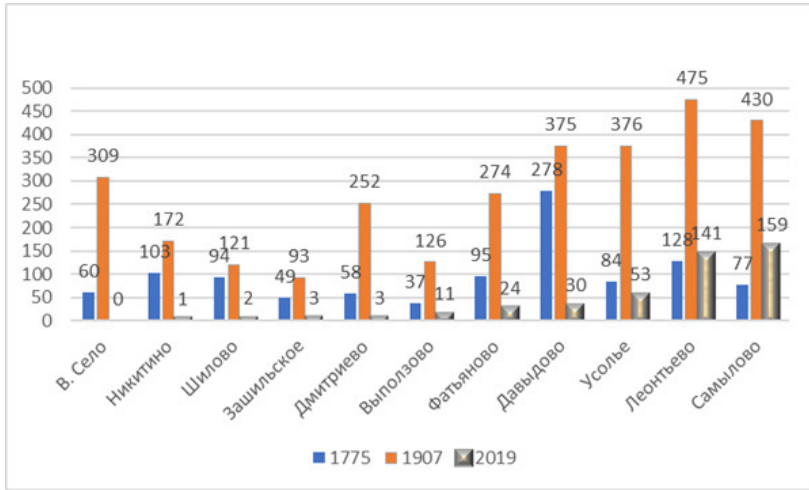

Рис. 5. Изменение числа жителей в 11 деревнях с 1775 до 2019 года

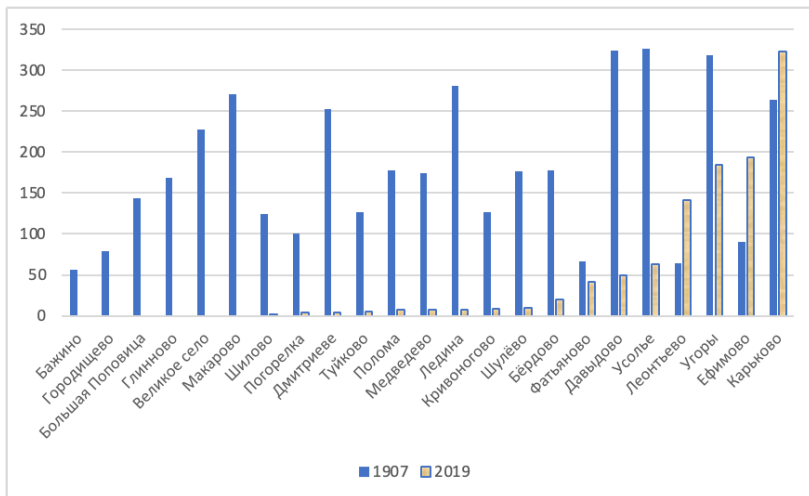

Рис. 6. Динамика населения в диапазоне 110 лет (23 деревни исследуемого локуса)

Люди и дома: изменения населенности

Число домов в деревнях росло по мере увеличения населения (рис. 7). Но одновременно шел процесс увеличения населенности домов, особенно заметный в годы «демографического взрыва» (1870–1910-е гг.). В конце XIX и начале XX века, на пике восходящей демографической волны, в каждой деревне изученного локу-

са насчитывалось в среднем 250–300 жителей. И хотя количество домов могло оставаться относительно постоянным, менялось количество обитателей одного дома. В 1907 году один дом населяли (в среднем) 6,2 жителя, а в 2019 году лишь 1,8.

*Л. М. Баскин,
Н. Е. Покровский,
У. Г. Николаева*
Социология
по земле пешком
и с высоты полета
квадрокоптера...

Рис. 7. Число людей и домов (в среднем в год) в 7 деревнях

Сжатие и поляризация освоенного пространства

Процессы депопуляции сельского населения на Ближнем Севере в постсоветский период, процессы «сжатия» освоенного пространства и роста центр-периферийных контрастов глубоко исследовались в рамках Угорского проекта (Потенциал Ближнего Севера, 2014; Денисенко, Николаева, 2015; Староосвоенные районы в пространстве России, 2021 и др.). Выявленные общие закономерности находят отражение в локальных процессах, изученных в рамках данного конкретного исследования.

В исследовании, помимо отмеченного ранее сельского сегмента в Мантуровском районе, внимание привлек также деревенский кластер на протяжении 40 км вдоль долины реки Унжи в Кологривском районе Костромской области. Здесь мы столкнулись с аналогичными социально-демографическими и пространственными закономерностями.

Процесс сжатия населения иллюстрирует рисунок 8, отражающий изменения числа жителей в деревнях Кологривского района Костромской области. На рисунке 8 очевидно, что в 1907 году более населенные деревни рассредоточены равномерно вниз и вверх по течению от г. Кологрив, тогда как в 2019 году очевидна концентрация населения в гораздо меньшем числе деревень.

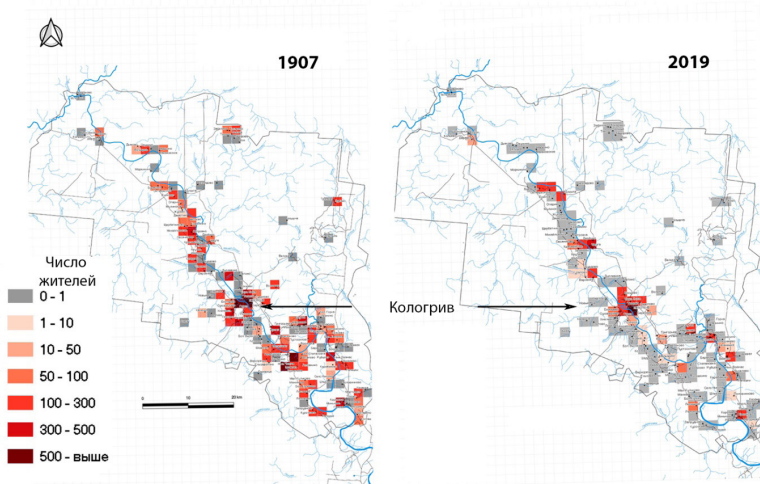

Рис. 8. Изменения населенности деревень в Колодривском районе Костромской области за период с 1907 до 2019 года

В ранее изученной нами юго-западной части Мантуровского района выделяются пять «центров» притяжения населения: пригороды Мантурово, Самыловский, Карьковский, Леонтьевский и Угорский поселенческие центры. Это явление достаточно очевидно и на рисунке 9. История развития этих пяти центров притяжения различна.

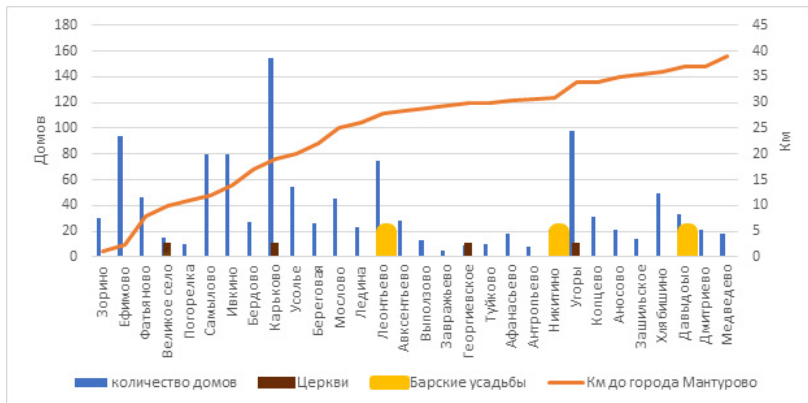

Рис. 9. Сельские центры притяжения населения исследуемого локуса в Мантуровском районе

Самыловский центр притяжения испокон веков был более других населен. Согласно исследованиям краеведа С. Н. Торопова (2013:79), Самылово еще в начале XVII века называлось Самой-

лово и насчитывало в 1616 году 7 «дворов» (хозяйств). Первые переписчики обнаружили плотно заселенную территорию, где самым крупным поселением было Самылово.

Деревня Леонтьево впервые «переписана» в 1628 году и в прошлом была довольно многолюдной. До революции проходили ежегодные ярмарки. В течение столетий Леонтьево находилось во владении крупных феодальных родов России: Романовых, Белосельских, Шаховских. С деревней граничила дворянская усадьба, сюда приставали пароходы на реке Унже. Сохранились остатки фундамента усадьбы, сада, уцелел лес по обрыву. Село Угоры (бывш. Халбуж) знаменито не только тем, что там был пересыльный пункт Старо-Вятского тракта, но и прекрасной каменной Воскресенской церковью (1817), в которой венчался декабрист М. А. Фонвизин с Н. Д. Апухтиной.

Угоры, Самылово, Леонтьево — в советское время стали центрами трех колхозов, весьма успешных, владевших землями всего кластера изучаемых деревень.

Исследуя процесс изменения населения за более короткое время (110 лет), мы видим (рис. 8), что увеличилось население еще двух деревень (Ефимово и Карьково). Ефимово — это ближайший пригород районного центра г. Мантурово, в деревне уже много домов новой, современной архитектуры. Карьково — рабочий поселок, здесь был и пока сохраняется центр лесной промышленности.

Хозяйственный профиль. Инфраструктура

Сейчас сельские жители все реже упоминают недостаточный комфорт деревенской жизни как мотив к переезду в город. Зажиточные семьи живут в домах с газовым или электрическим отоплением, с горячей водой и теплым туалетом. Телевизор и кабельный интернет в каждом доме сняли вопросы по «оторванности» людей от удаленных источников информации и развлечения. Все более значимыми, помимо фактора занятости, оказываются факты наличия социальной инфраструктуры.

Очевидно, что действуют и другие факторы. Например, деревня Ефимово многолюдна, хотя учреждений там мало. Главное в этом случае — близость к райцентру, где и работодатели, и образование, и магазины, и медицина.

На динамику населения и жизнь в деревнях повлиял общий технический прогресс. В период 1960–2000 годов потерял свое былое значение водный транспорт: прекратилось снабжение деревень по воде, прекратился сплав леса. Соответственно, исчезла служба, следившая за навигационным оборудованием на реке, были упразднены сплавные конторы. До 1990-х годов срубленный в верховьях Унжи лес доставлялся волоком или на грузовиках к местам, где бревна сбрасывались в воду и самосплавом прибывали к устью Унжи, там собирались плоты для дальнейшей транспортировки

*Л. М. Баскин,
Н. Е. Покровский,
У. Г. Николаева*
Социология
по земле пешком
и с высоты полета
квадроконтера...

по Волге. Сплавные бригады следили, чтобы на реке не возникали заторы. К концу лета эти бригады двигались от верховьев Унжи вниз по течению, «зачищая» реку от застрявших у берега бревен.

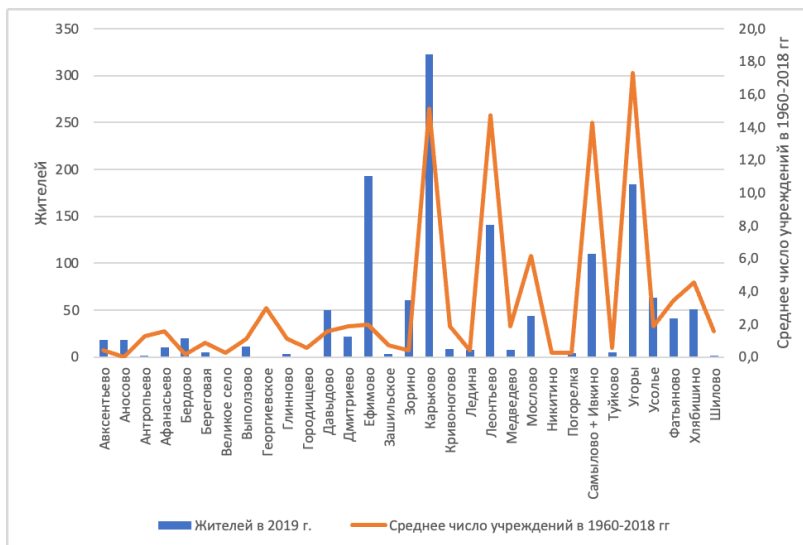

Рис. 10. Современная численность деревень и среднее число учреждений в этих деревнях в 1960–2018 гг.

С прекращением использования лошадей исчезли конюшни, а потом и кузницы. Уже в наши дни закрытие в порядке оптимизации детских садов, школ, медицинских учреждений привело (особенно в 2010-х годах) к увольнению как специалистов (учителей, медсестер, воспитателей), так и многочисленного обслуживающего персонала (уборщиц, истопников, сторожей).

С 1990-х финансовая поддержка государства колхозов и совхозов резко уменьшилась или вовсе прекратилась. Вскоре началось умирание сельскохозяйственного производства, во многих деревнях прекратилась обработка полей и выращивание зерновых культур и кормовых трав. Личные подсобные и фермерские хозяйства, на подъем которых возлагались большие надежды, не смогли заместить прежние колхозы и совхозы. В последнее десятилетие наметилась тенденция к сокращению ЛПХ и фермерско-крестьянских хозяйств (Нефедова, 2013; Нефедова, Николаева, 2019; Нефедова, 2021 и др.).

Расстояние деревень от административного центра

Удаленность от районного центра (г. Мантурово) заметно влияет на размер и особенности деревень. Центр-периферийные различия,

высокое влияние фактора удаленности от центра выделено географами в качестве важнейшей закономерности в пространственной дифференциации социально-экономических зон в России (Нефедова, 2021). В большей мере это заметно после 1929 года, когда из Кологривского уезда был выделен Мантуровский район. До этого во время переписей населения и деревень указывалось расстояние до уездного центра (г. Кологрив). Для изученных нами мантуровских деревень дистанция до Кологрива составляла от 87 до 120 км. Сейчас расстояние деревень до г. Мантурово колеблется от 1 до 40 км.

С удалением от г. Мантурово размер деревень снижается ($R = -0,30$), больше встречаются избы пятистенки ($R = 0,38$), больше домов с пристроенными дворами ($R = 0,3$), меньше хозяйственных построек ($R = -0,30$). С удалением деревень от г. Мантурово становится меньше площадь огородов ($R = -0,51$) и меньше картофельные поля ($R = -0,35$).

По нашим наблюдениям, деревни, расположенные дальше от Мантурово, беднее, их облик более архаичен. Здесь живет больше старых людей, которым не под силу обрабатывать большие участки земли. Здесь меньше владельцев тракторов, которые могли бы вспахать, окучить, а потом и выкопать картофель.

Архитектурные особенности домов и структура усадеб: прошлое и современность

Дом имеет особый смысл в северной деревне, в которой значительную часть года составляет холодная зима. Это убежище, это святилище семейного очага, это воплощенная эстетика крестьянского быта и крестьянской культуры. Все эти характеристики, взятые в аспекте социально-психологического восприятия, складываются в социологическое понятие «феноменология сельского дома» (Покровский, Николаева, Демидова, 2019). И в этом смысле значение приобретает все — архитектура, дизайн, материал и характер интерьеров, планировка: все это в восприятии человека становится неразрывной частью жизненного мира, жизненного пространства, элементом своеобразного ментального континуума.

В исследовании для каждого дома отмечался также материал, из которого дом изготовлен (бревна, деревянный брус, кирпич, бетон), обшитый или не обшитый досочкой. Также отмечался материал крыши — асбестоцементный шифер, железо, современный пластиковый материал. Как известно, крыша, содержащая волокна асбеста, не рекомендуется сейчас по санитарным нормам. Однако этот кровельный материал преобладал в советские годы и сохраняется сейчас. Шиферная крыша может служить признаком архаичности дома и бедности хозяев.

Среди изученных нами 1167 домов, построенных по проектам хозяев (779 жилых и 242 нежилых), четырехстенных изб было 435 (43%), пятистенок — 103 (10%). Среди домов, построенных в советское время по государственным проектам, двухквартирных домов было 257, трехквартирных — 12, четырехквартирных — 5, двухэтажных — 29, сложной архитектуры — 5. 42 строения использовались для гражданских нужд (школы, церкви, конторы, клубы и т.п.).

Старых домов, построенных до 1917 года, уцелело около 7%. Все они сейчас нежилые или сохранились лишь развалины. Однако до 1990 года большая часть таких домов еще использовались.

В изученных нами деревнях чаще встречались дома-четырёхстенки или четырехстенки с прирубленным сзади дополнительным срубом. Как установил С. П. Толстов (1927), основа жилища Русского Севера — четырехстенная изба на высоком подклете. В плане дом — прямоугольный, 6 x 6 или 7 x 7 м.

Дома-пятистенки также часто встречаются в изученных деревнях. Пятистенки подробно описаны А. Б. Пермиловской (Пермиловская, 2005: 86-88). Дом-пятистенку, в плане 6 x 9 м, строили более зажиточные люди. Поперек дома, ближе к одной стороне (одна комната имеет ширину 6 м, другая 3 м) из бревен сделан «переруб». Пересечение поперечной стены и боковой стены представляет «замок» — выемки в бревнах, так что пятая стена служит еще и дополнительной стяжкой дома. Торцы поперечной стены выступают из стен дома. Дом-пятистенка легко различим, в том числе и на видео, снятых с квадрокоптера. Соответственно, большей ширине дома-пятистенки (9 м) мост и двор также шире.

Для строительства традиционного русского дома использовали ель или сосну, «рубил» из круглых бревен. Для постройки дома выбирались спелые деревья (80–120 лет), максимально продолговатые (диаметр в комле был 24–26 см, диаметр отреза вершины дерева был не менее 22 см). Между бревнами, чтобы закрыть щели, прокладывался слой мха (белый мох *Sphagnum*). В течение жизни дома и усыхания бревен хозяевам приходилось неоднократно повторно конопатить щели между бревнами.

Конструкция из бревен установлена на большие плоские камни (ледникового происхождения, в изобилии разбросанные по полям), удерживавшие углы дома. Фундамент отсутствует. Нижняя часть конструкции из бревен — так называемый «подклет» (Сыщиков, 2006:141) начинается от земли (пол отсутствует) и до высоты 1,5–2 м. Высота потолка жилой части составляет 2,2–2,5 м. Крыша всегда делается двускатной, обычно угол схождения сторон крыши — 45 градусов.

Подклет служит для хранения картофеля и других овощей. Дверцы для входа в подклет сделаны как снаружи дома, так и из жилой комнаты. Высота подклета достаточна, чтобы че-

ловек среднего роста мог стоять. Таким образом, большинство домов — полутораэтажные.

В центре дома на земле сооружена клетка из бревен, на которой (вровень с полом жилой части) поставлена русская печь, сделанная из обожжённых кирпичей. Этот традиционный отопительный прибор служит не только для обогрева помещения, но и для приготовления пищи, выпекания хлеба, запаривания корма для скота. Поверх печи располагается лежанка, где двое взрослых (чаще пожилых людей) и маленькие дети спят. Жилая часть дома разгорожена дощатыми перегородками и занавесками, создающими возможность интимной жизни.

Обычно дом «смотрит» окнами на улицу деревни. С задней стороны к дому примыкают «мост» и «двор», также сделанные из круглых бревен. Дом, мост и двор имеют свои крыши, стыки крыш защищены покрытиями, защищающими от дождя и снега. Мост имеет ширину дома и длину около 3 м и служит сенями (из моста вход в дом) и хранилищем инвентаря, обуви, бочек с квашеной капустой. С моста имеется выход на крыльцо. Поднявшись по крыльцу, человек попадает на мост, а уже оттуда одна дверь ведет в жилое помещение, а другая во двор.

«Двор» (в ширину имеет размеры такие же, как дом, но длина 7–10 м) строится вплотную к мосту далее от улицы по продольной оси — помещение под одной крышей с домом и мостом. Двор имеет многофункциональное хозяйственное значение. Верхняя часть двора (на том же уровне, что и жилая часть) служит для хранения сена. Там же имеется выгородка для уборной, имеющей естественный слив в скотный двор (туалет не отапливался). Пол двора сделан из бревен, что позволяет заезжать на лошади с повозкой для сена. В полу сделаны люки, через которые сбрасывают сено для скота. В нижней части двора, под сеновалом находятся выгородки для коровы, телят, свиней, коз и овец, домашней птицы (Шеников, 1992:28).

Как уже говорилось, избы-пятистенки — это дома архаичного типа. Соответственно, можно ожидать, что их обилие в деревнях будет коррелировать с другими подобными архитектурными особенностями. Однако нам удалось заметить невысокие корреляции с общим числом домов в деревнях ($R = -0,28$), т.е. такие дома чаще встречаются в маленьких деревнях. Отмечена отрицательная корреляция с площадью огородов ($R = -0,35$), что отражает, возможно, неспособность старых людей, населяющих дома-пятистенки, обрабатывать большой участок земли.

Избы-пятистенки строились преимущественно в советские годы. Это особенно заметно на примере деревень, которые еще не были основаны или были малочисленными в 1907 году (Ефимово, Карьково, Береговая, Угоры). Пятистенных изб меньше ($R = -0,28$) в больших деревнях, которые расстраивались в послевоенное время.

*Л. М. Баскин,
Н. Е. Покровский,
У. Г. Николаева*
Социология
по земле пешком
и с высоты полета
квадрокоптера...

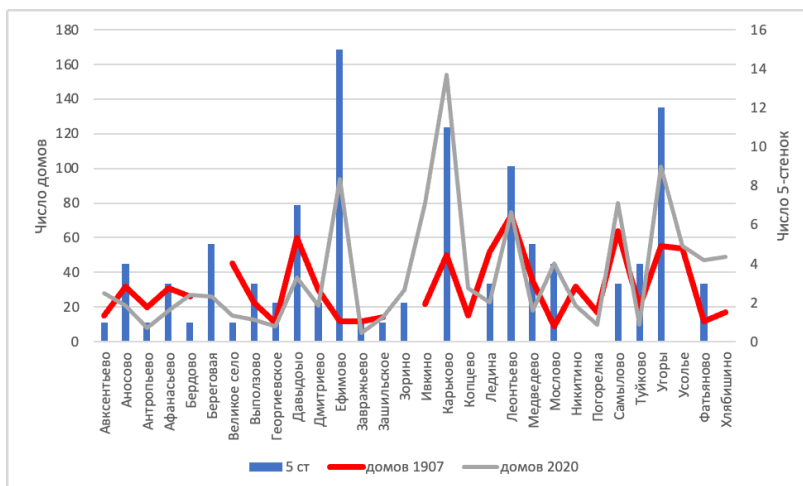

Рис. 11. Общее число домов и число домов-пятистенок в 2020 и в 1907 годах

Смена хозяйственного уклада и сельская изба

В последние десятилетия хозяйственный профиль сельских домов существенно изменился. Потребность иметь скот и корм для него под одной крышей (что важно в северных условиях) резко уменьшилась. Вместе с закрытием в постсоветское время большинства колхозов, которые оказывали разнообразную помощь домашним хозяйствам (сено, дрова, ветеринарная помощь и др.), быстро стало сокращаться и количество домашнего скота в домохозяйствах (Нефедова, 2013; Потенциал Ближнего Севера, 2014; Нефедова, Николаева, 2020).

К настоящему времени даже в больших деревнях крупного рогатого скота в собственности жителей почти не осталось. В 28 изученных деревнях держали всего лишь 43 коровы (в 5,5% жилых домохозяйств).

Ставший ненужным двор некоторые хозяева сегодня разбирают и на его месте строят застекленную веранду. Также популярно расширение крытого крыльца, превращение его в дополнительную пристройку к дому — «входную группу» (как говорят горожане). Некоторые дачники в этой пристроенной части делают дополнительно туалет.

Для мелкого скота (козы, свиньи) современные сельские жители предпочитают строить отдельный сарай, тогда как прежде для этих целей почти исключительно использовался хлев на нижнем этаже двора, составлявший инженерное единство с основным домом, что включало уход за скотом в единую пространственную систему жизнеобеспечения.

Используя видео с квадрокоптера, мы установили количество домов, где дома и двор остаются в одном строении (429), и число домов, двор которых заменен верандой или крытым крыльцом (189). Как видим, домов со старой архитектурой пока еще в 2,3 раза больше, чем домов, перестроенных в соответствии с новыми потребностями.

Сохранность архитектурного облика — это результат не только медленного экономического и культурного развития, но и высоких инженерных качеств деревянных домов и материала, из которого дома сделаны. В суровых климатических условиях дома строились с расчетом достаточной изоляции от холода, возможности хранить в течение долгой зимы сено и другой корм для скота, овощи и другие припасы для людей, содержать скот в том же домовом комплексе, обеспечив уход за ним, не выходя из помещения.

Современный архитектурный дизайн сельских построек (так называемый «коттеджный» стиль) хотя и встречается в исследуемом регионе, но носит крайне эпизодический характер и по преимуществу применяется горожанами. Это касается и использования строительных материалов — кирпича, пластикового сайдинга, садовых цементных плиток и т. д. В тех случаях, когда этот архитектурный стиль все же реализуется, он явно дисгармонирует с историческим архитектурным контекстом, а часто этот контекст и разрушает. Сохранение архитектурного единства и аутентичности сельских населенных пунктов — очень важная тема, которая требует отдельного разговора.

Одноквартирные, двухквартирные и многоквартирные колхозные дома

Начиная с 1974 года, когда в СССР правительство приняло решение о развитии Нечерноземной полосы (Постановление ..., 1974), колхозы получили деньги на строительство новых домов. В деревнях возникли два типа новых домов: 1) щитовой дом, собранный из стандартных заводских деталей, и 2) двух-, трех- и четырехквартирные дома. Среди изученных нами 1167 домов и 9 щитовых. Для северного климата щитовые дома оказались малоприспособленными, и этот продукт заводского домостроения не получил дальнейшего распространения.

Одноквартирные рубленые дома во множестве строились еще в 1950–1960-е годы, колхозы способствовали индивидуальному строительству. Колхоз имел право в принадлежащем ему лесу решать заготовку строевого леса. За небольшую плату предоставляли право взять на сколько-то часов или дней лошадь, чтобы трелевать хлыстами заготовленный лес на место строительства дома.

На сегодня это наиболее архаичный тип домов данной категории. Для них характерно, что дворы построены вплотную к торцу

дома ($R = 0,54$), крыша в большинстве случаев из асбоцементного шифера ($R = 0,51$), сейчас запрещенного к использованию, при многоквартирных домах чаще наблюдаются отдельно построенные бани ($R = 0,30$).

В 1960-е годы развивалось и заводское домостроение. Их продукция (щитовые дома) редко (всего 5) встречается в деревнях, эти дома оказались малоприспособлены к северному климату и крестьянскому быту.

Двухквартирные дома строились колхозами для своих работников в 1970–1980-е годы. Преимущественно они строились в более крупных деревнях, чаще в тех, где находились конторы колхозов, а также фермы, школа, медицинский пункт и т.п. Число домов в деревнях коррелирует с числом двухквартирных домов ($R = 0,62$).

Двухквартирные дома имеют размеры в среднем 10×15 м, со стороны входа под отдельной крышей пристроены «сени» — помещение из досок. Туалет (по-прежнему холодный) теперь строился как часть сени, в отличие от традиционных изб, в которых туалет являлся частью скотного двора и был выгородкой на сеновале.

В двухквартирных домах не предусматривалось совмещение с «двором» для содержания скота и хранения сена, на месте традиционного «двора» проектом была предусмотрена веранда (рис. 9). Переселение в новые щитовые дома, у которых не было «двора», заставило сельчан строить отдельные здания для содержания скота или пристраивать помещение, подобное «двору», к главному зданию. Также отдельно строился сеновал.

Рис. 12. Типичная усадьба с двухквартирным домом, построенным в 1960-х годах. Дом снабжен верандами (для каждой из двух семей), но нет «двора»

Часть жителей пристраивали «двор» к дому, но чаще строили его отдельно от дома ($R = 0,72$). В целом отсутствие традиционного «двора» вынуждает жителей строить на своем участке больше хозяйственных построек ($R = 0,44$).

В двухквартирных домах сейчас живут семьи, которые работали в колхозе в 1970–1980-х. Это наиболее активная сейчас часть населения. Многие установили электроотопление в домах, теплые туалеты и ванны, но черты быта 1960–1980-х еще хорошо просматриваются. У двухквартирных домов мы замечаем большие по размеру огороды ($R = 0,54$) и картофельники ($R = 0,51$).

Новостройки и черты современного быта

Новостроек было замечено немного, всего 28 из 1167 осмотренных домов. Поэтому и судить о том, в каких деревнях люди строятся, очевидно, рассчитывая жить здесь по крайней мере самим и, может быть, детям, приходится с осторожностью.

Новостройки чаще встречаются в больших деревнях ($R = 0,52$), ближе к г. Мантурово ($R = -0,24$). Примерно такие же корреляции характеризуют строительство в деревнях, где меньше развалин ($R = -0,23$). Число новостроек в деревнях коррелирует с числом домов с железной крышей (0,57 железно), с числом двухэтажных домов (0,7). Заметно больше новостроек лишь в двух деревнях: Ефимово (ближайший пригород Мантурово) и особенно в Дмитриево, замечательном своим расположением — над рекой, над обрывом.

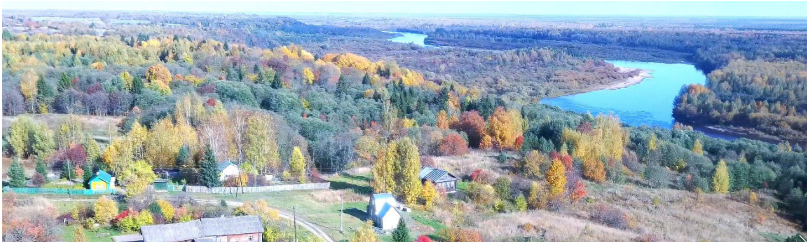

Рис. 13. Из деревни Дмитриево открывается прекрасный вид, что привлекает дачников, построивших здесь дачи

Сельские дома в новых условиях: деревянная вагонка против сайдинга

Многие традиционные дома ради утепления снаружи обшиты деревянной досочкой, или вагонкой. Обшитые дома дольше «живут», процедура обеспечивает утепление. Таких обшитых домов мы насчитали 275 из 435 одноквартирных (четырёхстенных) и 79 из 101 пятистенных.

Отмечена отрицательная корреляция числа обшитых домов и числа разрушенных домов в деревнях ($R = -0,36$). Число обшитых домов коррелирует с шиферной крышей ($R = 0,31$), с числом домов, имеющих пристроенный к жилому дому «двор» ($R = 0,24$), с числом бань ($R = 0,62$), общим числом хозяйственных построек ($R = 0,53$). Все это признаки архаичной архитектуры. Найдена высокая положительная корреляция с площадью картофельников ($R = 0,58$). Жители больших старых домов сохраняют потребность в выращивании картофеля.

Дома из бруса почти все строились колхозами или государством, обшивка дощечкой была обязательным элементом проекта. Обшивка бревенчатого дома — достаточно дорогое удовольствие.

Не у всех хозяев нашлись деньги, чтобы утеплить дом таким образом, и потому стены многих изб остаются не обшитыми вовсе. Присутствуют в поселениях и обновленные дома, обшитые пластиковым сайдингом, что считается верхом сельского шика. При этом, однако, владельцами усадеб игнорируется тот факт, что пластиковый сайдинг, как бельмо в глазу, начисто уничтожает эстетическое единство деревенского поселения. Снижение вентилируемости бревен под сайдингом приводит к появлению грибка и гниению дома. Это свидетельствует, помимо прочего, и о том, что и во внешних формах вторжения «городского» стандарта в «сельскость» заключен определенный конфликт.

К числу «вторжений» относятся и сплошные заборы из профнастила, придомовые дорожки из плитки и железные фонарики. Всего этого не так много, но его год от года становится все больше. Эта, казалось бы, мелочь на фоне больших процессов переноса городского во внегородское тем не менее характерный индикатор внутренней противоречивости и конфликтности возникновения нового симбиоза города и деревни.

Сельские усадьбы: сараи, гаражи, бани, огороды, картофельники

Помимо жилого дома на территории усадеб отмечались баня, гараж, подсобные помещения — сарай для скота (если пристроенный к дому двор отсутствует), летняя кухня, дровяник (место хранения дров под крышей), пруд. Подсчитывалось число пчелиных ульев. Также отмечалось количество возле каждого дома легковых, грузовых, специальных автомашин (автобус и т.п.) и тракторов.

В целом чем дальше деревня находится от г. Мантурово, тем больше на усадьбе отмечается хозяйственных построек ($R = -0,30$). Обшитые дома ($R = 0,53$) и под шиферной крышей ($R = 0,33$), количество бань ($R = 0,66$) коррелирует с общим числом хозяйственных построек. Положительная корреляция отмечена для площади огородов ($R = 0,39$) и картофельных полей ($R = 0,66$).

Огороды имеются практически на всех усадьбах. Даже жители-инвалиды (в том числе очень старые люди) стараются возделывать

хотя бы немного земли. Сажают овощи и цветы. Здесь же культивируют фруктовые деревья (яблони, вишни).

Важную роль в жизни поселян играют картофельные поля. Они расположены рядом с усадьбами, но достаточно изолированы, чтобы на поле мог заехать трактор (с его помощью вспахивают картофельное поле, окучивают и выкапывают урожай). Вручную проводится сбор колорадского жука, подбор корнеплодов, после того как трактор выкопал урожай, сушка. Вручную или на тележке переносят мешки с картофелем в гобец.

Использование трактора затруднено в небольших, особенно удаленных деревнях, где нет соседей — владельцев трактора и необходимых орудий. В этих условиях люди вынуждены ограничиваться несколькими грядками картофеля, которые обрабатывают вручную.

Как это принято у жителей сельской России, мы оцениваем площадь огородов и картофельников в «сотках», т.е. в сотнях квадратных метров.

Средняя площадь огородов в изученных деревнях была 2,6 сотки (от 1 до 10 соток). Огороды были замечены на 511 усадьбах (из 779 жилых усадеб). Картофельных полей было отмечено значительно меньше — 425. Как видим, пятая часть жителей довольствуется выращиванием картофеля на огородах, отдельно картофельных полей не создает. Средняя площадь картофельников — 7,3 сотки (от 1 до 120). Площадь более 20 соток (22–120 соток) имели 11 картофельников. Как видим, лишь малая доля жителей (2,6%) выращивает картофель на продажу.

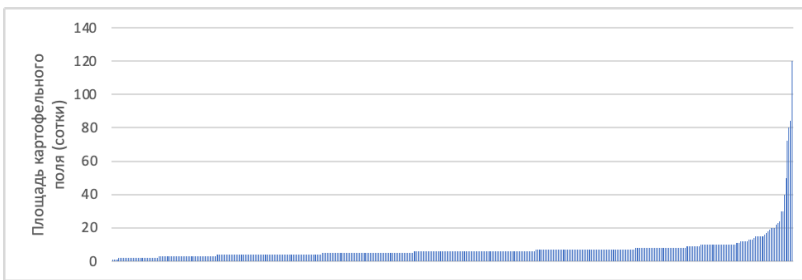

Рис. 14. Площади картофельных полей

Выращиванием овощей больше занимаются в больших деревнях ($R = 0,44$ огороды и $R = 0,52$ картофельники), где есть трактора и необходимые орудия обработки посевов, больше трудоспособного населения (огороды также используют для выращивания фруктовых деревьев и кустарников).

Одинокие «бабушки» не в силах разводить большие огороды и картофельники. Выращиванием картофеля занимаются жители деревень, приближенных к г. Мантурово ($R = 0,36$), но больших размеров огороды имеются, наоборот, дальше от города ($R =$

*Л. М. Баскин,
Н. Е. Покровский,
У. Г. Николаева*
Социология
по земле пешком
и с высоты полета
квадроконтера...

0,51). Огороды и картофельники больше у двухквартирных домов ($R = 0,54$ и $0,51$ соответственно). Как уже отмечалось, в этих домах больше работоспособных людей.

О различиях сельхозактивности более архаичного и более продвинутого населения говорят и следующие цифры. Размер огородов меньше у домов, сохраняющих пристроенные дворы ($R = -0,3$), а картофельники больше на усадьбах с гаражами ($R = 0,49$). Огороды и картофельники больше у домов без пристроенных дворов ($R = 0,54$ и $0,31$ соответственно), картофельники больше на усадьбах с банями ($R = 0,49$), огороды больше там, где есть гаражи ($R = 0,38$).

Бани. Обычным элементом русской деревенской усадьбы (даже в наше время, когда во многих домах уже есть горячая вода и душ) остается баня. Из 779 жилых усадеб 560 (72%) имеют отдельно стоящие домики-бани. Это домики из бревен (или деревянного бруса) размером от 2,2 x 2,2 м до 5 x 5 м. Размер бань и их устройство отражают материальные возможности хозяина и его личные предпочтения.

Наиболее традиционный тип бань — «по-черному», но таких теперь осталось немного. В центре бани по-черному сложены камни, поддерживающие котел с водой над костром. Дым из бани выходит через отверстие в потолке, закрываемое крышкой. Стены и потолок бани покрыты копотью. Зато в бане по-черному ценится свежий «дух», нет сырости, пар от раскаленных камней, когда на них льют воду, бывает «сухим». В бане по-черному очень жарко, но сухо.

Протопив баню по-черному, ее проветривают от дыма. Рядом с баней по-черному устраивают водоем, в который разгоряченные люди, выбежав из бани нагими, ныряют. Зимой во льду водоема устраивают прорубь. По возможности, бани устраивают на берегах озер и рек.

Другой тип бани — «по-белому». В бане имеется печь, в которой устроена полость, наполненная камнями. Когда баня топится, камни разогреваются, на них льют горячую воду, наслаждаются пребыванием в жаркой среде. В такой бане воздух более влажен, но сиденья и лежаки не испачканы сажей.

Париться в бане (находиться в помещении, наполненном паром) — национальная забава русских людей. Кроме того, пребывание в бане используется для интимных занятий. В обиходе костромских крестьян, кстати, не принято стучаться прежде, чем войти в дом. Такое поведение горожан крестьяне Севера считают странным, объясняя, что, если хозяева не спят, они бывают одетыми и, конечно, не занимаются сексом. Для этого, как говорят, используется баня.

Легковые машины у дома и гаражи

В 1970-х годах в изученных нами деревнях практически не было автомобилей, принадлежавших жителям. Но в настоящее время из 779 жилых домов у 177 были замечены легковые автомобили.

Сколько-то легковых автомобилей, вероятно, были в разъездах, и минимум из обнаруженных автомобилей принадлежали дачникам (видеосъемка велась во второй половине сентября — октябре, когда большая часть дачников уже уехала).

Рассчитывая корреляцию, мы предварительно нормировали данные — вычисляли среднее число легковых машин на один жилой дом в деревне. В среднем у одного жилого дома в изученных деревнях было замечено 0,23 машины, грубо говоря, одна машина на 5 жилых домов. Но в самой дальней от Мантурово деревне Хлябишино этот показатель был 0,45, т.е. почти в каждом втором доме была легковая машина. Впрочем, в соседней деревне Зашильское, где остаются жилыми лишь семь домов, имелась только одна машина. Корреляции среднего числа машин на один жилой дом с расстоянием от Мантурово не было отмечено. Однако такая корреляция ($R = -0,34$) имелась, если оценивать общее число машин в деревнях, расположенных на разном расстоянии от Мантурово. С приближением к городу машин было больше. Ближе к городу деревни больше, и в них больше машин.

В 287 усадьбах жилых домов (из 779) были отмечены гаражи, легко отличимые на видеокдрах, поскольку располагаются у дороги и связаны с проезжей частью, проезд заботливо выложен досками, помогающими проехать над дорожным кюветом.

По очевидным причинам легковые машины чаще всего отмечались на усадьбах, где имелись гаражи ($R = 0,73$). Однако в деревнях, где большее число домов арендовалось дачниками, было замечено меньше легковых машин ($R = -0,44$) и меньше гаражей ($R = -0,37$), хотя большинство дачников приезжает на автомобилях. Судя по всему, дачники используют дома преимущественно в летнее время, когда нет необходимости в укрытии для машин, да и ремонт автомобиля при поломках горожане предпочитают осуществлять не собственноручно, а в специализированных автосервисах.

Отмечена негативная корреляция числа легковых машин с числом нежилых домов ($R = -0,36$). Возможно, дачники предпочитают более «живые» деревни или в таких деревнях дачники легче находят съемное жилье.

Гаражей было больше в деревнях, где у домов не было пристроенных «дворов» (более современные дома) ($R = 0,61$).

Отопление сельских изб: печь и дрова, электронагреватели, пеллетные котлы

Большинство сельских домов обогревается по старинке дровами. Традиционно зимой топятся две (иногда три) печи — русская (большая), а также дополнительная «голландская» (малая), находящаяся в другом конце избы. Суровые зимы на Ближнем Севе-

ре требуют постоянного поддержания тепла в доме, одной русской печи оказывается недостаточно.

Подтверждают сохранение традиционной модели отопления дровяники, которые располагаются на территории усадьбы рядом с домом или недалеко от дома. Уже летом они начинают наполняться дровами, предназначенными для отопления зимой.

Дачники, купившие деревенский дом для летнего использования, нередко демонтируют маленькую «голландку», чтобы расширить свободное пространство в избе. Это может осложнить переход на круглогодичное использование дома и поддержание тепла зимой, если в этом возникнет потребность.

Некоторые горожане-дачники, а также некоторые продвинутые местные жители дополнительно используют зимой электрические батареи. В последние три-четыре года стали распространяться пеллетные котлы, в которых специальные прессованные стружечные пеллеты или брикеты подаются полуавтоматически, что существенно экономит время. Переход с обычных дровяных или угольных печей на пеллетные котлы сегодня активно происходит в системе отопления муниципальных зданий (в малых городах, в муниципальных учреждениях в селах). В деревнях в персональном использовании пеллетные котлы мы обнаружили в единичных случаях в семьях (с детьми) у сравнительно зажиточных горожан-москвичей, недавно перешедших к модели круглогодичного проживания в сельской местности с сохранением дистанционной занятости в городе.

Дачники

В условиях демографического кризиса костромской сельской периферии, ускоренной депопуляции и старения сельского населения резко возрастает роль дачников в поддержании относительной устойчивости сельских сообществ Ближнего Севера России (Денисенко, Николаева, 2015; Нефедова, Савчук, 2014; Потенциал Ближнего Севера, 2014; Горожане в деревне, 2016; Староосвоенные районы в пространстве России, 2021).

Из 779 жилых домов, изученных нами, 77 использовались дачниками, т.е. 9,9%. Хозяева-дачники сохраняли деревенские дома, но мало кто из них проводил дорогостоящую реконструкцию дома. 47 из 77 домов, используемых как дачи, имели двор, пристроенный к дому. Однако 7 дачников построили новые дома (из 28 новостроек, отмеченных в изученных деревнях). Интересно, что 5 из этих новостроек находятся в деревне Дмитриево, имеющей наилучший обзор с высокого берега реки (рис. 15). Однако новостройки по архитектурному облику в большинстве случаев резко контрастировали с исторической деревенской застройкой, и это разрушило историко-архитектурное единство поселения.

*Л. М. Баскин,
Н. Е. Покровский,
У. Г. Николаева*
Социология
по земле пешком
и с высоты полета
квадрокоптера...

Рис. 15. Новостройки в деревне Дмитриево. Домики дачников
Число дач соответствует числу домов в деревне ($R = 0,34$). Дачники редко могли
снять квартиру в двухквартирных домах ($R = -0,23$). Из 254 изученных двухквар-
тирных домов (508 квартир) лишь две квартиры использовались как дачи.

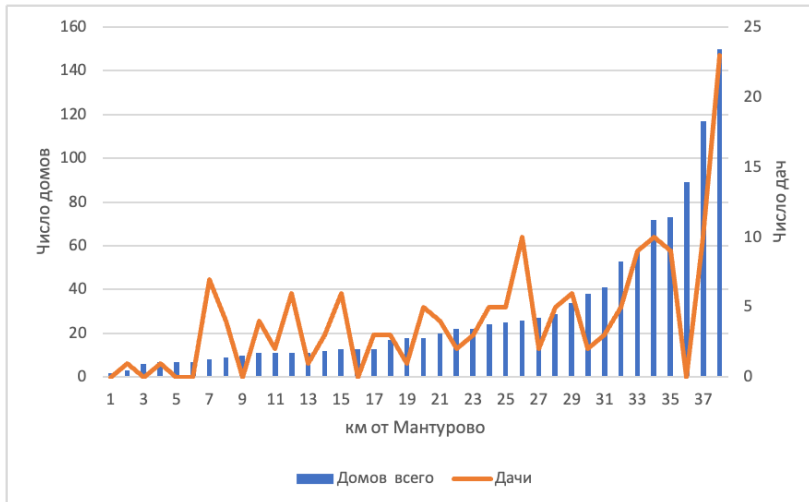

Рис. 16. Число домов и дач в деревнях

Дачникам было легче купить дома архаичной постройки, часто уже обезлюдевшие. Престарелые хозяева, если и живы, предпочли перебраться к детям. Из 98 домов-пятистенков 17 были куплены дачниками ($R = 0,27$). Архаичные дома с пристроенным двором охотно приобретались дачниками ($R = 0,40$), но лишь два более современных дома без пристроенного двора были приобретены дачниками, это уже упомянутые квартиры в двухквартирном доме.

Дачники чаще приобретали усадьбы более бедных поселян, не имевших гаражей ($R = -0,37$). На усадьбах, купленных дачниками домов, нередко сохраняются бани ($R = 0,23$).

Также снятые дачниками дома имели меньшие огороды ($R = -0,22$). У домов, принадлежащих дачниками, редко наблюдаются легковые машины. Съёмка проводилась осенью, когда большинство дачников уже уехало.

Отмечена корреляция числа дачников в деревнях с числом нежилых домов ($R = 0,43$).

В целом исследователями давно была отмечена тенденция к росту количества дач по мере удаления от центрального города того или иного периферийного района (Между домом и... домом, 2016). Однако в нашем исследовании не обнаружено значимой корреляции числа дач с расстоянием от г. Мантурово ($R = -0,11$).

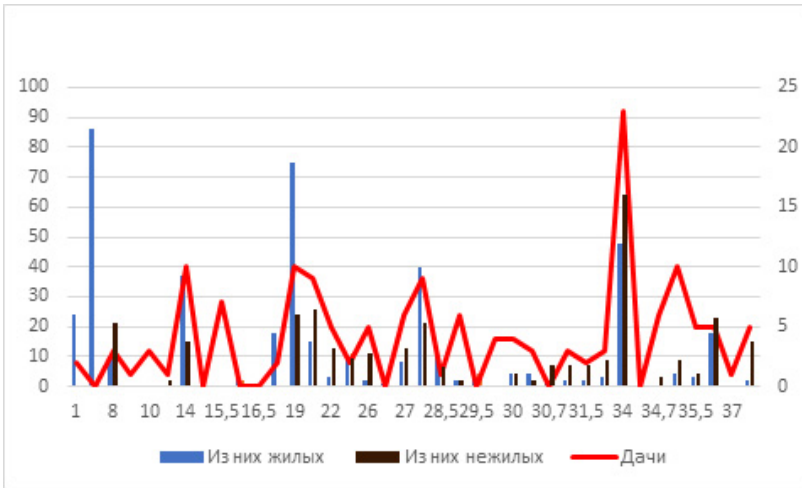

Рис. 17. Жилые и нежилые дома и дачи в 41 изученной деревне в 2019 году

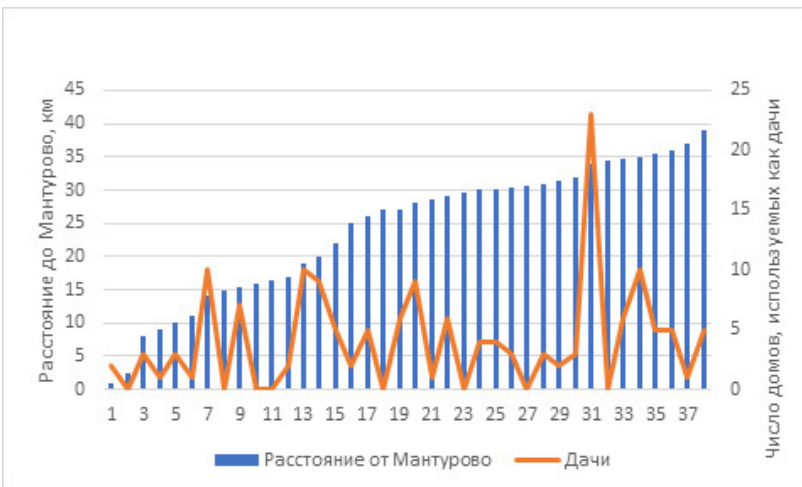

Рис. 18. Число дач в деревнях на разном расстоянии от Мантурово

Социальные портреты сельских семей: взгляд с высоты квадрокоптера

Мы заметили деление поселян на группы: более «архаичную» и более «модернизированную». Для «архаичной» группы с более традиционным укладом жизни характерно большее число построек, большие картофельные поля, надворные бани. Более «модернизи-

рованные» семьи имеют на усадьбе гаражи, большие огороды, у домов нет пристроенных «дворов».

Мы отобрали жилые дома, имеющие крышу из шифера, как наиболее многочисленный на сегодня вид жилищ. Тем самым были исключены более состоятельные хозяева, покрывшие дом оцинкованным железом, алюминием или современным пластическим материалом. Также были исключены дома, покрытые рубероидом, что свойственно совсем уж бедным людям, как правило, одиноким пенсионерам.

Жилых домов с шиферной крышей оказалось 585. Были найдены две группы характеристик домов и усадеб, которые характеризовали, как мы предполагаем, более архаичные домовладения. Эти две группы корреляций противоположны по знаку.

Связаны положительно гаражи, огороды, двор отдельно. Кто имеет гараж, тот сажает большой огород и у него дом и двор врозь — или двор заменили верандой за ненадобностью, или это колхозный дом (двухквартирный или подобный), в проект которого двор не входил.

Другая группа коррелирующих признаков: количество хозяйственных построек, площадь картофельников и бани. Также площадь картофельников хорошо коррелирует с общим количеством домов в деревне. Важно заметить, что взято среднее количество площадей картофельников, т.е. это не очевидная корреляция (чем больше домов, тем больше картофельные поля), а именно — чем больше домов, тем средняя площадь картофельников на один дом больше ($R = 0,54$).

Отмечены две группы характеристик, которые хорошо связаны друг с другом внутри группы и имеют отрицательные корреляции между группами. 1. Гаражи, огороды, двор врозь. 2. Количество построек, картофельник, бани. На усадьбах с двухквартирным домом обычно больше хозяйственных построек. Жители получили колхозные квартиры в 1980-е, сейчас они еще способны обрабатывать большие огороды (в среднем 2,4 сотки, R с общим числом домов в деревне = 0,44) и возделывать обширные картофельные поля (в среднем 14,4 сотки, R с общим числом домов в деревне = 0,52). В больших деревнях чаще встречаются новостройки ($R = 0,42$).

Небогатая семья

Дальше от Мантурово больше домов, у которых двор пристроен к дому, нет машины и гаража, большой огород, но меньше картофеля, обязательно баня. Этой семье дорога земля вокруг дома («Родина»), она ее обрабатывает, засаживает, хотя бы цветами. А картофеля сажают лишь пару грядок, чтобы прокормиться зимой. Нет возможности нанять тракториста или владельца мини-трактора, чтобы вспахать землю, посадить картофель сажалкой, окупить, выкопать, подвезти к месту хранения (к подклету).

Эта семья живет в многоквартирном доме или доме с верандой (двор для скота построен отдельно). На усадьбе чаще нет бани, меньше хозпостроек. Легковые машины у дома могут принадлежать гостям. У домов, крытых шифером (менее богатая семья), часто есть гараж, но не замечена легковая автомашина. Свои машины бывают спрятаны в гараж, если не каждый день ездят. Поэтому корреляция числа гаражей и легковых машин у домов под шиферной крышей всего 0,752. Семья возделывает большой огород. Но не замечено большего интереса к возделыванию картофеля. Частота таких хозяйств в деревнях не связана с расстоянием от г. Мантурово.

*Л. М. Баскин,
Н. Е. Покровский,
У. Г. Николаева*
Социология
по земле пешком
и с высоты полета
квадрокоптера...

Большие и маленькие деревни

Большие деревни, как мы видим, преимущественно остаются таковыми на протяжении всей 350-летней истории русского освоения этого края.

Статус «большой деревни» во многом определен деятельностью выдающихся жителей прошлого, чаще из среднего звена социальной структуры: мелкие помещики, управляющие имениями; инициаторы развития относительно крупного бизнеса: паромоводство, торговля, скупка соседних землевладений.

Советское и колхозное строительство ориентировалось преимущественно на большие деревни — там создавались центры управления (конторы колхозов, сельсоветы), социальное обслуживание (клуб, почта, магазин).

В больших деревнях больше двухквартирных домов, а в маленьких в основном одноквартирные и пятистенки. Во время застройки ки двухквартирными домами маленькие деревни не развивались.

Выводы: уход сельской архаики и дезурбанизационная перспектива сельской глубинки

Исследование костромских деревень в среднем течении реки Унжи с использованием квадрокоптеров, подворных обходов, социологических наблюдений и анализом статистических данных в целом подтвердило гипотезу о переходном состоянии сельских сообществ, которые с точки зрения образа жизни, хозяйственных практик и поселенческого состава, включающего постоянных сельских жителей, полупостоянных городских переселенцев и дачников, наконец, полупостоянных сельских отходников, — превращаются в гибридные сельско-городские поселения.

Процесс хозяйственного сжатия освоенного пространства и депопуляция, охватившие регион, постепенно, хотя и сравнительно

медленно, начинает замещаться центробежными миграционными трендами в основном за счет городских дачников. В немалом количестве деревень, особенно «малых», численность дачников (в основном сезонных) в несколько раз превышает численность коренного населения. В каких-то случаях традиционные деревни превращаются в миграционные анклавы горожан, что, как правило, связано с приближенностью локаций к крупным водоемам и ландшафтной привлекательностью местности. Не впадая в гиперболизацию, можно с оговорками утверждать, что рекреационная миграция начинает доминировать в потоке центробежной миграции в целом, хотя пандемия COVID-19 внесла свои коррективы, добавив к рекреации дополнительный мотив «бегства» от пандемии и жестких ограничительных мер локдаунов (Покровский, Макшанчикова, Никишин, 2020; Nikolaeva, Rusanov, 2020). При этом баланс в дачных усадьбах между чистой рекреацией и хозяйственным использованием для производства продуктов питания довольно гибкий, и может изменяться в ту или другую сторону в зависимости от психологического настроения, образа жизни, инвестиционного потенциала, меняющихся доходов семьи и др. (Nefedova, Nikolaeva, 2019).

При этом важно иметь в виду, что дачники, купив сельский дом, становятся владельцами строений и приусадебных участков земли, что влечет за собой целый комплекс ответственностей (налоги, ремонт домов, охрана собственности, благоустройство, приусадебное земледелие и пр.). А это, в свою очередь, ставит вопрос о развитии инфраструктуры, соответствующей новой поселенческой реальности. Возникают более устойчивые и продуктивные связи переселенцев и местных жителей, новые формы деловой кооперации. Можно сказать, «процесс пошел». Намечаются контуры возможного будущего сельских территорий в локациях, соответствующих запросам времени.

Дезурбанизация, в том числе рекреационная и кризисная пандемическая, стимулирует покупку деревенских домов горожанами, поддержание инфраструктуры сельских поселений, создание неформальных рабочих мест для местных жителей.

В последние годы в изучаемом кластере участились случаи более тесного сотрудничества коренных сельских жителей и горожан, переезжающих в деревни на постоянное или преимущественное проживание (правда, в основном без регистрации, что существенно затрудняет их статистический учет). В результате сотрудничества и кооперации горожан и сельских жителей в последние годы стали возникать совместные фермерские хозяйства (племенное овцеводческое хозяйство в деревнях Угоры и Давыдово). Развиваются проекты возрождения культурно-исторических объектов и памятников (на базе выкупленной москвичами здания бывшей Угорской средней школы), создания образовательных программ (орнитологические циклы для школьников на базе биостанции в деревне Халбуж).

В целом центробежная миграция горожан в сельскую местность оказывает положительное влияние на локальные сельские

сообщества. Горожане приносят с собой инвестиции, более высокие стандарты быта, интеллектуальный и иной человеческий капитал, новые идеи и подходы к трансформации жизни, более развитые коммуникационные стратегии. Однако важным фактором, притягивающим горожан именно в сельскую местность, а не в коттеджные субурбии, оказывается, помимо экологии и красивых природных ландшафтов, именно сохранение атмосферы села, исторических деревенских изб, отдельных сторон традиционного сельского быта и культуры. Симбиоз сельского и городского образа жизни, традиционной сельской и городской культуры, бытовых и хозяйственных практик — оказывается наиболее значимым с социологической точки зрения результатом длительных социальных мегапроцессов дезурбанизации современного общества.

Библиография

- Горожане в деревне (2016). Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества / Под ред. В. И. Ильина, Н. Е. Покровского. М.: Университетская книга.
- Васильев Ф. В. (1985). Материальная культура крестьян нижегородского Заволжья во второй половине XIX — начале XX в. (хозяйство, поселения, усадьба). Автореферат канд. дисс.
- Денисенко М. Б., Николаева У. Г. (2015). Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России (на материале Костромской области) // Социологические исследования. № 12. С. 70–81.
- Ильин В. И. (2017). Русская изба в процессе трансформации от сельского жилища к даче // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Вып. 4. С. 454–468.
- Между домом и... домом (2016). Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф.
- Нефедова Т. Г. (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS.
- Нефедова Т. Г. (2009). Костромская периферия в фокусе проблем периферийных районов России // http://ugory.ru/eksped/Nefedova_2009_1.pdf.
- Нефедова Т. Г. (2021). Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // Крестьяноведение. Т. 6. № 1. С. 126–154.
- Ойкумена Ближнего Севера России (2015) / Под ред. Покровского Н. Е., Нефедовой Т. Г. М.: Университетская книга.
- Пермиловская А. Б. (2000). Северный дом. Петрозаводск: Петропресс.
- Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г. (ред.) (2014). Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта. М.: Логос.
- Покровский Н. Е., Макшанчикова А. Ю., Никишин Е. А. (2020). Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. № 12. С. 54–64.
- Покровский Н. Е., Николаева У. Г., Демидова Ю. А. (2019). Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера: дом и domestikация // Социологические исследования. № 12. С. 71–80.
- Список населенных мест Костромской губернии (по сведениям 1907 г.) (1908). Т. 1. XVII. Тип. Т. П. Андрониковой.

- Староосвоенные районы в пространстве России (2021): история и современность / Сост. и научн. ред. Т. Г. Нефедова, ред. А. В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Сыщиков А. Д. (2006). Лексика крестьянского деревянного строительства. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Торопов С. Н. (2013). Мантурово: страницы истории. Кострома: ДиАр.
- Толстов С. П. (1927). Русские крестьянские постройки: (Критический обзор новейшей литературы) // Этнография. № 1–2.
- Трейвиш А. И. (2021). Староосвоенность как феномен пространственного развития // Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / Т. Г. Нефедова (ред.). М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 12–18.
- Центральный комитет КПСС и Совет Министров СССР (1974). Постановление от 20 марта 1974 года № 206. О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР.
- Шенников А. А. (1992). Длинный дом и крытый двор. Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX — начала XX в. СПб.: [б. и.]. С. 189–218.
- Списокъ Населенныхъ мѣстъ Костромской губернии (1908) (По свѣдѣніямъ 1907 года). Издание Костромского Губернскаго Земства. Кострома. <http://kostromka.ru/kostroma/county/kgb1.pdf>
- Berry B. J. L. (1976). The counterurbanisation process: urban America since 1970 // In Urbanisation and Counterurbanisation // Urban Affairs Annual Review. № 11.
- Kontuly T., Wiard S., Vogelsang R. (1986). Counterurbanization in the Federal Republic of Germany // The Professional Geographer. № 38. Vol. 2.
- Mitchell C. (2004). Making sense of counterurbanization // Journal of rural studies. № 5.
- Nefedova T. G., Nikolaeva U. G. (2019). Modern personal subsidiary plots of villagers and townspeople: historical dynamics, functions, spatial differences // Population and Economics. Vol. 3. № 1. P. 91–106.
- Nefedova T. G., Pokrovsky N. E. (2018). Terra Incognita of the Russian Near North: Counter-Urbanization in Today's Russia and the Formation of Dacha Communities // European Countryside. Vol. 10. № 4. P. 673–692.

Sociology on foot and from quadcopter. Rural households and village life in the Near North of Russia (on the example of the Kostroma Region)

Leonid M. Baskin, DSc (Biology), Leading Researcher, Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences. Leninsky Prosp., 33, Moscow, 119071, Russia. E-mail: baskinlm@mail.ru.

Nikita E. Pokrovsky, DSc (Sociology), Professor, Chair of General Sociology, National Research University Higher School of Economics; Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101100, Russia. E-mail: npokrovsky@hse.ru.

Uliana G. Nikolaeva, DSc (Economics), Leading Researcher, National Research University Higher School of Economics; Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101100, Russia. E-mail: ynikolaeva@list.ru.

Abstract. Rural settlements in the Russian Near North face multidirectional effects, being at the crossroads of natural and environmental zones, economic and household patterns, and modernization challenges. In the market conditions, the relatively low fertility of non-black-earth soils and harsh winters make agricultural production marginal-

ly competitive. The steady centripetal migration of rural residents to cities, population outflow, relatively low life expectancy of the working-age population, accelerated demographic aging and, thus, the centrifugal influx of dacha residents from big cities and gradual transformation of lifestyle — these are the main thematic nodes of the study. The authors analyze macro- and micro-trends in rural life through the settlement patterns, material culture, living conditions and economic practices based on the study of the out-of-town settlement locus along the Unzha River between Manturovo and Makariyev (Kostroma Region). The traditional methods — observation, survey and analysis of statistical data — were supplemented by the quadcopter footage of the villages. The authors paid special attention to the architectural and planning typology of houses and to the functional structure of rural estates, which objectively reflect the history of villages and rural lifestyle and the contemporary social-cultural evolution of ‘small territories’ under the social transformation of the Near North.

Keywords: Russian Near North, Kostroma Region, rural settlements, depopulation, deurbanization, rural lifestyle, household practices, rural households, architecture of rural households, quadcopter survey

References

- Gorozhane v derevne (2016) *Sotsiologicheskie issledovaniya v rossijskoj glubinke: dezurbanizatsiya i selsko-gorodskie soobshchestva* [Townsmen in the Village. Sociological Studies in the Russian Hinterland: Deurbanization and Rural-Urban Communities] V. I. Ilyin, N. E. Pokrovsky (Eds.), Moscow: University book.
- Vasiliev F. V. (1985) *Materialnaya kultura krestyan nizhegorodskogo Zavolzhya vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. (khozyajstvo, poseleniya, usadba)* [Peasant Material Culture in the Nizhny Novgorod Volga Region in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries (Economy, Settlements, Homestead)]. PhD Thesis.
- Denisenko M. B., Nikolaeva U. G. (2015) *Chto proiskhodit s selskim naseleniem na Blizhnem Severe Rossii (na materiale Kostromskoj oblasti)* [What is happening to the rural population in the Near North of Russia (on the example of the Kostroma Region)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 12.
- Ilyin V. I. (2017) *Russkaya izba v protsesse transformatsii ot selskogo zhilishcha k dache* [Russian hut in the transformation from rural house to dacha]. *Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology*, no 4.
- Mezhdum domom i... domom (2016) *Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. Return Spatial Mobility of the Population in Russia]. T. G. Nefedova, K. V. Averkieva, A. G. Terry (Eds.). Moscow: New chronograph.
- Nefedova T. G. (2013) *Desyat aktualnykh voprosov o selskoj Rossii. Otvetny geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia. A Geographer's Answers], Moscow: URSS.
- Nefedova T. G. (2009) *Kostromskaya periferiya v fokuse problem periferijnykh rajonov Rossii* [Kostroma periphery through the problems of Russia's peripheral regions] URL: http://ugory.ru/eksped/Nefedova_2009_1.pdf.
- Nefedova T. G. (2021) *Polyarizatsiya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva i perspektivy selskoj mestnosti v staroosvoennykh regionah Tsentra Rossii* [Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 1.
- Otkumena Blizhnego Severa Rossii* (2015) [Ecumene of Russia's Near North]. N. E. Pokrovsky, T. G. Nefedova (Eds.), Moscow: University Book.
- Permilovskaya A. B. (2000) *Severny dom* [North House], Petrozavodsk: Petropress.

- Pokrovsky N. E., Nefedova T. G. (Eds.) (2014) *Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, selskie poseleniya. K 15-letiyu Ugorskogo proekta* [Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements. To the 15th Anniversary of the Ugric Project], Moscow: Logos.
- Pokrovsky N. E., Makshanchikova A. Yu., Nikishin E. A. (2020) *Obratnaya migratsiya v usloviyah pandemicheskogo krizisa: vnegorodskie prostranstva Rossii kak resurs adaptatsii* [Return migration under the pandemic crisis: Russia's non-urban space as a resource for adaptation]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 12.
- Pokrovsky N. E., Nikolaeva U. G., Demidova Yu. A. (2019) Fenomenologiya "zhiznennogo mira" gorozhanina vo vnegorodskom prostranstve Blizhnego Severa: dom i domestikatsiya [Phenomenology of the "life world" of the townsman in the non-urban space of the Near North: Home and domestication]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 12.
- Spisok naselennykh mest Kostromskoy gubernii (po svedeniyam 1907 g.)* (1908) [List of Populated Settlements in the Kostroma Province (Data for 1907)], vol. 1. Tip. T. P. Andronikovo.
- Staroosvoennye rajony v prostranstve Rossii* (2021): *istoriya i sovremennost* [Old-developed Areas in the Space of Russia: History and Contemporaneity]. T. G. Nefedova, A. V. Starikov (Eds.), Moscow: KMK.
- Syshchikov A. D. (2006) *Leksika krestyanskogo derevyannogo stroitelstva* [Vocabulary of the Peasant Wooden Construction], Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Toropov S. N. (2013) *Manturovo: stranitsy istorii* [Manturovo: Pages of History], Kostroma: DiAr.
- Tolstov S. P. (1927) *Russkie krestyanskie postrojki: (Kritichesky obzor novejshej literatury)* [Russian peasant buildings (A critical review of the latest literature)]. *Ethnography*, no 1–2.
- Treivish A. I. (2021) Staroosvoennost kak fenomen prostranstvennogo razvitiya [Old development as a phenomenon of the spatial development] *Staroosvoennye rajony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost*. T. G. Nefedova (Ed.), Moscow: KMK.
- Tsentralny komitet KPSS i Sovet Ministrov SSSR. Postanovlenie ot 20 marta 1974 goda No. 206. O merah po dalnejshemu razvitiyu selskogo khozyajstva Nechernozemnoj zony RSFSR (1974) [Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR Decree of March 20, 1974, No. 206. On Measures for the Further Development of Agriculture in the Non-Black-Earth Zone of the RSFSR].
- Shennikov A. A. (1992) *Dlinny dom i kryty dvor. Iz istorii stroitelnoj kultury krestyan lesnoj zony Evropy do kontsa XIX — nachala XXI v.* [Long House and Covered Yard. From the History of the Peasant Building Culture in the Forest Zone of Europe in the Late 19th — Early 20th Century], Saint Petersburg.
- Spisok naselennykh mest Kostromskoy gubernii* (1908) (*Po svedeniyam 1907 goda*). Izdanie Kostromskogo Gubernskago Zemstva [List of Populated Settlements in the Kostroma Province (Data for 1907)]. Edition of the Kostroma Provincial Zemstvo. URL <http://kostromka.ru/kostroma/county/kgb1.pdf>.
- Berry B. J. L. (1976) The counter-urbanization process: Urban America since 1970. *Urbanization and Counter-urbanization, Urban Affairs Annual Review*, no 11.
- Kontuly T., Wiard S., Vogelsang R. (1986) Counter-urbanization in the Federal Republic of Germany. *Professional Geographer*, vol. 38, no 2.
- Mitchell C. (2004) Making sense of counter-urbanization. *Journal of Rural Studies*, no 5.
- Nefedova T. G., Nikolaeva U. G. (2019) Modern personal subsidiary plots of villagers and townspeople: Historical dynamics, functions, spatial differences. *Population and Economics*, vol. 3, no 1.
- Nefedova T. G., Pokrovsky N. E. (2018) Terra incognita of the Russian Near North: Counter-urbanization in today's Russia and the formation of dacha communities. *European Countryside*, vol. 10, no 4.

Сельская местность Башкирии: преобладающие типы и особенности трансформации в постсоветский период¹

А. И. Алексеев, Л. Р. Имангулов

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alival@mail.ru

Линар Рамилевич Имангулов, магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru

Аннотация. В статье обозначены особенности развития сельской местности Республики Башкортостан в постсоветский период — высокая доля сельского населения, развитый агросектор, институциональная поддержка села и т. д. На основе статистической информации и результатов полевых наблюдений авторов выявлены преобладающие типы сельской местности Республики Башкортостан в разрезе муниципальных районов региона с преимущественно сельским населением. Ключевые признаки типологии: природные условия, положение района в системе отношений «центр–периферия», характеристики населения, уровень развития сельского хозяйства и коммунальной сферы. В результате кластерного анализа и систематизации полученных данных выделены следующие социально-экономические типы сельской местности региона: «пригородная сельская местность», «аграрная Башкирия» и «традиционная башкирская сельская местность». Для каждого из обозначенных типов и подтипов сельской местности дается подробная социально-экономическая характеристика, описаны траектории трансформации села в постсоветский период. Обнаружено, что на современном этапе происходит снижение роли агросектора в жизни сельского населения. В заключительной части статьи соотнесена роль сельскохозяйственного производства в жизни сельского населения между разными типами сельской местности. Так, в «аграрной Башкирии» работа на земле еще остается основной трудовой практикой (занятость в сельскохозяйственных организациях, ведение личного подсобного хозяйства), однако жизнь значимой части населения слабо связана с агросектором.

Ключевые слова: сельская местность, сельское расселение, сельское хозяйство, факторы трансформации села, типология сельской местности, Башкортостан

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-109-132

1. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ (проект № 21-17-00112).

Сельская местность Российской Федерации в постсоветский период претерпела серьезные изменения — увеличился отток сельского населения в крупные города, сократилась людность и численность сельских населенных пунктов (далее — СНП), изменилось их функциональное назначение (с преимущественно аграрной на селитебную). Территориально процесс трансформации сельской местности в РФ сильно дифференцирован (Нефедова, 2012; Алексеев, 2015). Основными факторами различий являются исторические особенности освоения территорий и расселения, природные условия, этнокультурные различия и т. д. В регионах Центральной России процесс трансформации сельской местности начался еще в середине XX века. Демографический потенциал территории, подорванный войной, в последующие десятилетия истощался высоким миграционным оттоком в областные центры и Москву. В результате длительной трансформации село в Центральной России значительно депопулировало и изменило свое функциональное назначение.

На периферии европейской части страны — в Черноземье, Поволжье, Урале и Юге России — процессы трансформации сельской местности обнажились лишь в 1990-е годы. Развал колхозно-совхозной системы высвободил значительное число сельских жителей, которые в условиях отсутствия работы на селе подались в крупные города. Там, где колхозы сохранились, социально-экономическая ситуация в СНП значительно лучше — население имеет постоянный источник доходов в виде денежных средств либо натуроплаты, используемой в личном подсобном хозяйстве (Нефедова, 2006). Отличительной чертой перечисленных регионов являются лучшие агроклиматические условия, определяющие иной масштаб сельскохозяйственной деятельности и, как следствие, численность сельского населения.

Среди всех регионов Черноземья, Поволжья, Урала и Юга России особняком стоят регионы, имеющие статус национальных республик. Эти территории имеют несколько иные траектории трансформации сельской местности, обусловленные этнической структурой населения. Этнокультурное разнообразие находит свое отражение в дифференциации социально-экономических показателей сельской местности. Это и размер частного домохозяйства, рождаемость, алкоголизм, миграционные установки населения, особенности ведения хозяйства и т. д. Вследствие чего сельские территории с различиями в этнической структуре населения отличаются не только внешним видом и благосостоянием, но и динамикой социально-экономической ситуации и перспективами развития села. Схожая дифференциация отмечается в республике Башкортостан, где по соседству сосуществуют еще «живые» татаро-башкирские села с традиционным хозяйственным укладом и «вымирающие» в результате миграционного оттока русские деревни.

В чем же специфика развития сельской местности Республики Башкортостан?

Регион отличается высокой долей сельского населения — 37,4%, что на 12% выше национального уровня (2020 г.) (Регионы России, 2022). В абсолютном выражении это около 1,5 млн человек. В период 1926–1989 годов сельское население республики сократилось на 1 млн человек, большая часть из которых мигрировала в крупные индустриальные города региона — Уфу, Стерлитамак, Салават, Октябрьский, Нефтекамск и т. д. Несмотря на это, на современном этапе процессы урбанизации не завершились — сельская местность региона ежегодно теряет от 5–7 до 10 тыс. человек (База данных, 2022). Вопреки значительному оттоку населения в города, «башкирское» село по-прежнему имеет значительные демографические ресурсы для развития.

Демографическая ситуация в республике обусловлена не только сравнительно поздним освоением региона и «запозданием» процессов урбанизации, но и этнической структурой населения. Вследствие освоения региона преимущественно населением Поволжья, Черноземья и Украины республика отличается высоким этнокультурным разнообразием. В сельской местности преобладают башкиры и татары (2010 г.: 43,5% и 24,1% соответственно), на русских приходится 20,3% (Население, 2013). Помимо обозначенных выше этносов в сельской местности региона значима доля марийцев, чувашей и мордвы, образующих целостные ареалы расселения (доля в %: 4,3; 3,8 и 0,5 соответственно).

Мордва, татары, украинцы и русские имеют более низкий удельный вес сельского населения от общей численности населения этноса (доля в 2010 г., в %: 41; 37,8; 25,4 и 22,4 соответственно) (Население, 2013). Удмурты, марийцы, башкиры и чувашаи, наоборот, отличаются высоким удельным весом сельского населения, что связано с незавершившимся миграционным переходом этносов (доля в 2010 г., в %: 72,4; 65,1; 58,7 и 56,6 соответственно) (Население, 2013). Этнотсы отличаются по ряду социальных и экономических показателей — от миграционной подвижности до рождаемости и особенностей ведения хозяйства, что определяет высокую внутрирегиональную неоднородность республики и отличие ее от соседних регионов (Имангулов, 2021).

Высокая доля и численность сельского населения обусловлена развитым сельским хозяйством — растениеводством и животноводством. Большая часть республики пригодна для ведения сельского хозяйства ввиду благоприятных агроклиматических условий. По объему сельскохозяйственной продукции регион занимает 7-е место в РФ после регионов Юга, Черноземья и Поволжья (Регионы России, 2022). Это на несколько позиций ниже, чем в 1990-е годы, что свидетельствует о худшей динамике развития агросектора региона в переходный период. Официально в сельском хозяйстве республики занято 110 тыс. человек, что составляет всего 12% от всего трудоспособного сельского населения республики (Население, 2013).

Сохранению сельского хозяйства в переходный период способствовала значительная институциональная поддержка агросектора

республиканскими властями. Спектр каналов поддержки многообразен, ключевыми являются — обустройство коммунального хозяйства на селе (особенно газификация и прокладка дорог в сельской местности в период нахождения у власти первого президента Республики Башкортостан Рахимова М. Г.), а также мощная поддержка сельскохозяйственных организаций, образованных на базе бывших колхозов и совхозов. Последнее способствовало меньшему миграционному оттоку молодого населения из села и недопуску в республику крупных агрохолдингов.

Еще одной специфической чертой сельской местности региона является ее многообразие. Разнообразие агроклиматических условий и ресурсного потенциала вместе с историческими особенностями освоения и развития территории определили существование множества форм сельской местности региона. Сельская местность республики многолика, и поэтому сельские территории характеризуются разнонаправленностью тенденций трансформации и требуют разных подходов к управлению их социально-экономическим развитием.

В связи с этим целью статьи авторы считают выявление преобладающих типов сельской местности Башкирии и их особенностей трансформации в постсоветский период.

Обзор исследований

Вопросам систематизации пространственных различий территориальной организации сельской местности посвящено немало отечественных и зарубежных работ. Существует множество подходов к решению данной задачи. Территориальная дифференциация сельских территорий изучается согласно отдельным показателям, далее создаются классификации (например, Bański, 2007; Ткаченко, 2021 и др.). Часто из-за отсутствия необходимой информации и репрезентативных показателей классификации не отражают реальной картины различий в сельской местности и усложняют их восприятие.

Следующие два метода чаще используются при изучении непосредственно сельской местности с огромным количеством элементов и сложными взаимосвязями между ними. Первый метод изучения территориальных различий в организации сельской местности — типологизация (примеры работ: Bogdanov, 2008; Piopoulou, 2008; Stanpu, 2021). Данный метод позволяет лучшим образом учесть все многообразие явлений и процессов в пространстве за счет формирования более полных целостных типов. Последнее достигается из-за частого использования при составлении типологий качественных характеристик территорий, редко поддающихся параметризации. Например, визуальное восприятие человеком территории (образы территорий), социальные портреты местных жителей, формирующиеся в результате проведения глубинных интервью и простого общения.

Второй метод — районирование, его основная цель — выделение отраслевых либо комплексных сельских районов. Использование данного метода при изучении сельской местности в настоящее время встречается редко. Советская школа районирования была далека от изучения сельской местности как единого производственного и социального конструкта. Особо ярко это отражает фраза выдающегося экономика-географа Баранского Н. Н.: «В отечественной географической науке забыли человека».

В советский период в отечественной науке работы, посвященные сельской местности, были смещены в сторону природных условий и преобладающего типа агропроизводства (например, работы Валова В. С., Книповича Б. Н., Крючкова В. Г., Ракитникова А. Н., Евдокимова С. П. и др.). Огромное количество комплексных описаний сельских территорий с их районированием можно встретить в географическом описании СССР в 22 томах (Советский, 1966–1972), а также в экономико-географических характеристиках разных стран мира.

В настоящее время ярким примером комплексного районирования сельской местности РФ является социально-аграрное районирование европейской части России Т. Г. Нефедовой (Нефедова, 2012), примером современного районирования сельской местности зарубежных стран следует считать труд Л. В. Смирнягина (Смирнягин, 2005), в котором ученый представил результаты районирования американского общества, в том числе и целостные сельские районы страны (например, Новая Англия, Кукурузный пояс, Мормонский Запад и др.).

Попытки описания дифференциации сельской местности были произведены и учеными Башкортостана. Однако сельская местность не являлась ключевым признаком существующих классификаций и сеток районирования республики — на первом месте по-прежнему находятся природные условия, промышленность, в меньшей степени аграрный сектор (например, работы Бахтязина Н. Р., Исянбаева М. Н. и др.). Примером может послужить экономическое районирование Республики Башкортостан, результатом которого являются разнообразные природно-экономические зоны, встречающиеся в регионе.

Существующие подходы к районированию сельской местности Республики Башкортостан — физико-географический, агропроизводственный и экономический — не отражают реальной дифференциации сельской местности, что подчеркивает актуальность данного исследования с учетом важности села в экономике региона.

Материалы и методы исследований

Выделение преобладающих типов сельской местности Республики Башкортостан первоначально основано на проведении кластерно-

го анализа ключевых социально-экономических показателей сельских территорий в связи с большой по числу наблюдений выборкой районов. Далее проводилась корректировка и систематизация полученных в ходе количественного анализа результатов в обобщенные типы и подтипы сельской местности исходя из экспертной оценки и полевых наблюдений в 2019, 2020 и 2022 годах. Число муниципальных районов, посещенных в ходе экспедиционных исследований, — 13 (всего в Башкортостане 54 муниципальных района).

В итоге использовались следующие блоки данных: статистическая база по муниципальным образованиям Башкортостана, спутниковые изображения СНП, результаты полевых наблюдений, глубинных интервью с местными жителями, главами муниципальных и сельских администраций, сельскохозяйственных предприятий и фермерами (свыше 50 интервью).

Типологизация сельской местности региона осуществлялась на основе сетки муниципальных образований Республики Башкортостан. Выбор указанного масштаба обусловлен отсутствием перечня статистических показателей на уровне сельских поселений, что вносит определенную погрешность в исследование по причине наличия муниципальных образований, расположенных на стыке природных зон. Общее число муниципальных районов для анализа составило 54 «сельских района». В этот перечень включены районы исключительно с сельским населением, городские округа республики в анализе не участвовали.

В связи с использованием количественного анализа для выявления преобладающих типов сельской местности важно обратиться к каждому из показателей, участвовавших в кластеризации, и объяснить логику их выбора. В количественном анализе использовалось 10 показателей, часть из которых имелась в доступе на официальных сайтах статистических ведомств (База, 2022; Регионы, 2022), другая была параметризирована авторами по причине важности их учета в анализе дифференциации сельской местности.

А) *Природные условия*. Первый признак типологии включает природные характеристики территории — особенности рельефа, преобладающий тип почв и т. д. Первостепенное значение данный признак имеет при составлении типологии сельской местности регионов с высоким разнообразием естественных условий. В Республике Башкортостан различия в естественных условиях были учтены через принадлежность муниципального образования к определенной природно-климатической области.

Б) *Положение района в системе отношений «центр–периферия»*. Второй признак типологии отражает особенности социально-экономического развития сельских территорий в зависимости от их местоположения. Об учете важности положения территории при изучении пространственной неоднородности сельской местности писали многие — от авторов концепций и идеальных моделей размещения в рамках немецкой школы географии до представите-

лей новой экономической географии. В отечественной науке учет центр-периферийных различий представлен в работах Т. Г. Нефедовой (Нефедова, 2012), которая при выделении социально-аграрных районов европейской части РФ использовала классификацию муниципальных образований согласно системе отношений «центр-периферия» (с разбивкой — пригороды, полупригороды, полупериферия, периферия и т. д.).

«Периферийность» муниципального района в исследовании определяется через порядок его соседства с городами республики разного ранга. При составлении типологии была осуществлена разбивка сельских муниципальных образований на следующие категории — пригородные районы первого, второго и третьего порядка, полупериферийные и периферийные районы. К пригородным районам первого порядка относятся районы, граничащие с городами-миллиониками (Уфа), второго порядка — граничащие с городами с численностью населения свыше 250 тыс. чел. (Стерлитамак), третьего порядка — имеющие в своем составе город с численностью населения менее 250 тыс. чел., либо граничащие с ним (например, Нефтекамск, Октябрьский, Туймазы и др.).

К муниципальным образованиям с полупериферийным положением отнесены районы, расположенные в равнинной части республики, с высокой связанностью территорий с системой городов. К муниципальным образованиям с периферийным положением — районы, расположенные в горно-лесной области Южного Урала и Зауралья (особые условия формирования, функционирования и трансформации села вследствие географической удаленности). В рамках сельской периферии республики отдельно выделены районы с наличием в их границах городов с менее развитой пригородной сельской местностью.

В) *Сельское население*. Третий признак типологии включает целый спектр показателей и характеристик сельского населения — от этнической структуры населения до показателей демографической и миграционной ситуации в сельской местности. Первый показатель особенно важен для сельской местности Башкортостана в связи с высоким этнокультурным разнообразием региона, определяющего социальную и экономическую дифференциацию села (Имангулов, 2021). По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года (Население, 2013) все муниципальные образования республики были объединены в следующие категории — районы с преобладанием башкир, районы с преобладанием татар, районы с преобладанием башкир и татар, районы с преобладанием чувашей/марийцев/мордвы и полиэтничные районы.

Помимо этнической структуры населения были учтены масштабы миграционного оттока населения и общий коэффициент естественного прироста. Выбор обусловлен их лучшим отражением дифференциации сельской местности и траекторий ее трансформации (Нефедова, 2012; Между домом..., 2013).

Г) *Уровень развития сельского хозяйства.* Четвертый признак типологии отражает уровень развития и направления трансформации сельского хозяйства как основного вида деятельности в сельской местности. Отбор показателей для интерпретации внутрирегиональных различий в сельскохозяйственной деятельности проводился как в разрезе организаций, так и хозяйств населения. Перечень используемых при составлении типологии показателей включает объем произведенной сельскохозяйственной продукции на сельского жителя, количество голов крупного рогатого скота (далее — КРС) на 100 сельских жителей, число тракторов на 1000 сельских жителей. Специфическая выборка показателей обусловлена «скудностью» статистической базы и желанием затронуть разные аспекты развития агросектора.

Анализ подшевного объема сельскохозяйственной продукции позволяет оценить территориальные различия в интенсивности сельского хозяйства, выявить районы-лидеры и аутсайдеры по совокупности ряда факторов. Выбор второго показателя (подшевное количество КРС) обусловлен высокой ролью коровы на селе (Нефедова, 2006). Корова не только «кормилица» для сельских жителей, но и важный источник дохода на селе. Кроме того, наличие коровы — это индикатор возрастной структуры населения села и сельского образа жизни. Особенно важен анализ данного показателя в связи со скотоводческой специализацией Башкирии. Третий показатель дает представления об уровне механизации агросектора, а также наличия сельскохозяйственных организаций в муниципальных образованиях. Последнее особенно важно с позиции высокой значимости «коллективных» сельскохозяйственных организаций «в жизни села».

Д) *Развитие коммунальной сферы в сельской местности.* Последний признак типологии включает ряд показателей, касающихся благоустройства села, — доля сельских населенных пунктов без газа и водопровода. Они отчасти определяют образ жизни сельского жителя, так как отсутствие благоустройства изменяет бюджет времени населения (Нефедова, 2006). Кроме того, уровень газификации отражает институциональную поддержку сельской местности и инвестиции в ее развитие (Барлыбаев, 2015).

Предложенный метод и набор показателей позволяет получить многообразие форм сельской местности региона на основе объективных характеристик, а также учесть через использование отдельных показателей наиболее сложные элементы сельской местности. Например, миграционные и демографические установки населения, уровень вовлеченности населения в сельское хозяйство, особенности образа жизни населения и т. д.

Обзор районных различий в показателях

Выше был обоснован перечень использованных при составлении типологии показателей. Прежде чем приступить к описанию пре-

обладающих типов сельской местности Башкирии, остановимся на районной дифференциации сельской местности согласно обозначенным показателям (рис. 1).

Природные условия. Значительная дифференциация агроклиматических условий в рамках Башкирии обусловлена ее размерами и конфигурацией. Республика располагается на стыке природных зон — лесная, лесостепная и степная зоны Русской равнины, горно-лесная область Южного Урала, Зауральская лесостепная и степная зоны. Широтное распределение природных зон нарушается на юге и востоке региона горным массивом Южного Урала. В результате рельеф и речная сеть способствуют формированию секторов с различиями в почвенном и растительном покрове и т. д. (рис. 1). «Природная основа» региона определяет разнообразие сельской местности и ее хозяйственных функций.

Положение села в системе отношений «центр–периферия». Значительный вклад в дифференциацию сельской местности региона вносит сформированная структура социально-экономического пространства. В первую очередь речь идет о системе расселения республики, центральные элементы которой города. Город и село объединяют связи, представленные в реальности потоками разного характера (например, людей и товаров). Особенностью городской сети республики является большое количество городов и их неравномерное распределение в рамках республики.

Все это определяет сложный характер отношений между городом и селом на разных исторических этапах развития региона. В дореволюционный период интенсивность связей была меньшей, в советский она усиливается («разграбление» деревни), достигая своего максимального пика сегодня в условиях поляризации социально-экономического пространства РФ. Влияние города на село в настоящее время определяется его размером: так, столица республики, образующая мощную агломерацию в 1,5 млн человек, определяет развитие сельской местности центра Башкирии и всего региона.

В южной части республики схожее влияние на развитие села оказывает ядро Южно-Башкирской агломерации — Стерлитамак, который вместе с Салаватом и Ишимбаем и приграничными районами концентрирует 13,8% населения региона. Влияние Южно-Башкирской агломерации более скромное и в основном распространяется на приграничные районы первого и второго порядка. Влияние прочих городов республики — «локальных центров расселения» — Нефтекамска, Октябрьского, Туймазов, Белорецка, Сибая, Кумертау, Белебея и др. — ограничено в основном районами, в которых располагаются города. В горной части Башкирии влияние городов едва ли простирается на один район.

Большая часть сельской местности запада региона занимает полупериферийное положение, что связано с высокой плот-

*А. И. Алексеев,
Л. Р. Имангулов*
Сельская местность Башкирии: преобладающие типы и особенности трансформации в постсоветский период

ностью и равноудаленностью городов в этой части республики (рис. 1). Все это способствовало миграционному оттоку населения в период советской индустриализации. Восток и преимущественно юг республики периферийны и в определенной степени транспортно изолированы, что предопределяет сохранность и архаичность села.

Этническая структура населения. В пригородной зоне крупных центров республики проживают русские. Восток и север республики место концентрации башкирского населения. Эти территории отличаются повышенной рождаемостью населения, высоким миграционным оттоком населения и доминированием традиционных видов хозяйственной деятельности (разведение лошадей, скотоводство, пчеловодство и т. д.). Сельская местность западной Башкирии характеризуется высоким этнокультурным разнообразием, что связано с историей ее освоения. Здесь татары вместе с башкирами составляют муниципальные образования с доминированием тюркской компоненты с особым хозяйственным укладом. В удаленных местностях и схожих с исторической родиной природных условиях проживают национальные меньшинства республики — марийцы, чуваша, мордва и др.

Коэффициент естественного прироста населения. Дифференциация коэффициента естественного прироста населения отражает действие «центр-периферийной модели» и этнокультурного фактора (рис. 1). Периферийные и полупериферийные районы демонстрируют естественную убыль населения, муниципальные образования, граничащие с Уфой и Октябрьским, — естественный прирост населения. Нарушает «центр-периферийную» дифференциацию показателя этнокультурный фактор на юге республики и в Зауралье по причине незавершенного демографического перехода башкирского населения.

Миграционный прирост/убыль сельского населения. Миграционное сальдо в отличие от предыдущего показателя полностью объясняется «центр-периферийной моделью». Отношение суммарного миграционного сальдо к численности сельского населения районов за 10 лет демонстрирует незавершенность процессов урбанизации в республике. Различия в миграционной убыли населения отсутствуют и варьируются в диапазоне от -10 до -20%.

Убыль сельского населения меньших масштабов характерна для районов, граничащих с крупнейшими городами республики — Уфой, Стерлитамаком, Октябрьским и Нефтекамском. Прирост населения имеют лишь четыре «сельских района» — Уфимский, Иглинский, Стерлитамакский и Бирский (рис. 1). Миграционная привлекательность Иглинского района обусловлена близостью Уфы и рекреационным потенциалом района, Бирского — транзитным и центральным положением Бирска для северных районов республики в сочетании с благоприятной социально-экономической ситуацией в городе.

Объем сельскохозяйственной продукции на сельского жителя. Внутрирегиональные различия в объемах сельскохозяйственного производства связаны по большей части с дифференциацией агроклиматических условий, демонстрирующей «раскол» республики на аграрный запад («житница Башкирии») и менее аграрный восток. Сельская местность запада республики по объемам произведенной продукции сельского хозяйства неоднородна, что связано с расположением в этой части региона Белебеевской возвышенности с сравнительно худшими агроклиматическими условиями ведения хозяйства. Районы, граничащие с крупными городами (например, Уфимский и Стерлитамакский), имеют низкие подушевые и высокие абсолютные объемы сельхозпроизводства, что связано с высокой численностью населения. Пригородное село постепенно изменяет свое функциональное назначение с производственно-селитебного на селитебно-рекреационное.

Количество голов КРС на 100 сельских жителей. В переходный период состояние скотоводства в Башкирии можно охарактеризовать как кризисное. За последние 30 лет (1990–2020 гг.) поголовье КРС в республике сократилось более чем на 60% (в РФ — на 67%, в Татарстане — на 36%²) (Регионы России, 2022). На изменение поголовья КРС в республике повлияло множество факторов — от подорожания кормов, невысокой цены закупки молока до старения возрастной структуры сельского населения.

Несмотря на это, скотоводство по-прежнему остается ключевой статьей доходов трудоспособного населения на селе (особенно на юге и востоке республики с преобладанием башкирского населения). В территориальном отношении максимальное значение показателя характерно для «аграрных районов республики», а также районов юга и севера республики со значительной численностью башкир (историческая специализация этноса).

Корова уже не является основным источником доходов населения (причины — дорогие корма и низкие закупочные цены на молоко). В расчете на одну семью, как правило, приходится одна корова и несколько бычков на откорм. КРС в основном держат люди в возрасте 40–60 лет, в редких случаях до 70 лет. Причины — привычка с детства к своей натуральной продукции и сельскохозяйственному труду, а также желание помочь детям. Отдельно следует выделить немногочисленные молодые семьи, содержащие более 5–10 коров и бычков. Это «прослойка» фермеров на селе, основным источником доходов которых является КРС.

*А. И. Алексеев,
Л. Р. Имангулов*
Сельская местность Башкирии: преобладающие типы и особенности трансформации в постсоветский период

2. Меньшее снижение поголовья КРС в Татарстане обусловлено более мощной институциональной поддержкой отрасли в республике (Нефедова, 2012).

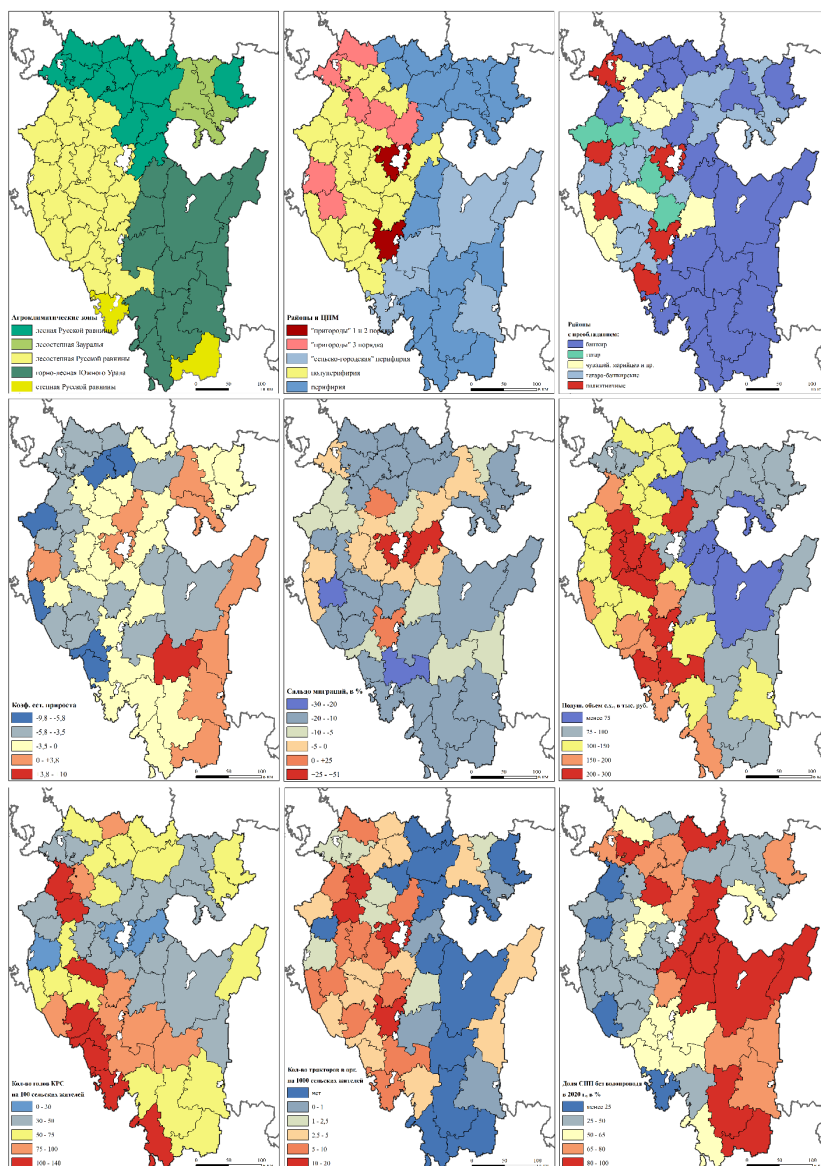

Рисунок 1. Дифференциация социально-экономических показателей муниципалитетов Республики Башкортостан, 2010–2020 гг.

Источник: Население, 2013; База данных, 2022

Число тракторов на 1000 сельских жителей. Данный показатель представляется менее интересным ввиду его специфики. Однако его учет важен при составлении типологии сельской местности региона. Трактор в условиях демографического кризиса села явля-

ется аналогом лошади в дореволюционной России — без него большая часть полей в личных подсобных хозяйствах населения находилась бы в запустении. Техника в сельхозорганизациях активно используется местными жителями в период основных полевых работ. В определенной степени подушевая дифференциация техники зависит и повторяет дифференциацию районов по объемам производства сельскохозяйственной продукции: пики на западе и провалы на востоке республики (рис. 1).

Доля СНП без газа и водопровода. Наличие водопровода и газа сильно упрощает жизнь на селе. Их отсутствие отчасти определяет исчезновение СНП. Оснащенность сельских районов Башкирии зависит от природных особенностей территории. На востоке республики («в горных районах») стоимость создания инфраструктуры дорожке, чем на равнинном западе. По этой причине сельская местность запада республики отмечается «цивилизованностью», восток, наоборот, «архаичен».

Развитие коммунальной службы также отражает институциональную поддержку сельской местности. Так, внутрорегиональные различия в газификации сельских районов Башкирии обусловлены институциональным фактором. Выбор сельских районов для проведения газа в период президентства Рахимова М. Г. часто определялся этнической структурой, а именно расселением башкирского этноса (то же самое было характерно и для прокладки асфальтовых дорог). В настоящее время распределение районов по доле СНП без газа демонстрирует обратное — низкие показатели на западе республики и высокие на востоке. Однако при анализе данного показателя необходимо учесть минимальный уровень газификации сельских районов востока в советский период. В связи с этим даже современный показатель оказывается весьма высоким для преимущественно горного востока, где проведение газа крайне дорогостоящее мероприятие.

Преобладающие типы сельской местности Башкирии

В результате кластерного анализа показателей и экспертной оценки было выделено три типа сельской местности Республики Башкортостан — «Пригородная сельская местность» (тип 1), «Аграрная Башкирия» (тип 2) и «Традиционная башкирская сельская местность» (тип 3) (рис. 2). Каждый тип имеет подтипы. Названия типов и подтипов сельской местности отражают наиболее важные характеристики обозначенных типов сельской местности.

Первый тип сельской местности республики включает следующие подтипы — «сельская местность в зоне влияния столичной агломерации» (подтип 1), «пригородная сельская местность крупных городов» (подтип 2) и «пригородная сельская местность малых и средних городов» (подтип 3). Второй тип — «сельская местность

с развитым агросектором» (подтип 1), «татаро-башкирская сельская местность» (подтип 2), «типичная сельская местность Башкирии» (подтип 3) и «переходное село» (подтип 4). Третий тип — «архаичная башкирская сельская местность» (подтип 1), «переходное башкирское село» (подтип 2), «сельская местность Зауралья» (подтип 3) и «пристоличная рекреационная сельская местность» (подтип 4).

Предложенная типология сельской местности региона на уровне «сельских районов» имеет определенные особенности, среди которых: наличие переходных форм сельской местности, неоднозначность распределения отдельных районов, «дискретность» некоторых типов и подтипов сельской местности («разорванная» площадная конфигурация типов).

Обратимся к описанию типов и подтипов сельской местности республики и особенностям их трансформации в постсоветский период (табл. 1).

Первый тип сельской местности Башкирии («пригородная сельская местность») сформировался под сильным влиянием города. Характеризуя пригородную сельскую местность региона, отметим сравнительно высокую плотность сельского населения (свыше 10 чел./км²), положительный миграционный прирост, менее развитое личное подсобное хозяйство (без коровы), особую специализацию сельского хозяйства (свиноводство, птицеводство, овощеводство и т. д.) и уровень механизации, высокую инфраструктурную освоенность территории, а также выраженную селитебную и рекреационную функции. Село в пригородной зоне в первую очередь место жизни и отдыха, а не производства сельскохозяйственной продукции.

По мере увеличения размерности города возрастает его влияние на функционирование сельской местности. Выделение пригородной сельской местности в зоне столичной агломерации и крупных городов не требует дополнительных аргументов. Уфимский и Благовещенский районы, располагающиеся в менее благоприятных агроклиматических условиях, отличаются высокой освоенностью территории. Причина — миграционная привлекательность районов как для жителей республики, так и для уфимцев.

В пригородной зоне Уфы и Стерлитамака наряду с классическими СНП можно встретить множество коттеджных поселков и загородных дач для постоянного проживания. Пригородная сельская местность Уфы сильно «завязана на городе». Прежде всего речь идет об интенсивности миграций населения — максимальная интенсивность — в районах-соседях первого порядка, меньше — второго и третьего. Передвижения населения характеризуются цикличностью — от дневной (преимущественно трудовая маятниковая миграция) до недельной и сезонной (чаще рекреанты — жители городов, имеющие дачи и добротные загородные дома). По направлению потоков между селом и городом отмечается «экспорт ресурсов» в сельскую местность, отчего облик села сильно не похож на классическую сельскую местность.

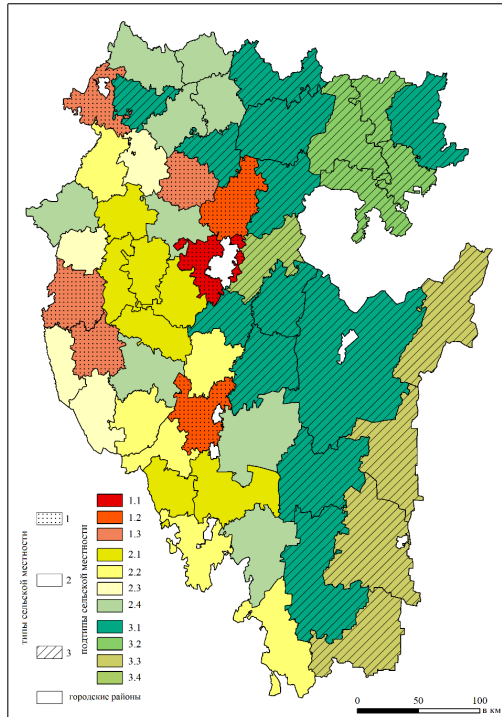

Рисунок 2. Типы сельской местности Башкирии Источник: составлено авторами

Пригородная сельская местность малых и средних городов имеет менее тесные связи с городом. Это зависит от размеров городов и их миграционной привлекательности. В радиусе первых 10 км от города часто встречаются обширная индивидуальная застройка и дачи, реже — коттеджные поселки (последние в основном вблизи Нефтекамска и Октябрьского) (Спутниковые, 2022). Дачи в пригородной зоне малых и средних городов выполняют в основном производственную функцию — земли в основном используются для выращивания огородных культур и обитаемы сезонно. Внутри районов — сельская полупериферия часто зажиточна и людна, сельская периферия, наоборот, «вымирает», что связано с многолетним оттоком населения в близлежащие города.

Второй тип сельской местности Башкирии («аграрная Башкирия») расположен на западе и частично юге республики. Своим обликом данный тип сельской местности обязан в первую очередь расположению в границах лесостепной и степной зон, отличающихся лучшими агроклиматическими условиями для ведения сельскохозяйственной деятельности. Характеризуя современную сельскую местность аграрной Башкирии, важно отметить ее этнокультурное разнообразие, высокий миграционный отток насе-

ния, развитое личное подсобное хозяйство и агросектор, высокую инфраструктурную освоенность территории, а также выраженную селитебную и производственную функции. Демографический потенциал сельской местности «аграрной Башкирии» был сильно подорван в советский период в связи с активной индустриализацией региона.

В советский период в «аграрной Башкирии» располагались крупные колхозы и совхозы, концентрировавшие почти все трудоспособное население на селе. В переходный период большая часть из них была реорганизована, кто-то прекратил свое существование. Часть высвободившегося трудоспособного населения уехала в города, другая — продолжила работать в новых сельскохозяйственных организациях, «поехала на вахту» в добывающие регионы Сибири. В настоящее время в сельскохозяйственных организациях занято не более трети трудоспособного населения. Однако в реальности их роль в жизни села значительно выше — организации снабжают сельское население кормами для скотины, выплачивают деньги за аренду паев. Работа на земле остается важным источником доходов населения.

Дифференциация сельской местности «аграрной Башкирии» связана с действием ряда факторов — физико-географического, позиционного, агломерационного, институционального, этнокультурного и др.

«Сельская местность с развитым агросектором» располагается между Уфой и Октябрьским, а также вблизи Мелеуза. «Татаробашкирская» сельская местность включает сельские районы с разными природными условиями, но со схожей этнической структурой населения. Данный подтип отличается высоким показателем КРС на душу населения, что подчеркивает важность этнокультурного фактора в дифференциации села. «Типичная сельская местность» выступает средним срезом сельской местности республики по всем социально-экономическим показателям. Последний подтип «аграрной Башкирии» («переходное село») включает сельские районы, расположенные на стыке природных зон (например, Ишимбайский, Кугарчинский, Татышлинский и т. д.). Их положение в составе «аграрной Башкирии» связано с более развитым агросектором в сравнении с прочими типами села.

Третий тип сельской местности Башкирии («традиционная башкирская сельская местность») расположен на востоке республики. Это территория с компактным проживанием башкирского населения. Облик данного типа сельской местности определяется физико-географическими особенностями территории (особенностями рельефа) и этнической структурой населения. Характеризуя «традиционную башкирскую сельскую местность», следует отметить ее моноэтническую структуру населения, незавершенность демографического и миграционного перехода (одновременно высокая рождаемость и зона высокого миграционного оттока),

развитое личное подсобное хозяйство с элементами этноэкономики (например, разведение КРС, коневодство, пчеловодство и т. д.), слабо развитый агросектор, низкая инфраструктурная освоенность территории, а также выраженная селитебная и производственная функции.

Традиционная башкирская сельская местность архаична и в настоящее время претерпевает трансформацию, обусловленную процессами урбанизации. Ее архаичность связана в первую очередь с периферийным положением большей части районов и, как следствие, автономностью существования башкирского села.

Дифференциация «традиционной башкирской сельской местности» обусловлена различиями физико-географических условий. Архаичная башкирская сельская местность располагается в пределах горного массива Южного Урала. СНП удалены от основных центров и располагаются в основном вдоль рек как основных транспортных артерий более ранних исторических этапов освоения региона.

Данный подтип сельской местности характеризуется минимальной плотностью транспортной, коммунальной и социальной инфраструктуры. Личное подсобное хозяйство на селе доминирует в структуре источников дохода населения и по своему облику осталось практически неизменным (специализация — разведение КРС, лошадей и пчеловодство). В Башкирском степном Зауралье агросектор развит лучше — выше подушевые объемы произведенной сельскохозяйственной продукции и больше голов КРС на душу населения. СНП выглядят богаче, размеры огородов сопоставимы с селами «аграрной Башкирии». Сельское хозяйство является ведущей трудовой практикой на селе, широко распространена вахта.

Прочие подтипы традиционной башкирской сельской местности представлены переходными формами села. В первом случае («переходное башкирское село») решающую роль в формировании облика села играет физико-географический фактор (расположение в пределах Уфимского плато). СНП в этой части Башкирии сложно отличить от аграрного села запада республики. Во втором случае («пристоличная рекреационная сельская местность») близость территории по отношению к столице республики вместе с уникальными природными ландшафтами района способствовали формированию нового подтипа горного села с преимущественно рекреационными функциями («Иглинский район как дача уфимцев»).

А. И. Алексеев,

Л. Р. Имангулов

Сельская местность Башкирии: преобладающие типы и особенности трансформации в постсоветский период

Таблица 1. Социально-экономическая характеристика типов и подтипов сельской местности Республики Башкортостан

Типы сельской местности/подтипы	«Пригородная сельская местность» (тип 1)				«Аграрная Башкирия» (тип 2)				«Традиционная башкирская сельская местность» (тип 3)			
	подтип 1	подтип 2	подтип 3	подтип 4	подтип 1	подтип 2	подтип 3	подтип 4	подтип 1	подтип 2	подтип 3	подтип 4
Природно-климатическая зона	степная, лесная	степная, лесная	степная, лесная	лесная, степная	степная, лесная	степная, лесная	степная, лесная	лесная, степная	горная, лесная	лесостепная	степная	лесная
Географическое положение	центр	субцентры 1-го порядка	субцентры 2-го порядка	полупериферия	полупериферия	полупериферия	полупериферия	полупериферия	периферия	периферия	периферия	полупериферия
Доля в сельском населении региона, %	7	4	8,3	11	10	5,7	14,5	19,2	6,2	9,7	4,5	4,5
Плотность сельского населения, чел./км ²	20	21	11	13	11	12	11	9	11	10	64	64
Этническая структура населения	полиэтническая	полиэтническая	полиэтническая	полиэтническая	башкиры, татары	другие	башкиры	башкиры	башкиры	башкиры	башкиры, русские	башкиры, русские
Сальдо миграций от числ. населения, %	+50,3	+1	-3	-11	-10	-10	-11	-10	-10	-11	-11	35
Коэф. ест. прироста, промилле	3	-1	-2	-3	-4	-4	-5	-2	-1	2	-1	-1
Подушевой объем с.х. продукции, тыс. руб.	80	223	117	254	164	135	129	80	72	95	46	46
КРС на 100 сельск. жителей	4	64	48	83	108	74	64	52	53	62	18	18
Доля СНП без газа, %	13	45	25	16	23	7	35	62	35	46	63	63
Доля СНП без водопровода, %	40	66	60	48	42	24	56	80	46	81	94	94

Источник: составлено авторами на основе (Население, 2013; Регионы России, 2022; База данных, 2022)
Примечание: Данные в динамике представлены за 2010–2020 гг., статистические — за 2020 г.

Внутренняя неоднородность Башкирии в природном и социально-экономическом отношении определила наличие множества форм сельской местности. Кластерный анализ муниципальных образований республики, согласно ключевым показателям сельской местности, позволил выделить 3 типа и 11 подтипов сельской местности региона. Обобщенные типы сельской местности: «пригородная сельская местность», «аграрная Башкирия» и «традиционная башкирская сельская местность».

Ключевыми факторами формирования и трансформации типов сельской местности Башкирии являются физико-географический, позиционный (фактор географического положения) и этнокультурный факторы.

Влияние физико-географического фактора проявляется в хозяйственной дифференциации сельской местности на преимущественно аграрный земледельческий запад и юг республики и менее аграрный скотоводческий восток республики. Территориальные различия в рентабельности сельскохозяйственной деятельности образуют множество типов и подтипов сельской местности и определяют их траектории развития в соответствии с состоянием и направлениями развития агросектора. На западе и юге Башкирии функционируют крупные сельскохозяйственные организации со значительной занятостью населения, на востоке, наоборот, доминируют личные подсобные хозяйства с традиционными видами хозяйствования (скотоводство, пчеловодство и т. д.).

Фактор географического положения наряду с природными условиями определяет развитие села в зависимости от его расположения в системах с разными координатами. Наряду с типами географического положения (центральное, периферийное, транзитное и др.) транспортное, экономическое, демографическое и рекреационное положение сельских территорий дает невероятную дифференциацию сельской местности региона. В условиях поляризации социально-экономического пространства РФ различия между центральными (пригородными), полупериферийными и периферийными сельскими районами республики заслоняют действие других факторов.

Усложняет пространственную дифференциацию сельской местности Башкирии этнокультурный фактор, определяющий различия в демографических и миграционных установках населения, способах хозяйствования и т. д. Дифференциация части социально-экономических показателей сельской местности определяется особенностями расселения этносов. Особенно сильно выделяются районы с преобладанием башкир и татар с особым хозяйственным укладом и иной демографической ситуацией.

Другие факторы — экономический, миграционный, институциональный и т. д. — скорее выступают второстепенными факто-

*А. И. Алексеев,
Л. Р. Имангулов*
Сельская местность Башкирии: преобладающие типы и особенности трансформации в постсоветский период

рами формирования и трансформации сельской местности республики. При анализе пространственных различий сельской местности их действие можно обнаружить напрямую, либо косвенно через действие обозначенных выше факторов. Особую роль на данном этапе развития сельской местности республики имеют миграционный и институциональный факторы.

Миграционный фактор заслоняет «локальные» факторы развития сельских территорий региона — сельская миграция полностью объясняется действием «центр-периферийной модели» (приток сельского населения в крупные города и отток с сельских окраин). В переходный период и в настоящее время смягчают его действие институциональные условия, направленные на поддержание и развитие села (разнообразные программы по развитию сельских территорий, а также региональная политика в области поддержки села).

Анализ динамики основных социально-экономических показателей показал, что в переходный период разные типы и подтипы сельской местности республики трансформируются по-разному. Единым трендом является снижение роли агросектора в жизни сельского населения (особенно в занятости и источниках доходов сельских жителей), что также приводит к «вымыванию» демографических ресурсов села в города.

В «пригородной сельской местности» данный процесс почти завершился. Сельские территории вблизи городов выполняют преимущественно селитебную и рекреационную функции — в таких районах широко представлены коттеджные и дачные поселки горожан (например, Уфимский, Иглинский, меньше Стерлитамакский районы). Дальнейшее развитие пригородной сельской местности связано с незавершившимся процессом урбанизации в республике (село еще обладает значительным демографическим потенциалом).

В «аграрной Башкирии» работа на земле еще остается основной трудовой практикой сельских жителей (занятость в сельскохозяйственных организациях и развитое личное подсобное хозяйство), однако жизнь значимой части населения уже слабо связана с сельским хозяйством. На замену аграрной занятости приходит вахта и бюджетная занятость, в свободное время сельские жители занимаются ведением личного подсобного хозяйства в целях обеспечения себя продовольствием. Развитие сельской местности «аграрной Башкирии» тесно связано с городами как основными реципиентами демографических ресурсов села в ранние периоды и агросектором.

В «традиционной башкирской сельской местности», наоборот, наблюдается кризис «традиционного села» (высокий миграционный отток молодежи в города, изменение сельского образа жизни и т. д.). Если в переходный период в «аграрной Башкирии» удалось сохранить сельскохозяйственные организации, то в этой части республики им на смену пришло личное подсобное хозяйство с традиционными для башкир сельскохозяйственными практиками (коневодство, разведение КРС, пчеловодство и т. д.).

- Алексеев А. И. (1990). Многоликая деревня (население и территория). М.: Мысль.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 66-76.
- Аслаева С. Ш. (2018). Полярность сельского хозяйства Республики Башкортостан // Вестник евразийской науки. № 6. С. 8.
- Ахметов В. Я., Бердникова Г. И., Шагибалова Г. И. (2010). Этноэкономика и сельское развитие: опыт локального исследования в этнически однородном территориальном сообществе // Региональная экономика: теория и практика. № 29. С. 36-42.
- База данных муниципальных образований регионов РФ. URL: <https://www.gks.ru/db-scripts/munst/munst80/DBInet.cgi> (дата обращения: 10-18.06.2022).
- Барлыбаев А. А., Айдарбаков Ф. Ф., Рахматуллин И. М. (2009). Развитие сельских территорий в постсоветский период: институциональный аспект // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 99-111.
- Барлыбаев А. А., Ситнова И. А., Ишназаров Д. У., Салихова З. М. (2015). Миграционные процессы в сельской местности в Республике Башкортостан: результаты социологических исследований // Региональная экономика: теория и практика. № 29. С. 13-24.
- Евдокимов С. П., Носонов А. М., Сотова Л. В. (1999). Предварительные результаты и перспективы типологии сельской местности Республики Мордовия // Вестник МГУ. № 3-4. С. 100-104.
- Имангулов Л. Р., Савоскул М. С. (2021). Этнические процессы и трансформация сельского расселения в сельской местности Башкирии (на примере Федоровского района) // Геополитика и экогеодинамика регионов. № 3. С. 55-66.
- Исянбаев М. Н. (2008). Экономические подрайоны Республики Башкортостан: приоритетные направления социально-экономического развития. Уфа: Гилем.
- Книпович Б. Н. (1925). Сельскохозяйственное районирование: с приложением биографии автора и некролога. М.: Новая деревня.
- Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016) / Под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф.
- Население Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: статистический сборник (2013) // Уфа: Башкортостанстат.
- Нефедова Т. Г. (2012). Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: УРСС.
- Нефедова Т. Г., Пэллот Д. (2006). Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна колова? М.: Новое изд-во.
- Проблемы природного и сельскохозяйственного районирования и типологии сельских местностей СССР... (1989). Отв. ред. Н. А. Гвоздецкий, В. Г. Крючков. М.: Изд-во МГУ.
- Ракитников А. Н. (1966). Предварительный отчет о работах по составлению сводной карты сельскохозяйственных районов СССР. М.: [б. и.].
- Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 10-18.06.2022)
- Смирнягин Л. В. (2005). Районирование общества: теория, методология и практика: на материалах США: дисс. ... докт. геогр. наук. (25.00.24). М.: МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Советский Союз: географическое описание в 22 томах (1966-1972) / Пред. редколлегий чл.-корр. АН СССР С. В. Калесник. М.: Мысль.
- Спутниковые изображения, программа Google Earth (Программа Планета Земля). URL: <https://earth.google.com/web/> (дата обращения: 20.06.2022).
- Ткаченко А. А., Смирнова А. А., Смирнов И. П. (2021). Опыт географической классификации сельских районов Тверской области // Крестьяноведение. № 3. С. 6-18.
- Bański J., Marcin M. (2016). Classification of rural areas in Poland as an instrument of territorial policy // Land Use Policy. Vol. 54. P. 1-17.

А. И. Алексеев,
Л. Р. Имангулов
Сельская местность Башкирии: преобладающие типы и особенности трансформации в постсоветский период

- Bogdanov N., Meredith D., Efstratoglou S. (2008) A TYPOLOGY OF RURAL AREAS IN SERBIA // *Ekonomski Anali*. Vol. 53. P. 7-29.
- Iliopoulou P., Stratakis P., Tsatsaris A. (2008). Transformation of Rural Patterns in Greece in a European Regional Development Perspective // *Regional Analysis and Policy. Contributions to Economics* / H. Coccossis, Y. Psycharis (eds). Physica-Verlag HD.
- Stanny M., Komorowski L., Rosner A. (2021). The Socio-Economic Heterogeneity of Rural Areas: Towards a Rural Typology of Poland // *Energies*. Vol. 14.

Rural areas of Bashkiria: Prevailing types and features of transformation in the post-Soviet period

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: alival@mail.ru.

Linar R. Imangulov, Master's student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru

Abstract. The article outlines the features of the development of rural areas in the Republic of Bashkortostan in the post-Soviet period, such as the high share of the rural population, developed agricultural sector, institutional support of the village, etc. Based on the statistical data and the results of the field research, the authors identify the dominant types of rural areas in the Republic of Bashkortostan by municipal districts with the predominantly rural population. The key features of the typology are as follows: natural conditions, district's position in the system 'center-periphery', characteristics of population, level of the development of agriculture and public utilities. The results of the cluster analysis and data systematization allowed to identify the following social-economic types of rural areas in the region: suburban rural area, agrarian Bashkiria, and traditional Bashkir rural area. For each type and subtype of rural areas the authors conducted a detailed social-economic analysis and described the trajectories of the rural transformation in the post-Soviet period. Today, the role of the agricultural sector in the life of the rural population is decreasing. In the final section, the authors assess the role of agricultural production in the life of the rural population by types of rural areas. Thus, in agrarian Bashkiria, work on the land still remains the main labor practice (employment in agricultural organizations, personal subsidiary farms), but the life of the significant part of population is poorly connected with the agrarian sector.

Keywords: rural area, rural settlement, agriculture, factors of rural transformation, typology of rural areas, Bashkortostan

References

- Akhmetov V.Ya., Berdnikova G. I., Shagibalova G. I. (2010) *Etnoekonomika i selskoe razvitiye: opyt lokalnogo issledovaniya v etnicheski odnorodnom territorialnom soobshhestve* [Ethnic economy and rural development: A local research in an ethnically homogeneous territorial community]. *Regional Economy: Theory and Practice*, no 29, pp. 36–42.
- Alekseev A. I. (1990) *Mnogolikaja derevnja (naselenie i territorija)* [Multifaced Village (Population and Territory)], Moscow: Mysl.
- Alekseev A. I., Safronov S. G. (2015) *Izmenenie selskogo rasseleniya v Rossii v kontse XX — nachale XXI veka* [Changes in Russia's rural settlement in the late 20th — early

- 21st century]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 2, pp. 66–76.
- Aslaeva S.Sh. (2018) Poljarnost selskogo khozajstva respubliki Bashkortostan [Polarity of agriculture in the Republic of Bashkortostan]. *Bulletin of Eurasian Science*, no 6, pp. 8.
- Bański J., Marciniak M. (2016) Classification of rural areas in Poland as an instrument of territorial policy. *Land Use Policy*, vol. 54, pp. 1–17.
- Barlybaev A.A., Ajdarbakov F.F., Rakhmatullin I.M. (2009) Razvitie selskih territorij v postsovetskij period: institutsionalny aspekt [Development of rural territories in the post-Soviet period: An institutional aspect]. *Issues of Forecasting*, no 5, pp. 99–111.
- Barlybaev A.A., Sitnova I.A., Ishnazarov D.U., Salikhova Z.M. (2015) Migratsionnye protsessy v selskoj mestnosti v Respublike Bashkortostan: rezultaty sotsiologicheskikh issledovanij [Migration in rural areas in the Republic of Bashkortostan: Results of sociological studies]. *Regional Economy: Theory and Practice*, no 29, pp. 13–24.
- Baza dannyh munitsipalnyh obrazovanij regionov RF [Database of municipalities in the regions of the Russian Federation]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst8o/DBInet.cgi>.
- Bogdanov N., Meredith D., Efstratoglou S. (2008) A typology of rural areas in Serbia. *Ekonomski Anali*, vol. 53, pp. 7–29.
- Evdokimov S.P., Nosonov A.M., Sotova L.V. (1999) Predvaritelnye rezultaty i perspektivy tipologii selskoj mestnosti respubliki Mordovija [Preliminary results and prospects for the typology of rural areas in the Republic of Mordovia]. *Bulletin of the Moscow State University*, no 3–4, pp. 100–104.
- Iliopoulou P., Stratakis P., Tsatsaris A. (2008) Transformation of rural patterns in Greece in a European regional development perspective. *Regional Analysis and Policy. Contributions to Economics*. H. Coccossis, Y. Psycharis (Eds.), Physica-Verlag HD.
- Imangulov L.R., Savoskul M.S. (2021) Etnicheskie protsessy i transformatsija selskogo rasselenija v selskoj mestnosti Bashkirii (na primere Fedorovskogo rajona) [Ethnic processes and transformation of rural settlement in rural areas of Bashkiria (on the example of the Fedorovsky district)]. *Geopolitics and Eco-geodynamics of Regions*, no 3, pp. 55–66.
- Isjanbaev M.N. (2008) *Ekonomicheskie podrajony Respubliki Bashkortostan: prioritetnye napravlenija sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya* [Economic Subdistricts of the Republic of Bashkortostan: Priority Directions of the Social-Economic Development], Ufa: Gilem.
- Knipovich B.N. (1925) *Selskokhozajstvennoe rajonirovanie: s prilozheniem biografii avtora i nekrologa* [Agricultural Zoning: With the Author's Biography and Obituary], Moscow: Novaya derevnya.
- Mezhdum domom... i domom. (2016) *Vozvratnaja prostranstvennaja mobilnost naselenija Rossii* [Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia]. T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Makhrova (Eds.), Moscow: New chronograph.
- Naselenie Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 g.* (2013) [Population of the Republic of Bashkortostan: Data of the All-Russian Population Census 2010].
- Nefedova T.G. (2012) *Desjat aktualnyh voprosov o selskoj Rossii: otvety geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia: A Geographer's Answers], Moscow: URSS.
- Nefedova T.G., Pallot J. (2006) *Neizvestnoe selskoe khozajstvo, ili Zachem nuzhna korova?* [Unknown Agriculture, or Why Do We Need a Cow?], Moscow: New Publishing House.
- Problemy prirodnoego i selskokhozajstvennogo rajonirovanija i tipologii selskih mestnostej SSSR* [Issues of the Natural and Agricultural Zoning and Typology of Rural Areas in the USSR] (1989). N.A. Gvozdetsky, V.G. Kryuchkov (Eds.), Moscow: Moscow State University.

*А. И. Алексеев,
Л. Р. Имангулов*
Сельская местность Башкирии: преобладающие типы и особенности трансформации в постсоветский период

- Rakitnikov A. N. (1966) *Predvaritelny otchet o rabotah po sostavleniju svodnoj karty selskokhozhajstvennyh rajonov SSSR* [Preliminary Report on the Construction of a Summary Map of Agricultural Areas in the USSR], Moscow: [B. I.].
- Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Social-Economic Indicators]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
- Smirnjagin L. V. (2005) *Rajonirovanie obshchestva: teorija, metodologija i praktika: na materialah SShA* [Social Zoning: Theory, Methodology and Practice: On the USA Data]. (PhD Thesis), Moscow: Moscow State University.
- Sovetsky Sojuz: *geograficheskoe opisanie v 22 tomah (1966-1972)* [Soviet Union: A Geographical Description in 22 vols. (1966–1972)]. S. V. Kalesnik (Ed.), Moscow: Mysl.
- Sputnikovye izobrazhenija, programma Google Earth (Programma Planeta Zemlja) [Satellite images, the Google Earth program (Planet Earth Program)]. URL: <https://earth.google.com/web>.
- Stanny M., Komorowski L., Rosner A. (2021) The socio-economic heterogeneity of rural areas: Towards a rural typology of Poland. *Energies*, vol. 14.
- Tkachenko A. A., Smirnova A. A., Smirnov I. P. (2021) Opyt geograficheskoy klassifikatsii selskih rajonov Tverskoj oblasti [A geographical classification of rural areas in the Tver Region]. *Russian Peasant Studies*, no 3, pp. 6–18.

A cultural worker's reflections on Alexander Chayanov's peasant meta-utopia

O. Shirokostup

Olga Shirokostup, Curator, Independent Researcher, Visiting Lecturer in the Master's program Practices of Contemporary Art and Curatorship (Garage Museum of Contemporary Art and HSE), 127474, Moscow, Dmitrovskoe Sh., 40. E-mail: shirokostup@gmail.com

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-133-147

I intended to write a detailed and consistent analysis of Alexander Chayanov's science-fiction novella *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia* but failed. When getting the snippets of people's voices that constitute my research, I could not give up my own speculative comparisons and ideas which had sparked my interest. With this text, I wish to outline the vast horizon of opportunities for my colleagues from various spheres of knowledge — including contemporary art — when considering Chayanov's legacy as a writer, economist, and thinker. Being unaffiliated with the academia, I can take this liberty as a researcher — a liberty Alexander Vasilievich would have hopefully forgiven me.

Chayanov's ideas are scattered throughout his novels and economic works and are difficult to generalize within a single topic or discipline. Chayanov as the writer is inseparable from Chayanov as the scholar: to understand the former, we must think about the latter. This is a challenge that may reveal new opportunities for surprising comparisons and unexpected interpretations.

Having started the study of Chayanov's social-philosophical futurology, I discovered that many works had already been devoted to it. In this text, I primarily refer to the works of Alexander Nikulin. I am very grateful to him for our conversations with such an interest and consideration.

I want to thank Alexey Kravchenko and Sergey Fonton for the chance to study wonderful materials from their family library. I am also deeply grateful to the staff of *syg.ma* who supported my work, and personally Kirill Rozhentsov and Dmitry Bezuglov for their patience and faith in my finishing this text, for their considerate and sincere comments and editing. Finally, I want to thank Gediminas Daugela for translating this paper into English, which was written in 2020–2021, at the height of the pandemic.

Dreams, sensations, and make-believes are as important to this research as facts and sources I studied during and after the covid-19 lockdown. It is no coincidence that in the story, the main character's journey into utopia starts with a dream. Chayanov's protagonist, having lost consciousness, mysteriously finds himself in the city of Moscow in 1984. So did I, having stumbled upon a mere mention of this utopia, fell down the rabbit hole of learning more about Chayanov's legacy. Therefore, this text (and the research) cannot be considered in any way complete. I am still learning about fascinating people and keep uncovering new details like shiny little gems from a jewel box, without much of a system; I am just hoping that in the end they can be arranged into a new and scintillating mosaic.

I believe that research is impossible without an irrational element: Chayanov wrote numerous magical texts imbued with a Hoffmannian spirit. He lamented how Moscow lacked its own stories of mystery which define the spirit of a place: they were written for the old Moscow which was disappearing and which he knew and loved deeply. In mayor Sergei Sobyenin's vapid and glitzy Moscow of today, there is no place for the mystery that enables a deeper understanding of reality. This is why the small town of Nikolina Gora located just outside Moscow, where Chayanov lived and worked and where I am working now, is the perfect place to study his works. In my dream, I get my answer: "go big". I should settle for no less than the world he foresaw and precipitated, and the major practical challenges — both present and future — that he was restlessly and enthusiastically aiming to overcome by not only enlisting the help of other people, but also developing diverse and distinct concepts and ideas.

In addition to Chayanov's synthetic thought, which was of interest to his contemporaries from various areas of knowledge, it is his ability to build horizontal connections that is worth noting. He found common grounds with colleagues from different poles of the political spectrum and successfully criticized the limitations of different political systems. For instance, he pointed out the inferiority of the liberal model (one of its weaknesses is the inability to create utopias) and the limitations of the socialist model (the dangerous possibility for new social upheavals)¹.

Chayanov's political beliefs could be defined as 'pink'. As a moderate socialist, he knew how to compromise and seriously considered the possible synthesis of economic systems in *The Journey of My*

1. "A new uprising. Where is it? And in the name of what ideals?" — he thought. "Alas, the liberal doctrine has always been weak because it could not create an ideology and had no utopias". Chayanov A. V. (1989) The journey of my brother Alexei to the land of peasant utopia. *The Venetian Mirror*, V. B. Muravyov (Ed.), Moscow: Sovremennik.

*Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia*². However, Chayanov often disagreed with the policies of the Bolshevik party, openly opposing it on key issues (such as industrialization and collectivization), which cost the scientist not only the career, but also his life³.

In the 1930s, Chayanov's organization-production school collapsed, which led to a dissolution of a vast and branching network of rural *zemstvo*⁴-based 'grassroot' agricultural specialists, mostly left-wing intelligentsia. These were young specialists that remained influential in the first decades under the Soviet rule and, since the beginning of the century, had been suggesting a different solution to the crucial issue of agriculture — not by nationalization or socialization of land, i.e., not by political revolution⁵. Chayanov's arrest was a part of the plan to destroy this intellectual network that had been working in different regions of the country. Despite the fact that Chayanov was

-
2. "In general, Chayanov's utopia is a 'pink' progressive utopia of a moderate agrarian socialist. This is an attempt to invent an alliance between liberalism and socialism". Nikulin A. M. (2018) Dreams of the Russian revolution in the utopias of Alexander Chayanov and Andrey Platonov. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 3. "Chayanov was a moderate non-party liberal-socialist, only in 1917 he become a member of the People's Socialist Party" (Ibid.)
 3. Chayanov's organization-production school offered an alternative to collectivization. Chayanov showed that there were certain models of the family economy that could, through cooperation, be integrated into both global and agricultural markets. It is possible to organically transform the traditional 'wild' life of the natural peasantry, without violence, to make them an equal player in the global market economy of the 20th century. Kerblay B. (2018) Chayanov. The evolution of the agrarian thought in Russia from 1908 to 1930: At the crossroads. *Russian Peasant Studies*, vol. 3, no 4.
 4. *Zemstvo* — a form of the rural self-government in the Russian Empire and Ukraine; was established in 1864 to provide social and economic services, had a significant liberal influence in imperial Russia. *Zemstvos* existed on two levels — the *uyezd* and the province; the *uyezd* assemblies consisted of delegates representing landowners and peasant communities and elected the provincial assemblies. *Encyclopedia Britannica*, June 18, 2015. URL: <https://www.britannica.com/topic/zemstvo>.
 5. After 1905, this new generation of agronomists was powerful enough to control all agricultural societies in the country. Such societies in Moscow, Saint Petersburg and Kharkiv, as to a large extent the Free Economic Society, were no longer governed by nobles; they were headed by left-wing intelligentsia, and its role became decisive in the agrarian thought on the eve of the First World War... While Social Democrats and Socialist Revolutionaries believed that the agrarian question could be solved only through nationalization or socialization of the land, i.e., only by means of the political revolution, the whole so-called organizational movement, which mainly united like-minded people from agronomists and teachers in *zemstvos*, believed that the division of land was only a palliative, insufficient measure to solve the agrarian question. Kerblay B. (2018) Chayanov. The evolution of the agrarian thought in Russia from 1908 to 1930: At the crossroads. *Russian Peasant Studies*, vol. 3, no 4.

not a politician, the authorities destroyed his legacy, with his ideas forgotten for a long time, due to their implicit political potential⁶. Throughout his works, Chayanov wondered how and in what system people could live together, how such a life could be built without the unbearable violence and exclusion⁷.

The utopian thought of Chayanov as the scholar and the writer, or the text is about one utopia, but it is worth mentioning at least three

*It is as if the mind had been freed from the hypnosis
of everyday Soviet life;
new, exciting thoughts stirred in my consciousness,
thinking in new ways became possible
A. V. Chayanov*

Chayanov as the writer and the scholar created many works — from mystery stories to rigorous economic treatises. Several utopian works written in the 1920s are of a particular interest for they show the evolution of the author's views and his reaction to the changes in the country⁸.

Researchers of Chayanov's work usually focus on *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia* — his most fa-

-
6. After the beginning of the forced collectivization, Chayanov and his colleagues were persecuted and repressed, accused of subversion, sabotage, and counterrevolutionary conspiracy. The investigators reminded the defendant Chayanov of his authorship of the so-called counterrevolutionary utopia (Chayanov, Petrikov, 1998). In 1937, Chayanov was executed. Nikulin A. M. (2018) Dreams of the Russian revolution in the utopias of Alexander Chayanov and Andrey Platonov. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 3.
 7. Socialism will go through all its stages and reach extreme, even absurd outcomes. Then the cry of disavowal will burst out again from the titanic breast of the revolutionary minority and the mortal struggle will begin again, in which socialism will take the place of the present-day conservatism and will be defeated by a future revolution yet unknown. Chayanov A. V. (1989) The journey of my brother Alexei to the land of peasant utopia. *The Venetian Mirror*. by V. B. Muravyov (Ed.), Moscow: Sovremennik.
 8. Most often researchers of Chayanov's work analyze his famous fantastical story *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia*. But we believe that in some other, primarily scientific works by Chayanov, it is possible to identify signs of the utopian thinking that constructs utopia. We primarily refer to such abstract-theoretical works as *On the Theory of Non-Capitalist Economic Systems* and *Experiments in the Study of the Isolated State*. In addition, Chayanov confirmed the status of utopia of his last futurological novel *The Possible Future of Agriculture*. Nikulin A. M. (2017) Chayanovian utopian visions: Looking for the balance under the crises of optima intensification. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1.

mous, but not only utopian work⁹. Chayanov created utopias throughout his professional life: it became a kind of the method to assess and anticipate the dramatic changes in the country and the world at the time (his predictions were often accurate to the year). A fascinating detail about Chayanov was that his diverse interests included astrology; perhaps, he used this symbolic system in his futurological constructions¹⁰.

In the 1920s, young Chayanov headed the scientific discipline, and his career was developing rapidly. He was the department head at the Timiryazev Agricultural Academy when he establishes and then headed the Research Institute of Agricultural Economics, the main international-level institution.

According to Alexander Nikulin, we can consider Chayanov's first utopian work as a collection of sketches on the economy of an isolated island state; it was written in 1915–1922 and published in 1923. At the outbreak of the World War I, Chayanov studied the disintegration of the market in general and of the agricultural market in particular. Later he changed the analysis of the empirical evidence of the autarkization¹¹ of global and peasant economies for the development of abstract models of interaction between capitalist and peasant economies in the autarkic space¹².

Surprisingly, in the politically volatile 1920s, when the Bolsheviks still had a tenuous hold on power and seriously feared peasant unrest, Chayanov published his second utopia, *The Journey of my Brother Alexei*¹³. As V. B. Muraviev, the researcher of Chayanov's

9. Nikulin A. M. (2018) Dreams of the Russian revolution in the utopias of Alexander Chayanov and Andrey Platonov. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 3.

10. It is necessary to note Chayanov's extraordinary social-political intuition which made him one of the first among his contemporaries to sense the profound changes in the spirit of the 1910s and 1930s, so aptly named as the era of catastrophes by the British historian E. Hobsbawm (2004). Each of Chayanov's efforts at utopian construction, as a rule, coincided with new catastrophic stages in the evolution of the society. Nikulin A. M. (2017) Chayanovian utopian visions: Looking for the balance under the crises of optima intensification. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1.

11. Autarky (Greek *autarkeia* — self-sufficiency) is the state policy of the regional economic isolation from the economies of other countries. Autarky is to create a closed, independent economy capable of independently providing itself with everything necessary. The highly restrictive tariffs on imports, an increase in prices for consumer goods, etc., are the main means of autarky. Barikhin A. B. (2010) *Big Legal Encyclopedia*, Moscow: Knizhny Mir.

12. Nikulin A. M. (2017) Chayanovian utopian visions: Looking for the balance under the crises of optima intensification?. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1.

13. Chayanov's book was written very quickly in 1919, as the author was under the time pressure of never-ending research and administrative work. Nikulin A. M. (2018) Dreams of the Russian revolution in the utopias of Alexander Chayanov and Andrey Platonov. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 3.

legacy, describes in the article *The creator of the Moscow Hoffmanniad*, the order to publish this utopian work most likely came from Lenin. There is evidence that Chayanov did meet with the Bolshevik leader and, although their views differed, Lenin (as an agrarian) could not but praise the gifted and extraordinary scholar and underestimate the power of Chayanov's "utopian fantasy"¹⁴. It should be noted that "Vera Pavlovna's utopian dreams in Chernyshevsky's novel *What Is to Be Done?* inspired a whole generation of revolutionaries"¹⁵.

Another evidence of Lenin's interest in publishing the book is the fact that the preface was written by the eminent party publicist V. V. Vorovsky (under the pen name P. Orlovsky), the head of the *Gosizdat*, the state publishing house. Instead of being banned outright, the book had been printed with a devastatingly critical preface: "We publish this utopia so that every worker and especially every peasant, who thinks about the great revolution we live in, knows how differently the future is envisioned by those who do not think the way we do, and is able to critically and consciously come to the conclusions of the enemy. This was a bold and unusual move aimed at neutralizing Chayanov's radical ideas. After all, the story questioned two key Bolshevik tenets: first, that in the revolution, the peasantry would follow the proletariat (*The Journey of my Brother Alexei* describes the victory of the peasant-led party); second, the feasibility of creating a federation of republics by the Soviet government (in the utopia, the federation collapses). Chayanov did not receive further scathing reviews after the book's publication, but the authorities issued an eloquent warning. In the following years, Chayanov was reluctant to turn to his 'folly' and even tried to cover up the fact that the book had been published: "I would actually prefer if nobody brought it up in Moscow"¹⁶.

14. It is not at all that great people tend to owe tribute to dreams — this is a facet of the utopian thinking and, contrary to popular belief, not the most important one. What is more significant is that utopians in their social views were the first to use the ability of the human mind to foresee the future. This discovery was highly appreciated by Lenin. In his book *What Is to Be Done?* Lenin quotes the words of Engels from the 1874 preface to the pamphlet *The Peasant War in Germany*: utopian socialists "ingeniously anticipated such countless truths the correctness of which we now prove scientifically". *Library of Contemporary Science Fiction* (1967), vol. 14, Moscow: Molodaya Gvardiya.

15. Pervushin A. (2019) *12 Myths About Soviet Fiction*, Saint Petersburg: AuraInfo & Gruppya MID.

16. "My big request to you, if you are going to publish a review on Kremnev's utopia, is not to disclose my pen name, and not to divulge too much about the historical part or any of the predictions, otherwise the disclosure of the pen name... would cost me too much, and I do not want to add fuel to the fire". A. V. Chayanov (2006) *The Moscow Hoffmanniad*. Afterword by V. B. Muravyov, comments by V. B. Muravyov, S. B. Frolov, Moscow: Ton-

The analysis of Chayanov's unique blend of ideas in *The Journey* on order to outline his main lines of thought is no small task. Despite his desire to create bold and whimsical hybrids (be they syntheses of cultural phenomena or economic systems), Chayanov is not neutral in his social-economic and historical-cultural preferences: "He is axiomatically convinced that the rural world of peasant farms is the foundation for the evolution of the global diversity of society. Chayanov acts as a leading representative of the ideology of agrarianism, contrasting his utopias with other ideologies and utopias, namely progressivism and urbanism, capitalism and communism"¹⁷.

The French scholar Basile Kerblay, whose research in the 1960s revived interest in Chayanov's works, describes Chayanov's ideology in his utopian book as follows: "This literary-political experience primarily aims to put forth an ideology that can oppose communism and be traced back to the traditional peasant system of land use. Indeed, in its content, the ideology proposed by Chayanov serves as a vehicle for concepts borrowed from Kropotkin — with his ideas of urban deconcentration, local autonomy and a diversity of one's activities suggested by then-fashionable theosophists and anthroposophists. Kerblay emphasized that it was Chayanov's wide range of interests, in addition to how boldly he constructed concepts that incorporate a variety of views and ideas, that drew him and other researchers to Chayanov's legacy"¹⁸.

Today, many scholars find hope and inspiration in Chayanov's ideas — both foreign researchers from France to South Korea and those from Russia, be they economists, literary critics, peasant and agrarian scholars, and independent researchers. At the last annual Chayanov Conference held at the Moscow School of Social and Economic Sciences, a section was devoted to his literary works. One of the questions was if it was possible to define with certainty *The Journey of My Brother Alexei* as a utopia? Features of both utopia and dystopia are intertwined in it. A meta-utopia, a fairy tale, a futurological novel — we can define this work in different ways¹⁹.

chu. "Since I have no wish to end up in Lubyanka upon my return to Moscow, I ask you again to submit this review for my approval... In general, I would prefer that this work was not brought up in Moscow" (Ibid).

17. Nikulin A. M. (2017) Chayanovian utopian visions: Looking for the balance under the crises of optima intensification. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1.
18. Kerblay B. (2018) Chayanov. The evolution of the agrarian thought in Russia from 1908 to 1930: At the crossroads. *Russian Peasant Studies*, vol. 3, no 4.
19. To some extent, Chayanov's utopia rethinks the ways to revitalize the cause in his agrarian ideology perspective which fully embodied the ideals of the February Revolution led by the alliance of bourgeois, populist and social-democratic parties. In general, Chayanov's utopia is a 'pink' progressive utopia of a moderate agrarian. Nikulin A. M. (2018) Dreams of the Russian revolution in the utopias of Alexander Chayanov and Andrey Platonov. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 3.

In 1928, the grain procurement crisis ruptured the link between urban and rural areas as established under the New Economic Policy (NEP). The Bolshevik leadership sought to overcome it with the non-economic methods of forced seizure of grain from peasants, while expediting ambitious plans for the industrial development of the first five-year plan. At this time Chayanov wrote his third utopia. “The article is published in the collection *Life and Technology of the Future: Social, Scientific and Technical Utopias* on the very eve of collectivization, which means that Chayanov was already compelled from making specific social predictions and preferred to focus on science and technology”²⁰.

In his last utopian work, Chayanov follows some ideas of *The Journey of My Brother Alexei*. Nikulin notes that, “for instance, the words ‘peasantry’ and ‘peasant’ almost do not appear in the text”. Chayanov was aware of the impending technological (anti)utopia which threatened the peasant world that fascinated him and that he loved so much. He had already realized that industrialization was irreversible, and the strengthening Soviet state would risk implementing the most audacious and cyclopean projects that would turn the social order of agrarian Russia upside down. However, he could not yet predict what exactly these projects would be. Chayanov aptly foresaw the onset of the pivotal events and crises: it was in moments of premonition, shortly before everything started to change, that his utopias were written²¹. Chayanov’s statements show his critical attitude to collectivization and ‘proletarianization’ of the peasants. He questioned the Bolshevik approach to the peasantry as a bearer of petty-bourgeois ideology, a “relic of the past” or “proto-matter”, and explained this position by the fact that managers “had economic experience only in the manufacturing industry and could think only in terms and forms of their organic experience”. In his third utopia, Chayanov describes his environmental project, devoting the last two sections (9 and 10) to climate regulation. The concept of ‘manageable climate’ which allows to predict harvests, cause precipitation and reflect military aggression (via special devices ‘meteorophores’) had

20. Nikulin A. M. (2017) Chayanovian utopian visions: Looking for the balance under the crises of optima intensification. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1.

21. Perhaps, it is in the anticipation of the impending ‘great turning point’ of collectivization and the ‘big leap forward’ of industrialization, Chayanov postulates in the introduction to his final utopia a certain initial difference between agriculture and industry, and in the finale of his utopia he promises to show how the agrarian development will eventually end in “a complete catastrophe and the abolition of agriculture”, after which the remains of agriculture will be “decorative gardening, turning the surface of our planet into parks, and, perhaps, the production of some fruits and wines, whose subtle flavor and aromas will not be substituted by mass production for a long time”. Nikulin A. M. (2017) Chayanovian utopian visions: Looking for the balance under the crises of optima intensification. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1.

already been explored by Chayanov as the science fiction writer in *The Journey*, and now it was explored by Chayanov as the scholar²².

Based on the examples, he showed how the humanity of the future would predict long- and short-term weather fluctuations and crop yields. According to Chayanov, “all agriculture will turn into a measured, precisely established production system, just like our manufacturing industry... Every millimeter of sunlight falling on the earth will encounter a vegetation surface on its way, which will absorb this solar energy with an efficiency never seen before, and not a single drop in our irrigation systems will go to waste, contributing to the capture of the sun’s energy”. Nikulin notes that Chayanov described only solar energy and not, for instance, nuclear energy (like Alexander Bogdanov).

After years of peasant studies and searches for a solution to the agrarian question, Chayanov makes two paradoxical conclusions in his last utopia: the peasantry will disappear, and the need for agriculture as we know it will become obsolete. He describes the future world with areas around cities turned into gardens or free green zones. This is a much bolder assumption compared to the ideas of *The Journey*, in which cities also became green oases, but the land around ‘polises’ serves the agricultural peasant production by the inhabitants of future utopian Russia.

In this regard, we can mention the work of our contemporary, geographer Boris Rodoman, and his concept of Russia’s “ecological specialization”²³. Rodoman proposes to change and expand the role of Russia as a supplier of natural resources and a guarantor of the conditions necessary for the survival and development of all mankind. He argues that the country’s wealth does not consist of specific minerals or biological resources but rather of the entire natural landscape, or “the totality of the natural components of the cultural landscape”. The preservation and maintenance of this most important part of the biosphere should become a prioritized sector of the Russian economy. “Our country’s ecological specialization on a global scale is desirable: the transformation of most of its territory into national parks, nature reserves, as well as into hunting, fishing and other semi-wild acreage, all used within the limits of the natural biomass growth”²⁴.

The path envisioned by Chayanov towards “utopian green Russia of the future” and Rodoman’s project of turning the country into a global ecological ‘donor’ imply the need to abandon militaristic policies. Both are surprisingly contemporary but radical for the country

O. Shirokostup

A cultural worker’s
reflections
on Alexander
Chayanov’s peasant
meta-utopia

22. Chayanov develops the same utopian ideas of controlling climate and crop yields in the 1928 article: Chayanov A. V. (1928) The possible future of agriculture. *Life and Technology of the Future: Social and Scientific-Technical Utopias*, Moscow–Leningrad: Moskovsky Rabochy.

23. Rodoman B. (2017) Ecological specialization as a desirable future for Russia. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 3.

24. *Ibid.*

Notes on the Russian utopia as a cultural project

This is precisely why peasant leaders and ideologists had previously sought to make a cultural revolution in rural Russia, to drag it out of the ennui and simplicity of the traditional rural life. They awakened the social energy of the masses, channeling into the countryside whatever culture available in the uyezd and volost theaters, uyezd museums with their volost branches, people's universities, sports of all shapes and forms, choral clubs — everything including religion and politics — could offer to stimulate the villages' culture.

A. V. Chayanov

I will briefly describe the cultural situation described in *The Journey of My Brother Alexei* and then will elaborate on the context in which culture exists in this utopia. I will also explore the ways in which the power elite influence culture in both Chayanov's utopia and today's Russia. These comparisons might make little sense due to one important difference: in Chayanov's utopia, the state is abolished²⁵; while the enlightened oligarchic elite, the so-called ‘augurs of the spirit’, remain intact. Nikulin defines the utopia's model of governance as artistic populism, mainly due to the key role of culture: “In general, Chayanov's *The Journey of My Brother Alexei* is a kind of conservative-traditionalist ‘artpop’: artistic populism”²⁶. This last point is of particular interest but is beyond the scope of this article.

The fictional Alexei Minin is a bright representative of the power elite in the book. In the conversation with the protagonist, he emphasizes that for his country in the 20th century, issues of cultural influence and development were no less and perhaps even more important than economic ones. In fact, Minin talks about the need in a cultural project that creates a ‘movement from the center’ to regions and praises the need in an oligarchic ‘gift’ from elites to the people. It is hard not to compare the situation in Chayanov's book with the one we observe in Russia today, with the regional branches of the largest state cultural institutions being built (like ambitious projects by ‘the Big Four’ of

25. We are especially cautious of the state, which we make use of only when necessary. All social progress is ultimately in the fact that the circle of people who drink from the primary source of life and culture expands. Nectar and ambrosia have already ceased to be the food of only Olympians, and now adorn the hearths of poor villagers. Chayanov A. V. (1989) *The journey of my brother Alexei to the land of peasant utopia. The Venetian Mirror*, V. B. Muravyov (Ed.), Moscow: Sovremennik.

26. Nikulin A. M. (2020) *Chayanov's School: Utopia and Rural Development*, Moscow: Delo.

Russian museums), which means the expansion of the country's few private institutions into its faraway regions in recent years.

At the same time, Minin gives an unambiguously negative assessment of the state apparatus' work in regard to art, while remaining skeptical of a possibility to develop a grassroots artistic initiative without 'warming up from above': "Another consequence of democratizing national income is a significant reduction in patronage and in the number of idle people, that is, the two substrates that have largely nourished art and philosophy. However, I must confess that the amateur peasant art, somewhat warmed up from the center, was able to solve this task"²⁷. The utopian Russia of the future believes in the possibility of grassroots self-organization at all levels (self-organization is encouraged by the government, and for the peasantry it is familiar and natural). Moreover, the initial participation of the state and capital in the cultural project led to the grassroots demand, shaping the need of rural communities to support and purchase art²⁸.

Perhaps Chayanov's model gives us hope that in the future, when the state influence on culture weakens, projects 'from above' will be 'intercepted' 'from below' and rethought²⁹. In Chayanov's utopia, it is artists and cultural institutions that play the key role in the structure of social relations. We can continue to create utopian roadmaps, looking for alternatives to economic, environmental and social models of society, while offering other ways for cultural projects at the institutional level.

To some extent, through his characters, Chayanov argues that a good test of whether a country's economic and social experiment succeeded is an analysis of how its cultural project were implement-

O. Shirokostup

A cultural worker's
reflections
on Alexander
Chayanov's peasant
meta-utopia

27. Ibid.

28. There is also a competition of rural communities for artists to work in them: in fact, this serves as a kind of long-term residency — the artist receives support and commissions from local peasants: "You know Mr. Charlie, not only the works of artists but also artists are in demand. I know more than one case when a parish or a county paid significant sums under long-term contracts to an artist, poet or scientist for simply moving to their community. You must agree, all this is reminiscent of the Medici or the Gonzaga during the Italian Renaissance". For art to flourish, it requires increased social attention and an active and generous demand. Now both are evident... with the current development in rural areas, frescoes are ordered to cover hundreds if not thousands of square *sazhens*... There is a considerable private demand. Chayanov A. V. (1989) The journey of my brother Alexei to the land of peasant utopia. *The Venetian Mirror*, V. B. Muravyov (Ed.), Moscow: Sovremennik.

29. Kremnev sprang to his feet stunned: "Don't worry, Mr. Charlie. First of all, no strong personality will feel even a hint of our tyranny, and, second, you would have been right about thirty years ago: back then our system was an oligarchy of gifted enthusiasts. Now we can say: "Nunc dimittis!" The peasant masses have matured to actively participate in shaping the public opinion in the country". Chayanov A. V. (1989) The journey of my brother Alexei to the land of peasant utopia. *The Venetian Mirror*, V. B. Muravyov (Ed.), Moscow: Sovremennik.

ed. The legitimacy of the new system of utopian Russia is justified by a robust culture accessible to all (and well-organized in the managerial sense), and Moscow's existence is justified by the unification of these cultural forces.

Moscow as a social being

*Kremnev looked around with amazement:
instead of the Cathedral of Christ the Savior,
golden and shiny like a Tula samovar,
he saw gargantuan ruins covered in ivy
and evidently carefully maintained.*

*What awaits me behind these walls? The wonderful land of socialism,
enlightened and consolidated? The wild anarchy of Prince Pyotr Alekseevich?
The return of capitalism? Or, perhaps, some new, previously unknown social system?*

*As far as I could tell from looking out of the window, one thing was clear:
people live at a fairly high level of culture and prosperity, in peaceful coexistence.*

A. V. Chayanov

To imagine a different culture and a different system of social relations in Russia, we should first imagine a different Moscow: an alternative concept of Moscow as an 'Octopus-city'³⁰ sucking the life out of all Russia, as a concentration of human and financial capital. *The Journey of My Brother Alexei* gives us inspiration to do so for Chayanov describes a utopian Moscow of the future: it is no longer a city but a place for cultural leisure, "a place, not a social being".

I will draw a (somewhat dubious) analogy with contemporary Russia: Moscow of Chayanov's utopia is basically a sprawling, city sized Zaryadye Park (opened with fanfare in 2017) but more wholesome. It is worth noting that the construction of Zaryadye was preceded by a 'purge' of the historically significant part of Moscow's center. Moreover, there is the controversial framing of Zaryadye as a "gift from the authorities to the citizens", as explored in the study entitled *Zaryadyology* by Michał Murawski, Margarita Chubukova, Daria Volko-

30. The drama of Moscow as a region, according to the saying, is that it is a large village (today rather a mega-village overpopulated in its own urban-agrarian way). The large village in the Russian social history is often associated with a number of very contradictory qualities. As a rule, the large village is rich, enterprising, commercial, but at the same time aggressive and quarrelsome, exploiting and dominating neighboring small- and medium-sized villages. Once, during the years of collectivization, Moscow took up arms against the kulaks, uprooting indiscriminately huge layers of ordinary hard-working peasants. And since then, having 'liquidated the kulaks as a class', Moscow, the large village, has steadily turned into a kulak village in the darkest sense of the word, into a mega-leech parasitizing on the vast expanses of Russia in various administrative and speculative ways. Nikulin A., Nikulina E. (2016) Moscow: From big village to mega-village. *Friendship of the Peoples*, no 9.

va and a team of the invited authors: “Zaryadye is almost but not quite an ‘organic empire of blooming complexity’. The sacred center of mayor Sobyanin’s Moscow, this is (as Kalgaev puts it) “both a gift from Putin and an American project”, not only a city-gift but also a product, an artwork by not only Belyaev-Gintovt, but also Zhilyaev, which tries to encompass more contradictions than it can contain, acceptably control or please”³¹.

And if in today’s Moscow Zaryadye is an “organic empire in the times of decline”, then Chayanov’s Moscow is its accelerated, utopian version. The duality inherent in the very design of the park, combining state control and the flowery complexity of pretend diversity, can also be seen in Chayanov’s complicated utopian project of Moscow of the future.

Moscow in the *The Journey* remains the only megacity (just like today) but lacks the opportunity to concentrate financial, industrial and economic forces: its capital is purely cultural³². “Moscow in Chayanov’s utopia is no longer a capital in the traditional sense: an imperialist city for which the rest of the country serves as a subservient pedestal to feed on. Instead, it is just a cultural-managerial center, the first among other rural-urban centers for culture and communication, both large and small, and equal to it”³³.

Not only Moscow is reshaped, but also the relationship between the capital city and its territorial subjects. Russia’s people of the future do not see the capital as a city for living, choosing instead its satellite villages: “The whole country is an extended agricultural settlement around Moscow, stretching for hundreds of miles interrupted only by squares of public forests, strips of cooperative pastures and vast climate parks”³⁴.

Moscow remains significant only as a symbolic center of the broader network, which justifies its existence. One cannot live here — there are nicer places for that. Moscow lost both its industrial complex and significance; it underwent —if the term is appropriate — a radical gentrification. The capital changed its borders and lost most of its

31. Murawski M. (2017) Zaryadyology. *Urban Studies and Practices*, vol. 2, no 4.

32. You see, before the city was self-sufficient, the village was nothing more than its pedestal. Now there are no cities at all, there is only a place serving as a hub for social connections. Each of our cities is just a gathering place, a central square of the county. This is not a place for living but a place for celebrations, gatherings, and some affairs. A place, not a social being”. Chayanov A. V. (1989) The journey of my brother Alexei to the land of peasant utopia. *The Venetian Mirror*, V. B. Muravyov (Ed.), Moscow: Sovremennik.

33. Nikulin A. M. (2018) Dreams of the Russian revolution in the utopias of Alexander Chayanov and Andrey Platonov. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 3.

34. Ibid.

buildings; in Chayanov's utopia, the creation of cultural Moscow — a new type of city equipped not for life, but for implementing a cultural project — is called 'the great barbarity' for everything that was no longer of cultural value was destroyed. On the one hand, the author's position is clear: no grand vision justifies barbarism. On the other hand, Chayanov describes the Moscow of his dreams, which fascinates him, and everything that he appreciates and loves about it, is preserved. Apparently, Chayanov could not completely and unambiguously decide whether his vivid depiction of the city was a utopia or a dystopia, his dream or his fear.

Chayanov's vision of the city's radical redevelopment implies a (careful, tentative) comparison with Stalin's urban planning policy. In the 1920s, Chayanov could not have known that hundreds of buildings in Moscow would be replaced by the first massive high-rises, and he did not witness the new country's 'utopian city in the city' erected by *udarnik* collective farmers in 1939 (VSKhV, now VDNKh, *Exhibition of Achievements of National Economy*, was opened on August 1, 1939); however, he anticipated such grandiose changes³⁵.

I will assume that Chayanov did not want to build a new city, he wanted to go back to the old one when investigating the ley trends of his time. As an amateur scholar of Moscow, a collector of ancient ruins in the maelstrom of revolutionary changes, and a witness of rapid transformations in all spheres of life, Chayanov wanted to simultaneously remove all superfluous things and return the image of that old, mysterious Moscow, which he loved so dearly and wanted to dedicate his fiction to. According to Natalia Mikhailenko, he wanted to create an image of the city of the future, a man-made 'new Babylon' — eerily different and inviting³⁶. Therefore, he transferred his beloved image of medieval Moscow into 1984 and saturated it with biblical allusions from the classical art that he so highly valued³⁷. The

35. The scientist may have attended the opening of the All-Russian Agricultural and Handicraft Exhibition in Gorky Park in 1923 (and could have seen, for example, the 'Hexagon' pavilion built by Ivan Zholtovsky). It is Zholtovsky's bureau in Chayanov's utopia that is responsible for the reconstruction of the entire Moscow metropolitan area.

36. How everything has changed. The stone hulks that once lined the horizon had disappeared, entire architectural ensembles were missing, the Nirnsee House was not where it used to be. And everything was buried in gardens... sprawling clumps of trees flooded almost the entire space to the Kremlin, leaving lonely islands of groups of buildings. Streets and alleys crossed the green, already yellowing sea. Lively streams of pedestrians, cars and carriages poured down them. Everything breathed a distinct freshness, a confident cheerfulness. Undoubtedly, it was Moscow but a new Moscow, transformed and enlightened. Chayanov A. V. (1989) The journey of my brother Alexei to the land of peasant utopia. *The Venetian Mirror*, V. B. Muravyov (Ed.), Moscow: Sovremennik.

37. The minds of the utopia's citizens are dominated by the 12th-century Suzdal frescoes, "the realm of realism with Pieter Bruegel as an idol". The image

question remains: how can you bring into the future what is crumbling before you? Chayanov's utopian Moscow is an attempt to imagine this transfer.

Alexey Kravchenko. *From Struggle to Construction*, 1927

O. Shirokostup
A cultural worker's
reflections
on Alexander
Chayanov's peasant
meta-utopia

In lieu of a conclusion

Chayanov's futurological works were written in different genres, his fantastical constructs seeped into academic articles, blurring the boundaries between scholarly and creative research. Today we would say that Chayanov conducted artistic research, blending methodologies from various areas of knowledge. Chayanov as the scholar was "fundamentally open to what is possible": by freeing knowledge from the yoke of rigidly defined disciplines, his research was performative in nature and modelled both possible and impossible scenarios.

Therefore, it is appropriate and even necessary to further develop his ideas in contemporary art, in artistic practice. Unlike academic research, the artistic research presupposes (does not exclude) speculation and confabulation, i.e., we can continue to think like Chayanov and with Chayanov.

In addition to interdisciplinary collaborations, we, workers of art and culture, can offer academic researchers of Chayanov's legacy new and unexpected frameworks for his ideas.

Размышления деятеля культуры о «Крестьянской метаутопии» Александра Чаянова

Ольга Широкоступ, куратор проектов в сфере современного искусства, независимый исследователь, преподаватель магистерской программы «Практики кураторства в современном искусстве» НИУ ВШЭ и Музея «Гараж». 127474, Москва, Дмитровское шоссе, 70. E-mail: shirokostup@gmail.com

of the Tower of Babel was significant for historians and theologians: *Babel* by Y. Rodenberg, *The Tower of Babel* by M. N. Albov and K. S. Barantsevich, *Muscovite; Abroad* by V. O. Mikhnevich. Perhaps, some of these works were read by Chayanov, who had a unique library for which he was granted a state security certificate in 1918. The symbolism of the Babylonian Empire and the Tower of Babel can be seen in Chayanov's *The Journey of My Brother Alexei* in separate strokes and flourishes, as if pushing the reader to deducing it. Mikhaleiko N. V. (2016) The symbolism of the Tower of Babel in A. V. Chayanov's *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia*. *Issues of Historical Poetics*, no 14.

**О книге В. Ф. Башмачникова с соратниками
и единомышленниками «Фермерство семейного
типа: потенциал, практика развития»**

**Башмачников В. Ф. (2022). Фермерство семейного типа:
потенциал, практика развития: Монография/
Башмачников В. Ф. [и др.]; под науч. ред. В. Ф.
Башмачникова. М.: ООО «Брейн Принт». — 470 с.
ISBN 978-5-6047520-8-1**

Э. Н. Крылатых, Е. Ю. Фролова

Эльмира Николаевна Крылатых, академик РАН, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова — филиал ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: elmira-kr@yandex.ru

Елена Юрьевна Фролова, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова — филиал ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: efrolova@inbox.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-148-164

В книге «Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития» исторический ракурс сочетается с научным содержанием и дополняется публицистикой. И это вполне естественно — все книги серии «Фермерству в России быть!» написаны на злобу дня, в них рассматриваются существующие конфликты интересов власти, бизнеса и даже нас, читателей, как потребителей и граждан своей страны. Потому что как потребители мы не склонны задумываться, кто нас обеспечивает продуктами и какая там политика партии и правительства, главное, чтобы продукты были доступны и желательны по приемлемой для нашего кошелька цене. С наполнением кошельков, увы, дела обстоят все хуже и хуже. А как граждане мы мечтаем о процветающей стране, в которой производят лучшие на свете продукты, да которая еще и мир кормит. Это верно... но в магазинах мы помним только про кошельки.

Еще один аспект любой из книг этой серии — насыщенность информацией и возможность практически «вживую» увидеть, как создаются и функционируют фермерские хозяйства, из чего складывается благосостояние фермера и его семьи в разных регионах страны. К числу очень ценных сведений относятся примеры использования господдержки. Фактически перед нами инструкция по применению этих программ.

При этом книги читаются очень легко, написаны живым языком, в них включены «интриги» — полудетективные истории неприменных конфликтов, которые случаются в общественных организациях в среде самих фермеров и их представителей. Что тоже информативно и полезно. Договороспособность аграриев не на высоте, и это одна из существенных причин неудач при организации совместной деятельности.

Но, пожалуй, второй том с подзаголовком «Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития» по широте охвата проблем и по глубине их проработки следует признать лучшей книгой всей серии.

Книга была написана в период критически важного для всего мира события — пандемии, заставившей даже наиболее одиозных приверженцев идеи «импорт наше всё» (да, такие в РФ оставались и после 2014 года, технологии-то западные) понять, что перекрытие границ вполне возможно, и понятие продовольственной безопасности вовсе не абстрактная идея озабоченных рейтингами политиков. А вышла она в свет уже в 2022 году, когда мир окончательно изменился.

Об аграрной политике РФ написано очень много. Уже с 2014 года «импортозамещение» стало лозунгом номер один. По мере уменьшения доходов населения ориентированность на экспорт также стала необходимым элементом аграрной политики (в принципе, экспорт продуктов питания при достаточно обеспеченном и платёжеспособном внутреннем спросе — вещь экономически очень полезная).

Здесь хочется сделать отступление (но навеянное книгой) и еще раз оценить истоки государственной аграрной политики до событий 2014 года, политики, которая поддерживалась в том числе и представителями экономической науки.

Есть очень простое объяснение мотивации людей, которые вели бизнес в 2000-е годы, — в стране, в которой производство практически было разрушено во всех сферах сразу. Проще всего вести торговлю. Возиться с производством, когда так часто меняются правила ведения бизнеса, отсутствует идея саморазвития, современное машиностроение, кроме как в топливно-энергетическом комплексе (да и там в основном поставки оборудования от Siemens и др.), — да зачем, когда все можно закупить у европейских и других соседей?

Но скоропортящиеся продукты питания приходится производить все-таки вблизи потребительских рынков: логистика способна «съесть» всю прибыль. Поэтому производство продуктов питания активно развивалось — на импортных технологиях и оборудовании, но на российском сырье. Да и до 2010 года Россия давала прекрасные возможности роста продаж, то есть была привлекательна для экспортёров и для размещения пищевых производств внутри страны.

За десятилетие (2000–2010 гг.) в России выросли крупнейшие перерабатывающие пищевые компании в разных отраслях, они благополучно консолидировали рынки и были счастливо проданы российскими владельцами глобальным иностранным компаниям — ведущим игрокам на мировом рынке. Вимм-Билль-Данн, который в момент расцвета имел почти 50% национального рынка молочных продуктов, ушел к «Пепси-Коле», «Юнимилк», вторая по значимости компания, имевшая еще 37–40% национального рынка, — группе Данон. В остальных пищевых отраслях действовали другие игроки и тоже шли сделки слияния/поглощения. У владельцев это называлось «зафиксировать прибыль». Что печально — большинство собственников российских компаний мечтали продать свои активы именно иностранным игрокам.

Ну а при чем здесь фермеры? С 2006 года началась системная реализация программ поддержки в сельском хозяйстве, и сельскохозяйственный крупняк пошел в рост. А как могло быть иначе, если большим компаниям требовался огромный объем качественного сырья? Где было его взять здесь и сейчас? Не у фермеров же. Нужны были мегафермы или огромные площади, скажем, подсолнечника.

С горя переработчики даже сами заводили фермы на 1000–6000 голов скота, становились вертикальными холдингами, но с коровами управляться сложнее, чем с оборудованием по производству йогуртов. От ферм в итоге постарались избавиться, но справедливости ради следует отметить, что у любого крупного молочного холдинга существуют программы лояльности — поддержки своих поставщиков, в том числе и фермеров, что не мешает сторонам время от времени срываться в ценовые войны. Похожая картина складывалась и в других пищевых отраслях.

Дефицит молока и высокие цены стимулировали творческую активность технологов по применению всяких немолочных ингредиентов и породили тесные связи производств растительных масел и молочных компаний. Представляется, что технологии «оптимизировались» не только в молочной отрасли....

Вернемся к книге. Сделанное отступление — это попытка объяснить, что политика по отношению к мелким сельхозпроизводителям просто не могла быть иной в годы, когда «на крыло вставал» крупный бизнес. И развивался он по западным стандартам. Учились у западных наставников: маркетинг, продвижение на рынки, новые продукты, маржинальность... новые понятия новой жизни. Да, еще стоит упомянуть, что продавать товар в экстремальных количествах в магазинах формата «гастроном у дома» или на рынках не получится. Для обеспечения огромных объемов продаж нужны соответствующие форматы продаж. И они тут же появились! Или прямо «оттуда» пришли, или в слегка русифицированной версии. Метро, Ашан, Реал, Перекрёсток (прямой перевод названия французской торговой сети), и уже потом — чисто российские варианты, но по западным же образцам. Магнит, Пятёрочка и т. д.

Фермеры как поставщики? Три мешка картошки неизвестного качества без упаковки? Очень смешно. Вам, товарищи, на рынке место, а не на полке уважающей себя сети.

Западные учителя давали стандарты рыночной стратегии, которые в итоге позволяли им получить контроль над российским бизнесом. Это тоже отдельная страница истории.

Наиболее значимых игроков российского рынка западные компании выкупили — за соответствующую цену. Правильно структурированный российский бизнес в общем-то был куплен не за три копейки. Вопрос — а как на это смотрела антимонопольная служба, которая одобрила немислимые сделки по покупке иностранцами крупнейших компаний, закрывающих более 50% рынка продуктов первой необходимости? Наверное, через телескоп, не иначе.

На этом фоне формировалась российская аграрная политика, которая демонстрировала глубокую приверженность к достижениям компаниями гигантских размеров (по меркам РФ, разумеется). Огромную роль сыграли лоббисты — представители крупного бизнеса. Фактически это показано в книге. Давайте вчитаемся:

«Государственное влияние на процессы концентрации земли и других важнейших производственных ресурсов в руках земельных магнатов агропромышленных королей осуществлялось *через механизмы государственной финансовой поддержки отрасли сельского хозяйства*» (с. 15).

И еще один пассаж (речь идет об империи Штефана Дюра): «Последовали победные реляции, появился ореол славы талантливого не просто менеджера, а масштабного организатора. На такой основе развернулось грамотное лоббирование, которое обеспечило Ш. Дюру зеленую волну в получении государственных льготных кредитов и инвестиционных компенсаций. Быстро стало расти его молочное хозяйство — “молочная империя”» (с. 19).

Вопрос: а кто были эти самые лоббисты? Конечно, лоббистами прежде всего были и остаются руководители отраслевых союзов — на то они и становятся рупорами отраслей. Но это внешние лоббисты. А есть внутренние. Решения о механизме действия и о выделении средств на меры господдержки, которые получают конкретные юридические лица, принимает государственный орган — Минсельхоз РФ или Минэкономразвития РФ. А в этих министерствах кто занимает соответствующие должности? Да те же самые менеджеры — выходцы из крупных компаний, инвестибанков, словом, люди, первую половину жизнь положившие на получение почетного звания эффективного высокооплачиваемого менеджера и приобретение не просто западного опыта, а идеологии правильного ведения бизнеса, а вторую — на государственную службу, на которой они используют весь багаж знаний, полученных в бизнесе. К тому же связанные дружескими связями, скажем так, с владельцами многих компаний. И что от них можно ожидать? Проникновенной люб-

Э. Н. Крылатых,

Е. Ю. Фролова

О книге В. Ф. Башмачникова с соратниками и единомышленниками «Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития»

ви и понимания к предпринимателям, которые не входят в состав крупных холдингов и ничем им не полезны?

Так что удивительно не то, как мало получали фермеры в годы стремительного роста агро- и перерабатывающего бизнеса. Удивительно, что они не только сохранились, но и начали переламывать тенденции, которые долгое время безоговорочно складывались в пользу крупных нероссийских компаний. Почему нероссийских? Василий Якимович Узун упоминает про информационную систему «СПАРК-Интерфакс». Поинтересуйтесь, кто является конечными бенефициарами крупнейших российских агрохолдингов и перерабатывающих компаний.

Рынки за 20 последних лет пережили массу трансформаций. А мы сейчас переживаем почти революцию. И этот момент уловлен и прекрасно описан в книге. Помните, как когда-то про революционную ситуацию писали: верхи не могут жить по-прежнему, низы не хотят... и тут начинается новая жизнь. Вопрос, конечно, какая.

У нас наступил момент, когда у «верхов» — крупного и крупнейшего агробизнеса возникли проблемы. Их довольно много, самая чувствительная — падение покупательной способности населения, нехорошее стремление российского покупателя экономить на еде и прочие вредные привычки. В годы кризисов россияне рвутся к земле, массово начинают любить собственноручно выращенную на приусадебных участках картошку и морковку, заводят клубнику, малину, смородину, начинают делать собственные заготовки, даже заводят себе кур — демонстрируют просто аморальное с точки зрения бизнеса поведение. Но это лишь часть проблем. Финансирование стало малодоступным, такие варианты, как выпуск облигаций, размещение ценных бумаг на иностранных биржах — закрыты, да даже сделки с оплатой необходимых запчастей, оборудования и прочего стали большой головной болью. Логистика превратилась в квест. Жизнь бизнеса стала намного сложнее, и чем он крупнее, тем больше приходится решать проблем.

Но ситуация стала меняться еще до этих драматических изменений 2022 года. И в книге есть масса свидетельств о том, что политика поддержки крупняка уже перестала быть эффективной из-за проблем внутри самого крупного бизнеса (однако не во всех отраслях и не сразу. Всеум свое время). Замечательно об этом говорит Д. В. Снетков, директор по связям с общественностью Национального союза производителей говядины (НСПГ): «При анализе возможностей и ограничении рынка мясного скотоводства мы имеем парадоксальную ситуацию, которая, однако, накладывает существенные ограничения на рост отрасли. Несмотря на рост поголовья КРС в фермерских хозяйствах, рост поголовья КРС в сельскохозяйственных предприятиях остановился и даже падает. Многие крупные хозяйства просто разорились или находятся на грани закрытия» (с. 204). «Проблема в том, что в самом нача-

ле старта развития мясного скотоводства в нашей стране (начиная где-то с 2009 года) уже сразу была сделана ставка на отраслевое развитие в формате больших мясных ферм по 3–5 тыс. голов коров, где места фермеру просто не нашлось. В отрасль вступали все новые и новые крупные инвесторы, которые шли именно по такому заданному формату» (с. 204).

Д. В. Снетков представляет собой вроде бы типичного отраслевого лоббиста. По крайней мере, должен представлять. И вдруг мы читаем:

«Необходимо отметить, что нашему отраслевому союзу (НСПГ — Национальному союзу производства говядины), начиная с 2016 года (когда стало понятно, что надо что-то менять) стоило немалых усилий переключить фокус внимания в мясном скотоводстве с мраморной говядины и стейков (мясо для богатых) в сторону развития сельских территорий, вовлечения земель в оборот, предпринимательства и создания рабочих мест. И тем самым придать отрасли мясного скотоводства совершенно другое значение» (с. 205).

Разве это не революция? Самая настоящая. Отраслевой лоббист! Не о доходах пишет, не о пользе трансфертных цен, которые могут все решить, лишь бы фермеры согласились уступить свои прибыли Мираторгу или кому-то другому, а о «мясном скотоводстве, как социально-политическом направлении развития сельских территорий, ввода земель в оборот, кооперации и дополнительных рабочих мест» (с. 206)¹.

И читаем у него совсем уж потрясающую вещь: «Американские законодатели понимают, что помимо собственно производства существует такая реальность, как сельская местность, со всей ее социально-экономической инфраструктурой. Эта местность — источник американской нации, ее самобытности. И эта реальность имеет не менее важное значение, чем общие цифры и достижение производства» (с. 202)².

А мы? Наше правительство? Мы понимаем, что наша сельская местность — источник российского народа, его самобытности? Кое-где, безусловно, понимают. В Татарстане, например, в Якутии. В Московской области и в целом в Центральном регионе с пониманием тяжеловато.

Ну и что скотобизнес? Воспринял свежие идеи? Читаем дальше.

Д. В. Снетков: «Забегая вперед скажу, что за последние 5 лет в отрасли, несмотря на принципиальное изменение цели по-

1. Цитата Д. В. Снеткова из резолюции круглого стола Комитета Государственной Думы по аграрным вопросам.

2. Цитата Д. В. Снеткова из статьи «Центр аграрных проблем Института США и Канады РАН: Правительство РФ делает все, чтобы отечественное сельское хозяйство так и не стало драйвером экономики». 30 марта 2018 года.

строения новой отрасли мясного скотоводства, всё-таки не появился ни один крупный проект по системе кластера или кооперации. Правда, были предприняты со стороны некоторых игроков крупного бизнеса довольно прямолинейные и простые действия в сторону фермерского сообщества, которые, однако, не дали никакого значимого эффекта. Более того, были сделаны выводы, что это невозможно и все такое. И я могу это объяснить, почему они так сказали. Да потому что это непросто!!! И еще потому, что крупный бизнес не готов и тем более не хочет решать эту задачу в одиночку!» (с. 206).

Вот так! Не хочет бизнес решать, и все тут! И не будет! Но стоит еще раз вчитаться в этот замечательный пассаж: «...были предприняты со стороны некоторых игроков крупного бизнеса довольно прямолинейные и простые действия в сторону фермерского сообщества...» На наш взгляд, это замечательное признание — крупный бизнес пытается выкручивать руки, мягко говоря, жесткими методами, но сейчас не 1990-е! Однако важно это отметить — что такая практика существует и в любой момент может быть возобновлена.

Читаем главу VIII «О причинах роста производства говядины в семейных мини-фермах мясного профиля (или эффект семейной самоорганизации в производстве говядины)», написанную д.э.н., профессором Владимиром Федоровичем Башмачниковым. В подразделе главы «Нарождающийся опыт производственно-хозяйственного обслуживания фермерских скотоводческих хозяйств в России» есть описание опыта формирования связей между фермерами и крупным бизнесом: «В Воронежской области под патронажем бывшего губернатора А. В. Гордеева была создана компания «Заречье», которая организовала выращивание мясного скота на всех стадиях по традиционной для России схеме бригадами наёмных работников в СХО. По настойчивой просьбе губернатора часть мясных коров была передана по контрактам на получение и выращивание телят десятку фермерских хозяйств. К сожалению, воронежский эксперимент не удался. Сегодня хозяева компании «ООО “Заречное”» по этому поводу поясняют, что: перед ними стояла задача *быстро нарастить большие объёмы товарного мяса для погашения больших кредитов*. Чтобы обеспечить решение этой задачи с участием фермеров, нужны были многие сотни крепких КФХ. А таких в Воронежской области имеется лишь несколько десятков. Компания не может заняться «выращиванием» фермеров — пусть это делает государство» (с. 199).

Нет, не совсем так. Точнее, совсем не так. И в этом случае фермеры оказались не идиотами и отказались расплачиваться за чужие кредиты собственным горбом. Вот и подтверждение в более дипломатичной форме: «Однако в таком объяснении ещё не вся правда. Существует фермерская версия провала эксперимента. В воронежской региональной фермерской ассоциации рассказали, что фермеров-

контрактников не вполне устраивали условия договоров, в частности цены, по которым “Заречное” покупало у них выращенных быков. Фермерские доходы существенно снизились по сравнению с их прежней самостоятельной, независимой работой. Интегратор своё monopolное положение использовал только в интересах своих хозяев. Взаимовыгодного сотрудничества не получилось» (с. 199).

То есть на самом деле бизнес не готов делиться прибылью. Фермеры как самостоятельные игроки, получающие доходы, уменьшающие прибыли бизнеса, — это экономический нонсенс для крупного российского бизнеса. А в министерстве сидят люди, которые пришли из крупного бизнеса и глубоко сочувствуют ему. Он же обеспечивает основные потоки продовольствия, и он же занимается экспортом. Он обеспечивает выполнение показателей, за которые они отвечают. И тут вдруг фермеры отказались работать на благо чужого бизнеса за три копейки. Совершенно несознательный народ. Хотя это говорит о том, что на самом деле это очень самостоятельный, умеющий отстаивать свои интересы народ.

Но в итоге у чиновников проблемы. С крупным бизнесом как-то неладно... Даешь им, помогаешь, а результаты вызывают вопросы на совещании у министра. А у фермеров — вот поди ж ты — почти ничего не даешь, а результаты хорошие!

И появляются первые признаки того, что идеология в аграрной политике может быть пересмотрена если не в пользу фермерства, мелких и средних производителей, то хотя бы с большим учетом их интересов. Подчеркиваю — может быть. Потому что кадровый состав министерств несколько специфичен. Образование у них не подкачало — НИУ ВШЭ и другие замечательные учебные заведения, известные своими традициями.

Итак, все-таки изменения в аграрной отрасли идут. Это хорошо отражено в книге. Но в чем видны изменения? Прежде всего, к сожалению, в накапливаемом негативе в сфере крупного производства. Закредитованность, экологические проблемы, падение рынков, сужение спроса, логистические проблемы с поставками отсутствующих в стране оборудования, запчастей, отсутствие готовности и неумение сотрудничать с мелким и средним бизнесом, с КФХ...

Свиноводы, как следует из материала книги (с. 18), никак не поменяли ориентацию. В молочной отрасли во многом благодаря положительному опыту Татарстана и Ульяновской области (после печальных историй «Вамина» и «Алева») есть понимание необходимости поддержки фермерства и кооперации (с. 18). В целом в молочной отрасли ситуация не очень хорошая: тут и малоприятные факты банкротств («Вошажниково»), и изменившаяся политика «Эконивы» (Ш. Дюр), и пока легкая паника «Союзмолока» в связи со снижением объемов сырья.

Возникает потребность рассмотреть подробно, кто может составить или уже составляет конкуренцию крупняку. Ответ теоретически понятен: производитель, который не обременен много-

миллиардным оборудованием, которое надо загрузить, кредитами, которые надо обслуживать, сотрудниками, которым надо платить зарплату, и главное — имеет по отношению к своим затратам очень низкую точку безубыточности производства. Кстати, нельзя рассматривать занятого работника в крупном СХО как крестьянина. Это наемный сельскохозяйственный рабочий или специалист и ему заказано заниматься сельским хозяйством, даже если ему выделяется дом с маленьким приусадебным участком. Он не должен тратить силы ни на что, кроме выполнения непосредственных обязанностей на производстве. Обычно это фиксируется контрактом.

Все, что касается особенностей крупного сельхозпроизводства в нашей стране, очень четко сформулировано В. Я. Узуном в главе 4 «Агрохолдинги и фермеры: необходимость взаимодействия». Цитата: «Российскую политику регулирования взаимодействия малого и крупного бизнеса коротко можно охарактеризовать так: государство поддерживает преимущественно крупный бизнес, создает для него эксклюзивные конкурентные преимущества, возможности развития и тем самым способствует вытеснению малого бизнеса с рынка» (с. 103).

Как совершенно справедливо далее отмечает Узун, «концентрация рискованного сельскохозяйственного производства порождает неустойчивость в развитии АХ и огромные потери в случае их банкротства» (с. 105). В качестве примера Узун приводит судьбу «Евродона». Мы еще вернемся к теме «Евродона», немного в другом аспекте.

В. Я. Узун рассматривает российский дикий капитализм и более организованный американский в плане возможностей взаимодействия фермеров и крупных производителей. Правда, тут имеет смысл привести информацию из главы 5 книги Башмачникова, посвященную аграрной политике США после Великой депрессии. Автор пишет: «На государственном уровне была принята система политико-экономических мер, сердцевинной которой было существенное перераспределение финансовых ресурсов от крупного монополистического капитала к бедному населению. <...> Кстати, государственная поддержка фермеров и фермерских кооперативов подвигла многих лидеров американского крупного агропромышленного капитала заменить жесткую борьбу с фермерами на контрактное сотрудничество с ними. С помощью государства фермеры стали выстраивать свою рыночную инфраструктуру. Например, в штатах Среднего Запада в большинстве сельских community (центры муниципальных сельских районов) построены и функционируют на кооперативных началах зерновые элеваторы» (с. 117-118). Также рассматриваются особенности аграрной политики Германии, которой тоже пришлось позаботиться о фермерах.

Другими словами, меры, принятые правительством США после полученного жестокого урока, сделали невыгодными часть операций, которые были переданы на контрактной основе фермерам

США. И государство взяло на себя надзорную функцию, чтобы у бизнеса не возникло ненужных соблазнов. За этим следит анти-монопольная служба, Минфин, Минсельхоз. Бизнес в определённом смысле «под колпаком». В свою очередь фермеры организовали свои представительства и свою производственную инфраструктуру.

Узун говорит об этом так: «В дополнение к кооперации фермеров получило широкое распространение взаимодействие крупного и малого бизнеса через производственные контракты. В отличие от маркетингового контракта, предусматривающего куплю-продажу продукции, производственный контракт предусматривает совместное производство с четким определением функции каждого из участников. Крупный бизнес определяет логистику, требования к качеству продукции, технологии, снабжает фермера частью ресурсов (например, молодняком, кормами, ветеринарными препаратами и т. д.), отвечает за реализацию продукции. При этом фермер остается юридически самостоятельным, сохраняет за собой землю и другие средства производства, осуществляет производственные процессы, составляет часть ресурсов (вода, электричество и т. д.), отвечает за экологию» (с. 107).

В России в качестве малых производителей рассматриваются СХО, микропредприятия, ИП, ЛПХ, просто частники без оформления КФХ, КФХ и даже мощные отряды садово-огородных энтузиастов, без всякой техники обрабатывающие свои заветные сотки.

Среди всего этого многообразия В. Ф. Башмачников подробно останавливается на явлении семейного фермерства как носителя особого жизненного уклада, который обеспечивает эффективность за счет ряда качеств, присущих именно семейному производству. Понятие жизненного уклада выходит за рамки производственных процессов — он создает социально здоровую среду. Ту самую социально-экономическую инфраструктуру, которая является источником самобытности народа.

Здоровая среда привлекает — и вот уже, по данным опроса Россельхозбанка, чуть ли не половина горожан готова сменить городские квартиры повышенной комфортности на домики в деревне с сомнительными условиями проживания.

Но всем этим людям надо иметь возможность получать доход, обеспечивающий нормальный, приемлемый для них уровень жизни. А фермеры (объединим в этом понятии всех мелких производителей) живут достаточно тяжело с точки зрения занятости и относительно бедно. Производство ведется на земле. Товарность у малоземельных фермеров, у ЛПХ, у ИП почти отсутствует, соответственно, денежные доходы — тоже.

На этом фоне вариант контрактного сельского хозяйства выглядит очень хорошим способом решить проблему. Но одновременно возникают некоторые сомнения по поводу оптимизма в отношении развития фермерства и других малых производителей на базе контрактного производства в России без соответствующих механизмов

*Э. Н. Крылатых,
Е. Ю. Фролова*

О книге В. Ф. Башмачникова с соратниками и единомышленниками «Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития»

контроля и продуманной политики (вспомним США). В этом плане у авторов этих строк срабатывает личный скепсис, связанный с некоторыми особенностями российского крупного бизнеса.

Во-первых, крупный бизнес, фермерство, ЛПХ и вообще жители сельской местности далеко не всегда совпадают географически. Наши деревни испаряются с очень большой скоростью. Цитата из главы III, написанной Валерием Владимировичем Алакозом, президентом Российской ассоциации частных землевладельцев: «По состоянию на 2010 год число незаселенных сел и деревень составило в Костромской области 34,1% (в 2002 году 21,9%), в Вологодской — 26,6% (в 2002 году 20,2%), в Ярославской — 25,7% (в 2002 году 17,1%), в Кировской — 24,8% (в 2002 году 17,0%), в Тверской — 23,4% (в 2002 году 14,8%), в Псковской — 23,0% (в 2002 году 12,8%), в Ивановской — 21,0% (в 2002 году 12,5%), в Смоленской — 20,2% (в 2002 году 10,0%)» (с. 75).

Даже в центральной части России огромные площади сельхозугодий не используются.

Таблица 1. Регионы с наибольшей долей неиспользуемых сельхозугодий в 2020 г. (от общей площади сельскохозяйственных угодий в регионе по данным субъектов Российской Федерации)

Субъекты РФ (АО, области, республики)	В %
Ненецкий АО	100
Тверская	74,1
Костромская	73,8
Псковская	72,4
Архангельская	72,4
Ярославская	64,7
Республика Коми	63,8
Ивановская	62,1
Смоленская	59,9
Пермский край	54,9
Вологодская	54,9
Новгородская	53,4
Камчатский край	50,8

Источник: Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2020 году. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2022.

Бизнесу на эти обстоятельства... они ему почти безразличны. Вопрос в цене преодоления препятствий. Был бы рынок сбыта, а народ и домики для народа найдутся. То есть построятся. Народ можно привезти необязательно из российских регионов.

Во-вторых, все, что приводилось выше в цитатах по поводу скотопромышленников, справедливо для всех видов с/х бизнеса.

Механизма, который делает фермеров-контрактников (или других мелких частников) неизбежным добром для крупного бизнеса, в нашей стране нет. В США были проведены жесткие реформы, необходимость которых была осознана благодаря Великой депрессии. В годы Великой депрессии умерло от голода довольно много американцев. Жестокий был урок. В Германии были свои причины. Но в России *пока еще не случилось ничего такого*, что смогло бы доказать государственным чиновникам пагубность беспрепятственного приоритетного роста крупного бизнеса. Мелкие неприятности в виде банкротств отдельных неудачников типа «Евродона», «Вамина» и прочих — не в счет. То есть нет механизма защиты фермерства в условиях контрактной системы от произвола крупного бизнеса.

А если жёсткого механизма контроля над крупными производителями нет, надеяться, что фермеры останутся целы, не стоит (вспомним историю с воронежскими скотоводами, но там фермеры оказались умными людьми).

В-третьих, у нас популярны схемы банкротства как способ ухода от ответственности за кредиты и прочие перерасходованные блага. Сегодня крупный бизнес снабжает фермеров и «сажает» их на свои технологии, «рыночные» расценки, делает придатком своей огромной машины, а завтра обнаруживается, что что-то случилось: рынок схлопнулся, кредит не возвращен, условный «Евродон» обанкротился и вообще в соседнем регионе предложены более удобные условия. Когда существует жесткая схема, как в американской системе, когда недобросовестность в отношении партнера карается на основании действующих государственных законов — это одна ситуация. Когда контрактная система регулируется крупным бизнесом и договоры составляются высококвалифицированными и хорошо оплаченными юристами — это другая ситуация. И лучше в нее не влезать. Нет ни одной причины доверять крупному бизнесу. Но есть много причин этого не делать.

Из написанного выше может сложиться впечатление, что авторы видят в крупном бизнесе чуть ли не мировое зло. В целом в этом есть доля правды — власть очень больших денег ни к чему хорошему для человечества не приводит. Но невозможно отрицать огромную роль крупного бизнеса в развитии технологий в мире и его решающую роль в возрождении промышленности и сельского хозяйства России. Невозможно отрицать то, что в первую очередь именно крупный бизнес создавал рабочие места и обеспечивал развитие в регионах России, что именно он является основным налогоплательщиком и обеспечивает доходы не только занятых в своих компаниях, но прямо и опосредованно очень широкому кругу лиц, связанных с ним, — консультантам, мелким оптовикам и т. д. Опыт работы в крупной компании всегда приветствуется работодателем, так как именно в крупном бизнесе специалист получает высокую квалификацию благодаря высокой организованности, отлаженным

Э. Н. Крылатых,

Е. Ю. Фролова

О книге В. Ф. Башмачникова с со-
ратниками и еди-
нотомышленниками
«Фермерство се-
мейного типа: по-
тенциал, практика
развития»

бизнес-процессам и за счет программ обучения, как внешних, так и внутренних.

Крупный бизнес создает вокруг себя определённую социальную среду, и она, как правило, очень привлекательна — это не только сравнительно высокие доходы занятых, но и организация корпоративных мероприятий, оплата медицинских страховок, строительство агрокомпаниями тех же домов для проживания в сельской местности, предоставление личного транспорта менеджерам, участие в благотворительных и общественных организациях. Кстати говоря, точно так же нельзя отрицать роль крупного бизнеса в росте квалификации персонала и нельзя винить никого за то, что альтернативных источников знаний в послереформенные годы, кроме западного экономического образования, персоналу и управляющим просто неоткуда было взять. И именно эти знания и опыт и мотивируют их на поддержку крупного бизнеса — он же не только доказал свою эффективность, но и является лучшим работодателем на сегодняшний день.

В какой бы отрасли ни действовал предприниматель или коллективные предприниматели (акционеры), интересы которых представляют менеджеры, главной целью и смыслом является решение экономических задач — получение свободного потока денег, прибыли. Поэтому личные качества и достоинства предпринимателя не меняют природы бизнеса; он всегда следует логике бизнеса, стремясь обеспечить наиболее высокую конкурентную позицию. А высокая конкурентная позиция на рынке достигается экономическим ослаблением, подчинением или уничтожением конкурентов. Ресурсы используются точно по назначению. Если фермер — только ресурс и ничем, кроме контрактных обязательств, не защищен, то при изменении ситуации контрактные обязательства будут пересмотрены. В случае если над бизнесом не стоит кто-то большой и с тяжелым средством управления в руке, то «ресурсу» можно будет только посочувствовать. То есть проблема не в самом крупном бизнесе. Проблема в отсутствии на государственном уровне механизма, обеспечивающего баланс интересов производителей разных масштабов.

Еще раз возвращаемся к «Евродону». Давайте посмотрим на действия банков по расширению масштабов бизнеса и их последствия. В случае с «Евродоном» — на государственную корпорацию ВЭБ. Читаем у В. Я. Узуна (информация про «Евродон»):

«Это был агрохолдинг одного физического лица. Его доля в уставных капиталах восьми входящих в АХ компаний составляла 100%, в двух — 51 и 60%. В каждую компанию учредитель вложил по 10 тыс. руб., только в двух компаниях вклады были больше. Компания создавалась и функционировала на кредиты ВЭБ. Причина банкротства — убыточность начиная с 2014 г. <...> отсутствие средств на покупку кормов, оплату электричества (голод и холод ВЭБ считал причиной гибели значительной части инде-

ек). Требования кредиторов к организациям холдинга, признанные арбитражным судом, составили около 196 млрд руб. с учетом поручительств организаций агрохолдинга между собой, без поручительств — 53 млрд, а продать активы холдинга после банкротства удалось лишь за 6 млрд руб.» (с. 105-106).

Длинная цитата. Но она необходима для понимания ситуации. Итак, один владелец, компании с уставным капиталом по 10 тыс. руб. и две другие, где вложения были побольше. То есть типичная шарашка с птичками породы индейка. Менеджеры ВЭБа подо все это открывают кредитные линии на десятки и сотни миллионов рублей. Производство убыточно. Кредиты все-таки выдаются! Кроме того, «Евродон» кредитуют поставщики — они же верят ВЭБу. Как можно оценить профессиональные знания и действия менеджеров ВЭБа? Если это не криминальные действия, то это верх непрофессионализма. Скорее всего, это позиция руководства, которое «развивало крупный проект», не глядя на риски. К сожалению, это не единственный случай. Скорее, массовое явление. Крупный бизнес оказывает гипнотическое воздействие на банки.

А теперь цитата из Снеткова. Он описывает успешную историю кооператива в Ростовской области, в том числе поиски необходимых материальных ресурсов и финансирования (блок 4) (с. 212). Он пишет: «...найти для кооператива финансового партнера — это не просто удача, это чудо!» (с. 217). Потому как без него все потуги остальных не имеют смысла. И тут же сообщает: «...необходимо отметить, что оборотных средств, не говоря уже об инвестиционных, ни в каком банке взять так и не удалось. И дело не в качестве подготовки документов. Тут важен подход банка и пока он не в пользу сельхозтоваропроизводителя» (с. 217).

Вопрос: в одном случае уважаемый банк — ВЭБ — профинансировал под бизнес-план компании с уставным капиталом 10 тыс. руб. и «немного побольше». Во втором случае банк шарахнулся от сельхозпроизводителя, не выдав ни копейки на оборотные средства и на инвестиции.

ВЭБ выдавал кредиты будущей БОЛЬШОЙ компании. Ростовские банкиры воздержались от кредитования будущей компании НЕБОЛЬШОГО масштаба. В первом случае скорее всего менеджеры банка проявили невысокую компетентность. Во втором случае банки видели только свои риски и не готовы были подставляться. Причем в первом случае потери были гигантские, во втором, если бы они случились — они были бы существенно ниже.

Установки финансового сектора в отношении фермеров и в целом мелкого и среднего бизнеса — это очень большая проблема для такого бизнеса. Инвестора найти очень трудно. Стартапы и/или гарантии под них должны быть все-таки обеспечены государством и быть рисками государства, если именно оно решает проблему производственной безопасности.

Ну и какой же выход?

Во-первых, при наличии соответствующих правовых механизмов, продуманной политики сельского расселения контрактное сельское хозяйство — прекрасный инструмент. Однако в ситуации, когда у крупного бизнеса земля или кредиты уходят из-под ног — это большие риски. Как минимум должен быть проведен полноценный аудит крупных компаний, а как максимум — бенефициары должны быть российскими. В-третьих, должны быть прописаны все правила взаимоотношений между бизнесом и контрагентскими и обеспечена система контроля и санкций за нарушение договоренностей.

Во-вторых, схема кооперации, если уж брать за основу западные образцы, должна быть схожа с современной западной же картиной, потому что именно схема взаимоотношений, которая вписывает мелких фермеров в крупное производство и продажи, делает кооперацию конкурентной, жизнеспособной и привлекательной. Такая схема кажется недостижимой. Однако в приведенных в книге описаниях фермерских кооперативов и объединений примеры соответствующих начинаний есть.

Следует признать, что задача практиков — не соответствовать полностью чьим-то умозрительным представлениям о том, как «правильно» с точки зрения великих ученых, а искать в рамках существующей теории и реальной жизни наиболее действенные и подходящие под конкретные условия формы объединений фермеров и других производителей. Фермеры должны быть объединены, это главное условие. Будет ли это объединение называться кооперацией, или же это объединения вокруг опорного фермера-инициатора по типу франшизы — это не так важно. Почему бы фермерам не объединиться с садоводами, если нужно и можно производить ягоды и фрукты или искать в лесу грибы и другие дикоросы? Фермеры, контрактующие релаксирующих горожан для производства ягод — почему нет?

Конечной целью объединения фермеров должен быть выгодный сбыт своей продукции (не важно, какой конкретный функционал у кооператива, главная его задача — минимизировать или оптимизировать затраты, обеспечить выход высококачественной продукции на рынок). Из западного современного опыта самое ценное — это путь кооперативов фермеров к владению перерабатывающими мощностями, которые одновременно являются мостиком к крупным внешним каналам сбыта.

Очень хороший пример — первая история Снеткова про Ростовскую область. Читаем: «Один из членов (кооператива), действующий мясокомбинат, расположенный также в этом районе <...> Гарантированный сбыт, сдача быков на убой по рыночным ценам своему члену кооператива, который занимается убоем и переработкой. Именно по рыночным ценам и без каких-либо оговорок или сдерживания. Мясокомбинат, понятное дело, кроме других закупок скота, который он имеет, получает растущий объем поста-

вок скота от членов кооперации. В чем, безусловно, заинтересован, как гарантии своевременных поставок сырья для своего производства» (с. 218).

Дальше описывается масса рутинной необходимой, очень сложной работы по согласованию услуг СПОЖа. Но следует выделить именно эту составляющую успеха — своя площадка, гарантированный сбыт и, разумеется, инвестор, который обеспечил покупку необходимой сельхозтехники и машин.

Вторая часть книги — это опыт фермеров, в которой описана практика строительства фермерских связей и по вертикали, и по горизонтали.

Владимиром Федоровичем Башмачниковым была проделана гигантская работа по сбору и обработке материалов, представляющих собой очень большой практический интерес. Сложно себе представить, как ему удалось мотивировать к написанию больших содержательных текстов таких далеких от литературных упражнений и очень занятых людей, но результат получился замечательный. Можно оценить вторую часть как энциклопедию российской современной фермерской жизни и поблагодарить Владимира Федоровича за необыкновенную настойчивость, упорство и энергию, с которой он решил эту задачу.

Стоит также отметить материал М. С. Еварестовой (глава X) по организации работы по развитию предпринимательства на селе в Ульяновской области — пожалуй, впервые встречаешь взгляд изнутри регионального министерства на проблемы фермеров и других некрупных и предпринимателей и на то, как они решаются. Таким же нестандартным является материал о работе омбудсмана по защите прав фермеров В. А. Легкодуха (глава XII). Но в целом в книге просто нет неинтересных материалов.

Краткое резюме. Книга написана очень вовремя. Она воспринимается как руководство к действию, показывает ради чего стоит действовать и как, кто, как сейчас принято говорить, главные акторы — разумных предложений в книге много.

Но нам все же хочется добавить — если братья за переустройство фермерской жизни на основе кооперации, контрактного сельского хозяйства, других гибридных форм развития, надо от государства требовать, чтобы оно обеспечило фермерам высокотехнологическую площадку в сельском хозяйстве — иначе никакой реальной альтернативы крупным компаниям нет и не будет. Помимо этого, наличие обанкроченных перерабатывающих компаний, владельцами которых стали банки (тот же Сбербанк Капитал), позволяет реализовать схему передачи этих активов (перерабатывающих площадок) в аренду/лизинг кооперативам. Скорее всего, для этого потребуются объединение нескольких кооперативов. Без опытных управляющих не обойтись. На Западе фермеры нанимают управляющих. Таких же, как и крупные частные или акционерные компании, с таким же уровнем образования и выплатами, что

Э. Н. Крылатых,

Е. Ю. Фролова

О книге В. Ф. Башмачникова с со-
ратниками и еди-
номышленниками
«Фермерство се-
мейного типа: по-
тенциал, практика
развития»

и в крупных компаниях, — и это нормально, если их контролируют представители кооператива, фермерские собрания.

Показательно то, что в нашу страну на пике инвестиций в нее не пришли фермерские компании. Вложения «Валио», «Арлы Фудс», «Кампины» невелики в российские производственные площадки по сравнению с «Даноном» и другими частными компаниями. Основное производство фермерских компаний велось на территории Европы. Почему? Потому что фермеры Европы запретили своим управляющим создавать в России конкурирующие с ними производства. И они продавали продукцию, привезенную из ЕС. В 2014 году «Валио» пришлось закрыть два завода, работавших на Россию на территории Финляндии. О чем это говорит? Не только о негибкости фермеров. Об их связи с родной землей, о том, что интересы фермеров намного крепче связаны с национальным развитием, чем интересы частных компаний. Уже поэтому следует поддерживать их в первую очередь.

И последнее. Расслоение российского фермерства само выдвигает из их среды лидеров. У этих лидеров два пути — превращаться в частников и вести конкурентную борьбу как любой предприниматель или же использовать свой опыт и знания, свои таланты предпринимателя, чтобы обеспечить получение фермерством одной из лидирующих позиций в сельскохозяйственном и перерабатывающем бизнесе.

В заключение. Сейчас в очередной раз трансформируется рынок, обязательно рухнет кто-то из крупных игроков на рынке продовольствия, идет незаметный стороннему наблюдателю очередной передел собственности, земли, активов. Не успеют вклиниться фермеры и другие мелкие производители в дележ активов и формирование программ поддержки на этом витке событий — неизвестно, сколько им придется еще ждать, чтобы крупный бизнес посторонился и дал им место в экономическом пространстве.

On the book by V. F. Bashmachnikov with associates and like-minded people *Family Farming: Potential and Practice of Development*

Bashmachnikov V. F. with colleagues and like-minded people. *There Should be Aarming in Russia. Vol. II. Family-Type Farming: Potential, Development Practice. Moscow: Brain Print LLC, 2022 — 480 p.*

Elmira N. Krylatykh, Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc (Economics), Chief Researcher of the A. A. Nikonov VIAPI — branch of the FSBI FNC VNIIESH. Bolshoj Haritonevskij Per., d. 21, str. 1. Moscow, 107078. E-mail: elmira-kr@yandex.ru

Elena Y. Frolova, PhD (Economics), Leading Researcher of the A. A. Nikonov VIAPI — branch of the FSBI FNC VNIIESH. Bolshoj Haritonevskij Per., d. 21, str. 1. Moscow, 107078. E-mail: efrolova@inbox.ru

Экстрактивизм Крайнего Севера: пути решения конфликтов

Рецензия на книгу: «Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы / Д. А. Функ, В. В. Поддубиков, Е. В. Миськова [и др.]. — Москва: ООО «Типография «Демос», 2019. — 312 с.

И. К. Полещук

Илья Константинович Полещук, младший научный сотрудник, Центр аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-165-172

Рецензируемая книга опубликована в жанре монографии и затрагивает несколько смежных исследовательских тем, объединённых под эгидой «ресурсного проклятья» и экстрактивизма. В написании принимали участие одиннадцать ученых: Е. В. Миськова, Е. Н. Данилова, О. П. Коломиец, В. В. Поддубиков, С. А. Арцемович, Д. А. Функ, А. С. Бородулина, Н. И. Новикова, Ю. В. Рожкова, С. О. Ковальский, А. С. Басов. Среди них исследователи из разных регионов Российской Федерации, хотя основной костяк составляют преподаватели исторического факультета МГУ. Также в работе приняли участие ученые из Томского государственного университета, Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Института истории и археологии УрО РАН, Северо-восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило ДВО РАН, Кемеровского государственного университета. Такое разнообразие, на мой взгляд, очень положительно сказалось на финальном результате проделанной работы, и показывает неподдельную заинтересованность российских ученых в затронутой теме.

Отвечая на вопрос, зачем написана эта монография, на первое место я бы поставил личную заинтересованность и вовлеченность ученых в процессы, которые они исследуют. Почти что каждая глава первой части описывает вполне конкретный кейс, с которым авторы оказались втянуты в работу не только с научной точки зрения, но и эмоционально, как участники процесса.

Книга имеет три основных посыла для читателя. Первый, сугубо научный — необходимость актуализировать знания и накоп-

ленный зарубежный опыт для осовременивания исследований в области «ресурсного проклятья», экстрактивизма и этнологической экспертизы. Второй проистекает из первого и является собой практическое использование информации, полученной в ходе научных изысканий, а именно построение работающих моделей социального взаимодействия между аборигенным населением и пришедшими корпоративными гигантами для решения возникающих конфликтных ситуаций, а также проведение ревизии существующих российских и международных правовых норм в рамках вышеуказанного социального взаимодействия и подготовка основы для будущих изменений. Третий же посыл, на мой взгляд, носит акционистский характер. Авторы стараются привлечь внимание к проблемам коренных народов России, а также людей всех национальностей, попавших в «ловушку» на Дальнем Востоке ввиду снижения заинтересованности власти в социальном развитии территорий.

Во введении отмечается, что книга предназначена для использования «...всем социальным антропологам, в особенности тем коллегам, которые уже специализируются на прикладных исследованиях и тем, кто только еще на пути к освоению азов прикладной антропологии... также государственным служащим, которым приходится сталкиваться с описываемыми нами ситуациями...» (с. 10), а также для прикладного обучения студентов-антропологов. Однако спектр заинтересованных в этой монографии читателей намного шире.

Междисциплинарные аграрные исследования нуждаются в подобных материалах. Во-первых, они являются отличным дополнением при изучении сельских периферий, ведь не только сельскохозяйственные регионы входят в сферу интересов. Системность и полнота описания ситуации в отдаленных сельских территориях также является важной составляющей устойчивого и гармоничного развития территорий и государства, в целом. Во-вторых, мне кажется, что «ресурсное проклятье» и экстрактивизм, в частности, характерно не только для коренных народов. Так с точки зрения местного малого сельскохозяйственного бизнеса агрохолдинги вполне могут быть оценены по критериям, предложенным авторами в монографии. Модели социальных взаимодействий, которые стали важными результатами проделанной работы, интересуют любого ученого, активиста, местного жителя и каждого, кто участвует в процессе, когда на землю со своей историей, народом, традициями приходит крупный бизнес-игрок, которого волнует только выгода.

Интересна и сторона «ресурсного проклятья», не конфликтующая с индигенным населением. В пятой главе описан кейс, когда люди, которых тяжело отнести к одному народу, так как среди них есть представители всех регионов бывшего СССР, оказались в «ловушке забвения». «Хлебосольные» времена прошли, а связь с землей уже образовалась и люди находятся в подвешенной ситуации. Так судя по описанию Алевтины Сергеевны Бородулиной, это не просто «три забытые старичка», а вполне активное население

ние разных возрастов и социального положения. В свою очередь, дискурс об этнологической экспертизе во второй части книги представляет собой уникальный сборник опыта и материалов для заинтересованных в проблеме экстрактивизма методологов, аналитиков, законотворцев и управленцев любого уровня.

Отметим, что жители сельских регионов могут сталкиваться с похожими проблемами, будь то суровая Чукотка или солнечная Кубань.

В центре внимания авторов в первую очередь стоят люди, а именно индигенное население Дальнего востока, Севера Сибири и Северного Урала. Хотя в целом книга позиционирует коренное население как наиболее пострадавшее от «ресурсного проклятья», тем не менее, времена меняются. В настоящее время уже не только коренное население, но и «новые» поселенцы на этих территориях внезапно обнаруживают себя «проклятыми». Что в общем-то расширяет диапазон потенциальных потерпевших, но, на мой взгляд, именно территории, выбранные в качестве базы исследования, позволяют получить наиболее точный результат. Тут-то и возникает вопрос, а что именно изучается.

Авторы называют целью книги в первую очередь изучение (в некоторых случаях разрешение) конфликта между крупным ресурсным бизнесом (затрагиваются именно подземные ресурсы) и местными жителями. Нельзя сказать, что это новая тема, но её актуальность становится все более очевидной на фоне того, с каким размахом начинают разрабатываться новые месторождения.

На мой взгляд, книгу можно разделить на три логические части.

Первая — это введение и первая глава, которые предлагают читателю краткий экскурс в историю «ресурсного проклятия» и экстрактивизма как явления, а также актуализируют российский и мировой опыт в области социальной антропологии. Особо хочется отметить мастерски проведенный Еленой Вячеславовной Миськовой анализ того, как человек воспринимает нефть, вне зависимости от времени, будь то прошлое или настоящее. Люди всегда ассоциирую её с властью, а отсюда проистекают практически все последствия того, как себя позиционируют сообщества, владеющие этим ресурсом. Автор поднимает считает, что без смены понятий при метонимии, сложно представить успешной борьбу с «ресурсным проклятием». В этом блоке сфера анализа расширяется до социологии, экономики и философии в сфере биополитики, дискурсивной зависимости и т. д.

Отдельным блоком стоят главы со второй по шестую, являющие собой результат превосходной полевой работы. В них авторы представили довольно разнообразный диапазон точек зрения на конфликт.

Так во второй главе Елена Николаевна Данилова раскрывает конфликт с позиции традиций и описывает кейс создания достопримечательных мест на территории возможной нефтедобычи. Иссле-

дование проводилось в 2016 году, результатом стал огромный этнографический материал, который послужил базой для проекта 2018 года. В свою очередь это позволило обозначить территорию как динамичную систему природопользования, поддержки местного этнического населения и промышленного развития. На реке Большой Юган из-за действий крупных компаний по активной нефтедобыче, происходит конфликт с коренным народом — хантов, которые считают эту территорию местом обитания духа-покровителя реки. В центре обсуждений оказалась возможная утрата символа традиционных верований, а также разрушение природного и социального ландшафта территории. Не каждый подобный случай кончается положительным результатом, тем не менее проделанная работа даёт понять, какая именно научно-исследовательская стратегия должна быть применена для того, чтобы правильно оценить необходимость подобных решений и разрешить конфликты между бизнесом и коренным населением.

Следом идет описание конфликта с точки зрения бизнеса и власти. В третьей главе на кейсе Чукотского автономного округа Оксана Петровна Коломиец описывает три модели (региональная, локальная и точечная), по которым сегодня идет взаимодействие местного населения, местной власти и крупного бизнеса. Материал основывается на проведенных в 2014-2018 годах исследованиях в городах Анадыре, Билибино, в Анадырском, Чаунском, Билибинском и Провиденском районах Чукотской автономной республике. В ходе проекта были опрошены респонденты из числа работников и руководителей добывающих компаний, жители населенных пунктов, находящихся в непосредственной близости от предприятий, общественники, представители органов власти. Региональная модель рассмотрена в рамках социальных проектов компаний АО «Чукотская горно-геологическая компания» и ООО «Северное золото». Основной политикой компаний в данной модели становятся реализация социальных проектов, направленных на всех жителей региона, которые оказываются вблизи объектов добывающих компаний. Вторая модель — локальная, ориентирована только на коренное население районов, прилегающих к местам ведения производственной деятельности. В рамках такой модели работают АО «Рудник Каральвеем», АО «Северо-тихоокеанская угольная компания», ООО «Берингпромуголь», крупные и средние старательские артели, такие как ООО «Артель старателей «Чукотка», ЗАО «Артель старателей «Полярная звезда» и др. Чаще всего отношения выстраиваются в рамках одного района и характеризуются крайней локальностью, что в целом и есть главное отличие от первой модели, хотя тактики социальной и финансовой поддержки населения очень похожи. Третья же модель — точечная, наиболее сложная в описании и формализации. Чаще всего включает в себя отношения между местным населением и новоприбывшими компаниями, которые только начинают осуществлять свою деятельность на территории

и не планируют стратегий, направленных на социальную поддержку жителей. В качестве примера приведена работа компании ОАО «НК Роснефть», которая начала свою георазведку, не особо считаясь с местным сообществом, чем вызвала явное недовольство и вовлечение гражданского сообщества в проблему. На данном примере, можно заметить, что чем плотнее начинают взаимодействовать местные жители и крупные предприятия, тем скорее они сменяют модели отношений с точечных на региональные.

К основным составляющим моделей можно причислить законодательство, практику достижения договоренностей, трудоустройство местного населения. Нельзя сказать, что все так гладко, тем не менее налаживание подобных связей говорит о положительной динамике, к тому же кейс раскрывает каждую из сторон, как заинтересованную в подобном коммуницировании.

Не маловажным становится описание конфликта с правовой точки зрения, а также дискурсе переживания конфликтных ситуаций малыми сообществами. В четвертой главе коллектив авторов, а именно: Владимир Валерьевич Поддубиков, Сергей Александрович Арцемович, Дмитрий Анатольевич Функ, на примере кузбасского конфликта между шорцами и несколькими крупными угледобывающими компаниями демонстрируют реакцию сообщества на угрозу извне. Для этого была проведена работа с нормативной и архивной базой данных, отражающей весь процесс, и т аким образом был детально реконструирован конфликт с учетом эмоциональной картины переживания его местными жителями. В качестве регионального кейса был выбрана ситуация в поселке Казас, где в 2012 году жители оказались в непосредственной близости от производственных площадок угольной компании «Южная». Серьезной проблемой стало и то, что территория самого поселка входила в сферу георазработок, так что в результате разрешения конфликта жителям была предложена финансовая компенсация по рыночным ценам и многие согласились. Но тем не менее оставалось, по описанию авторов, эмоциональное меньшинство, которому не сильно были важны деньги, а возродившееся чувство единения с землей предков. Исходом противостояния с этими жителями стала череда «случайных» пожаров, поставивших точку в существовании Казаса. Главным в исследовании авторов стало изучение того, какие практики и модели выбирают люди для преодоления экзистенциальных вызовов. В главе рассмотрены способы преодоления конфликта и его последствий, важной составляющей оказалась проработка конфликта с точки зрения травмы, преодоления травмы и постконфликтного восстановления. Интересной особенностью можно считать естественное обращение к религии и традициям поселения, хотя до этого они были не столь востребованы жителями в повседневной жизни.

Пятая глава стоит особняком от остальных. В ней чувствуется очень сильная социологическая составляющая. Это «рассказ про

забытого человека» Алевтины Сергеевны Бородулиной. Текст сильно отходит от тематики коренных народов. В главе исследуется политика и практика потребления в квазизакрытых военных пограничных городках на Курильских островах, как действующих, так и расформированных. Здесь интересно описание перехода от достаточно сытой жизни в небольшом закрытом городе, где все обеспечивалось государством, к квазизакрытому городу, который оказался забыт и адаптировался к новой реальности потребления. В центре внимания два города: Горны и Горячие ключи. В рамках исследования была проведена антропологическая работа с респондентами, многие из которых являются потомками или членами семей военных, приехали туда во время советского расцвета этих территорий и теперь оказались в ситуации, когда не готовы уехать из родных мест. Многие проблемы возникают из-за неопределённости принадлежности городов к той или иной инстанции Российской Федерации. Эти города до сих пор относятся к ведению Министерства обороны и потому все деньги, выделяемые гражданскими ведомствами, проходят мимо. Местные жители жалуются на удалённость чиновников от реального положения дел, они лишь летают над островом на самолете и ограничиваются видением с высоты птичьего полета. В исследуемых городах Итурупа местные жители выстраивают своеобразные квазирыночные отношения. Здесь можно наблюдать определенные конфликты между гражданскими, военными и местными по поводу потребления ресурсов.

Последняя глава второго блока рассматривает конфликт с точки зрения законодательства и политики, а точнее, политик компаний и власти в отношении распределения благ от добычи. Довольно существенная по объему и наполненности шестая глава, написанная Натальей Ивановной Новиковой, повествует о главных политиках в отношении коренного населения со стороны государства и добывающего бизнеса. В частности, в фокус исследования попадает коренное население Русского Севера и следующие компании: «Газпром», «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь», «Сургут-нефтегаз», «Сахалин Энерджи», «Эксон Нефтегаз». В статье представлены сравнительный анализ международных и российских рекомендаций и законов в рамках всей страны, а также основные правовые механизмы для основных регионов Севера. Автор определяет положительные и отрицательные стороны, заинтересованность предприятий, реакцию местных жителей касательно тех или иных правовых практик в каждом отдельно взятом регионе.

В третьем блоке рассмотрены проблемы, связанные с этнологической экспертизой в России. В свою очередь главы семь и восемь также разделены по смыслу. Глава семь посвящена профессиональной дискуссии антропологов, в которой сначала даны определения и виды этнологической экспертизы, затем приведены несколько советских кейсов по проведению подобной экспертизы во время освоения Севера и Дальнего Востока. Сама дискуссия строится во-

круг проблемы разработок подобной экспертизы, например Дмитрий Функ утверждает: «...что в настоящее время в России нет четко выработанной общепринятой научной концепции этнологической экспертизы. Методы ее проведения варьируют в зависимости от компетенции осуществляющих ее рабочих групп...» (с.199). Связанно, это с тем, что современная российская антропология не может четко сформулировать и научно обосновать единую концепцию этнографической экспертизы. Главная критика в адрес современной экспертизы направлена на ее привязку к идее поиска «норм культуры» и попытку эмоционально оценить ущерб такой «норме». Также автор практически безапелляционно заявляет об острой необходимости перейти в работе с проблематикой экстрактивизма на модель оценки социального развития (SIA): «На мой взгляд, пора уже «перестать — с оглядкой на изжившие себя риторические концепты — изобретать собственные виды “этноэкспертиз”, а начать, наконец, использовать накопленный в мире позитивный опыт проведения SIA...» ..., по необходимости дополняя и развивая его» (с.253). В этой главе содержатся комментарии ведущих антропологов в области исследования этнологических экспертиз: Натальи Новиковой, Владимира Поддубикова, Юлии Рожковой и Святослава Ковальского.

Восьмая глава является оценкой этнологической экспертизы в Республике Саха на примере одного из кейсов. Изначально этнологическая экспертиза была направлена на урегулирование конфликтных ситуаций между промышленниками и местным (коренным) населением. Автор даёт исчерпывающее определение и пошаговый порядок действий при ее проведении. Описание формальных процедур перемежается комментариями по поводу каждого из процессов и того, как они реализовываются на практике. Важной составляющей главы оказывается социальное описание взаимодействия двух сторон при решении подобных конфликтов, выводом — определение процедуры как бюрократичной и не соответствующей требуемым условиям для искомого диалога между бизнесом и коренным населением. Важным замечанием я считаю слова Александра Сергеевича Басова: «...если диалог и партнёрство действительно являются искомым способом взаимодействия между группами КМНС и промышленными компаниями...» (с. 285), так как факт того, что это искомый способ не установлен.

Мне хочется от всего сердца поблагодарить авторов за проделанный труд. Результаты исследований смело можно назвать важными и актуальными. Прделана огромная работ в нескольких исследовательских направлениях, в монографии представлена и полевая работа, и архивная, законотворческая, методологическая, этнографическая и др. Читая эту книгу, я каждый раз не мог отделаться от ощущения, что коренные народы Крайнего Севера становятся чаще всего жертвами экстракционизма, именно они наиболее болезненно воспринимают подобные вмешательства

ства в их жизнь. Однако и сообщества по всей России сталкиваются с подобным нежеланием вести равный диалог и устанавливать честные и крепкие партнерские отношения. Тем не менее мне хочется обратиться к седьмой главе, где Дмитрий Функ старательно подводит нас к тому, что это проблема более глобальная, чем нам кажется, и без выработки, для начала, четкой стратегии, в которой будут учтены интересы всех сторон и разъяснены мотивы ведения той или иной деятельности, будет крайне сложно применять те или иные научные методы и инструменты. Невозможно договориться там, где не хотят договариваться.

Extractivism of the Far North: Ways to resolve conflicts

Book Review: «Resource Curse» and Social Expertise in Post-Soviet Siberia: Anthropological Perspectives / D. A. Funk, V. V. Poddubnikov, E. V. Miskova [and others]. Moscow : Demos Typography LLC, 2019. — 312 p.

Ilya K. Poleshchuk, Junior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

«Это не хард — это софт»

Обзор экспертного круглого стола Фонда Тимченко и МВШСЭН «Люди дела» в жизни, науке и медиа»

С. В. Андросенко

Софья Вадимовна Андросенко, аспирантка философского факультета МГУ, пресс-секретарь Свято-Филаретовского института. 105066, Москва, Токмаков пер., 11.
E-mail: sofia@sfi.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-173-181

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью бренной.
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.

Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны,
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари.

Осип Мандельштам

30 ноября Фонд Тимченко и МВШСЭН провели в Москве круглый стол с показом и обсуждением киноальманаха «Люди дела». Фильм представляет собой пять новелл о замечательных людях из российской глубинки, которые меняют жизненное пространство вокруг себя. Все они — инициаторы проектов, поддержанных Фондом Тимченко за время двенадцатилетней работы.

Экспертная дискуссия, посвященная фильму, была построена вокруг феномена лидеров, или, как это сформулировано в миссии Фонда, «тех, кто ответственно относится к людям вокруг себя, остро чувствует их проблемы и не жалеет усилий, чтобы улучшить их жизнь».

Как связана возможность возникновения местного сообщества с личными качествами лидера? Как исследовать эти процессы тем, кто поддерживает социокультурные проекты? Как через кинодокументалистику взаимодействовать с обществом и влиять на происходящие в нем изменения? Такое проблемное поле обозначили организаторы разговора.

НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ

«Повреждение устранено, линию можно включать», — слова диспетчера электростанции из села Дебёсы в Удмуртии Сергея Васильева, с которых начинается фильм, звучат своего рода эпиграфом ко всему, что нам покажут в этой и следующих четырех историях. Ночью Сергей Валерьевич дежурит на станции, а в свободное от работы время его жизнь принадлежит землякам, которые посещают открытый им здесь три года назад шахматный клуб «Ход конем».

«У нас играют и дети, и взрослые, даже бывшие алкоголики», — говорит Сергей Васильев. Недавно в Дебёсах прошел все-российский турнир по быстрым шахматам и блицу среди сельских школьников.

«Дороги сделали, новый асфальт положили», — рассказывает местный житель о почти невероятных для отечественной глубинки событиях, которые, как электрические импульсы по проводам, передаются от увлеченного шахматами диспетчера «Удмуртэнерго» в соседние деревни до самого Ижевска.

«В конце 1990-х — начале 2000-х на территории Удмуртии было проведено большое количество проектных семинаров, посвященных музейному и территориальному развитию, — вспоминает выпускник МВШСЭН, ведущий специалист Центра аграрных исследований РАНХиГС *Александр Артамонов*. — Проводил их фонд, признанный в последние годы нежелательной организацией. Здесь как нельзя лучше подходит формула, когда-то высказанная Александром Крыштановским, сооснователем факультета социологии МВШСЭН: «Ни одно доброе дело не должно оставаться безнаказанным». Возможно, проведенные тогда семинары, один из которых был поблизости от Дебёс, в поселке Игра, дали свои отдаленные во времени всходы».

«Нужно учить педагогов», — комментирует Сергей Васильев следующий стратегический шаг по возрождению села, ставший возможным благодаря поддержке Фонда Тимченко. В 2021 году в Дебёском политехникуме был открыт Ресурный центр по подготовке педагогов — преподавателей шахмат в школах. Как рассказала одна из жительниц села, это стало для многих настоящим спасением, и не только от алкоголизма. Сама она несколько лет назад потеряла сына и чуть не наложила на себя руки, а теперь участвует в соревнованиях и учит детей: по ее собственному выражению, «по ночам роды у коров принимаю, а днем — интеллигент».

Старый добрый принцип «учить тех, кто может других научить», «помогать тем, кто может другим помогать» — работает на протяжении всех пяти новелл. Именно по такому критерию создатели фильма отобрали для него героев. Это люди, через которых устраняются особого рода «повреждения на линии» и вымирающее

от бессмыслицы спивающееся население чудесным образом трансформируется в сообщество больше не чужих друг другу людей.

Юрий Змейков, отец восьмерых детей, из которых пятеро приемные, оставшись один на один с вопросом, как помочь адаптироваться к нормальной жизни ребятам, покалеченным системой казенных учреждений, создал у себя в Рязанской области Центр семьи и детства для поддержки таких же родителей, как он.

Пенсионер Петр Григорьев из маленького Сорочинска в Оренбургской губернии организовал земляков на строительство своими силами горнолыжного подъемника. В новостях его нарекли «сорочинским куршевелем». Зимой Петр Георгиевич учит местных детей и пенсионеров кататься на горных лыжах, а летом — на дельтаплане.

С. В. Андросенко
«Это не хард —
это софт»

Не стреляй пока — мы летать будем

«Мы хотели рассказать о нашей работе, но довольно быстро стало ясно, что эта работа выглядит примерно так же, как у всех — люди, которые бегают по офису с бумажками, — и что гораздо лучше о том, что мы делаем, расскажут истории тех, кому мы помогаем», — поделилась генеральный директор Фонда Тимченко *Мария Морозова*.

Фонд Геннадия и Елены Тимченко — один из крупнейших семейных благотворительных фондов в России. С 2010 года он поддерживает 4461 проект, потратив на программную деятельность более 7,9 млрд рублей. Программы Фонда во многом нацелены на развитие небольших городов и сел: 64% проектов были реализованы на малых территориях. Особое значение Фонд придает поддержке лидеров местных сообществ — в этом выражается заявленное как базовый принцип работы стремление «решать социальные проблемы, воздействуя на их причины».

«Это не “хард” — это “софт”, — говорит Мария Морозова о героях фильма. — И показывать их надо в их родном окружении, среди тех, кого они поддерживают».

По мнению ведущего научного сотрудника РАНХиГС *Валерия Виноградского* (Саратов), более точным названием для фильма было бы не «Люди дела», а «Люди места». Авторы фильма, как выяснилось, тоже рассматривали такой вариант.

«Перед нами гении места, — говорит Валерий Виноградский (и цитирует приведенные в эпиграфе стихи Мандельштама). — Это люди, которые своей жизнью отвечают на вопрос о “месте человека во вселенной”, причем так, что их ответ оказывается значим не только для них самих. Один человек, немного чудаковатый, начинает какое-то свое безумное предприятие. Но благодаря тому, что он в этом движим любовью к своему месту, вокруг него начинается закручиваться какая-то жизнь». Как говорит Сергей Васильев:

«Одна фигура ничего не стоит. Подключаем друга, коллегу на помощь — вдвоем уже можно дело делать».

Ключевая тема фильма — категория качества жизни, считает *Анатолий Голубовский*, советник по культуре президента Благотворительного фонда «Российский еврейский конгресс». Показанные в этих историях люди нашли себя и делают так, чтобы эта возможность была открыта и для других. И разрешение вопросов о смысле жизни, о призвании, сама работа мысли и жизненный поиск в этом направлении — рождают особого качества единство между людьми.

«Ты на дежурстве? Мы сейчас будем с горы летать на дельта-плане, ты не стреляй», — Петр Георгиевич предупреждает своего друга, сорочинского воздушного диспетчера, о предстоящем полете над городом. «Человек не должен летать, а ты летишь, — описывает он свои ощущения. — Молодость — это когда ты живешь будущим, к чему-то стремишься, у тебя есть мечта и силы для ее осуществления».

У 77-летнего Петра Георгиевича не было денег, зато были молодость, друзья и земляки, в которых он разглядел желание сделать что-то для людей, для города: «Ходил, просил, деньги занимал. Мне говорили: “Когда отдашь, тогда отдашь. Если помрешь раньше — простим”». На месте будущего «куршевеля» была свалка, жители вывезли бо КамАЗов мусора. «Я скупал подержанную технику, спортивный инвентарь, ремонтировал сам. Электродвигатель нашел, шкив, редуктор — подъемник сделал». Поскольку на горе не было электричества, пенсионер каждый день сам возил туда электростанцию на подаренном братом внедорожнике 1947 года выпуска. В 2021 году на средства Фонда Тимченко в городе была открыта Школа здорового образа жизни, где Петр Георгиевич теперь учит кататься на лыжах не только детей, но и своих ровесников.

Лидерство и сообщество через пять новелл открываются как аверс и реверс нормальной жизни и человека, и места. Деятельность и сама личность лидера, решившегося ответить себе на вопрос «кто я?» и связанный с ним, может быть, еще более фундаментальный — «зачем я?», становятся катализатором глубинных социальных изменений.

«Правда, иногда возникает впечатление, что одним проектом герои решили все свои проблемы, в этом плане фильм оставляет ощущение кажущейся бесконфликтности, хотя мы знаем, что не бывает бесконфликтных проектов и человек не решает одним проектом все свои проблемы», — замечает Анатолий Голубовский.

«Любовь — режиссер с удивленным лицом»

Александр Никулин, проректор по научной работе МВШСЭН, которому фильм очень понравился, тем не менее обратил внимание

на отсутствие в нем одной сюжетной линии, которая почти всегда возникает там, где дает о себе знать общественная инициатива и самоорганизация снизу, — взаимоотношения героев с местной властью. «Проблема есть, но чтобы возможно не осложнить жизнь героям, в фильме мы ее не затрагиваем», — отвечает Мария Морозова.

Но несмотря на законы, продиктованные жанром, в каждой новелле помимо драматургически необходимого локального конфликта главного героя присутствует и более тонкая трагическая линия.

«В 1954 году здесь произвели ядерный взрыв», — рассказывает земляк Петра Георгиевича, один из строителей «сорочинского куршевеля». В 20 километрах от города испытывали атомную бомбу. «Двери, окна повывлетали от взрыва, народ выбежал посмотреть, что происходит, — вспоминает сам Петр Григорьев. — Радиация: конечно, народ мрет у нас, от онкологии 70% народа умирает. У моей жены все братья вымерли — такое место у нас, если унывать будешь — быстро свернешься».

Слоган фильма гласит, что его героев объединяют «любовь, беда и мечта».

Когда будете смотреть фильм, обратите внимание, что жители новой шахматной столицы Удмуртии во время местного чемпионата поют поновленный советский гимн на фоне фотографий вымирающих деревень. С одной стороны, такой своеобразный product placement еще одного успешного социокультурного проекта — «Народной энциклопедии исчезнувших деревень» Александра Юминова. С другой стороны, как ни крути, на нас смотрит документальный портрет осколков затонувшей, подобно Атлантиде, русской цивилизации.

Марина Кабакова, хантыйка, музейный работник в поселке Казым, поняла, что ее сыновья могут, как и многие земляки, спиться от безысходности, — и придумала, как всех спасти. Ее центр социокультурного развития — место, где взрослые ханты и их дети могут приобщиться к реконструированным обычаям своей народности, которые существовали здесь до 30-х годов прошлого столетия. Один из них — «медвежьи игрища», ритуал по случаю добычи медведя, запрещенный в советское время. Интересно, что при этом героиня, которая возрождает эту традицию сегодня, сравнивает социальную роль своего культурного центра с колхозом, то есть в ее восприятии советский опыт не связан с уничтожением местных традиций, а скорее представляет собой образ устроенной социальной жизни.

«Чтобы дети не спились, обучать их обряду охоты на медведя — так себе идиллия», — комментирует проректор по учебной работе, и.о. ректора МВШСЭН Евгений Миронов этот сюжет. Тема катастрофы, разрыва исторического преемства, на фоне которых все происходит, чуть ли не помимо режиссерской воли заявляет о себе, когда в кадр в сцене обряда в кадр попадает стол с головой мед-

ведя и стоящими рядом с ней печеньем, яблоками и... бутылками водки и коньяка.

Автору этих строк тоже, признаться, трудно было смотреть сюжет об охоте на медведя — не только по причинам, названным Евгением Мироновым. Невольно приходит в голову, что медвежья игрища — не единственное и, может быть, не самое ценное, что было уничтожено в XX веке на территории бывшей огромной страны. Все это выводит на первый план не только саму попытку ответа на мандельштамовские вопросы о месте человека: «кто я?» и «зачем я?» — но и содержание ответов, которые тот или иной лидер может дать, то есть ставит вопрос о его качествах.

Два типа лидеров

Понятно, что лидерство в смысле, интересующем авторов фильма, — не набор характеристик, которые можно «прокачать» на управленческих курсах или усилить финансовыми вливаниями. Дело не просто в чудаковатости или способности собрать из списанной техники горнолыжный подъемник. Лидерство — своего рода помазание (буквальный перевод слова «харизма»), благодатный дар свыше, который неизвестно откуда берется.

Мария Морозова, отвечая на вопрос о критериях отбора тех, кому помогает Фонд, назвала один очень важный. По ее словам, можно условно выделить два типа лидеров: одни относятся к сообществу как к ресурсу для воплощения своих идей, а другим интересно общаться с людьми, они видят в них соучастников процесса, готовы получать от них обратную связь, им хочется, чтобы люди общались друг с другом.

Можно ли культивировать появление таких лидеров? Можно ли по крайней мере как-то их опознать? То, что их можно уничтожить, — проверено. Это одно из главных достижений XX века в нашей стране. Обезглавливание русской деревни в результате коллективизации и раскулачивания: уничтожение наиболее опытных, умелых, авторитетных крестьян, которые обеспечивали местную самоорганизацию. Уничтожение начатков выборности и отрицательный отбор кадров для православной церкви. В конце XX века убитый в начале XXI протоиерей Павел Адельгейм с горечью констатировал, что «уполномоченные (по делам религий) увяли, ибо архиереи дозрели». Надо ли упоминать армию, суды, высшую школу, предпринимательство, управление государством — можно взять любой социальный институт.

Так получилось, что начавшиеся в XX веке процессы вывели на первый план вопрос о поддержке и защите слабых, маргинализованных, угнетенных — таков главный пафос сложного комплекса негласных установок, объединенных причудливым концептом новой этики. Но трудно не заметить, что сам XX век с его тоталитар-

ными режимами, унижением человека, геноцидами и техногенными катастрофами — и то положение, в котором оказались в этом мире слабые, — во многом результат уничтожения не слабых, а сильных, последовательного истребления лучших, с одной стороны, и диагностированного Ортегой-и-Гассетом «восстания масс» — с другой.

В этом смысле поддерживать сегодня лидеров, принадлежащих, по классификации Марии Морозовой, ко второму типу, помогать тем, кто заинтересован в месте *другого* человека во вселенной — почти пророческая чуткость к временам и срокам. Это значит что-то противопоставить почти сто лет длившемуся отрицательному отбору, омассовлению, уничтожению элит, тех, кто обеспечивает выработку и передачу в обществе определенных качеств. Это также значит что-то противопоставить катастрофическому уровню недоверия, отчуждения между людьми в народе, который некогда Николай Бердяев называл «самым коммунотарным в мире».

Невидимые причины видимых изменений

Пятая новелла тоже разворачивается на фоне катастрофы, даже не одной. Ее героиня — коренная жительница Тулуна, города в Иркутской области, о котором в России узнали после наводнения в 2019 году. «Но мне казалось всегда — Тулун должен вызывать и другие, жизнеутверждающие, ассоциации, ведь на самом деле это место, где хочется быть», — говорит *Юлия Булдакова*.

Свои первые проекты, связанные с восстановлением исторической памяти, она начала делать задолго до стихийного бедствия. Один из них, поддержанный Фондом Тимченко, строился вокруг памяти о местном фольклористе и этнографе Георгии Виноградове (1886–1945). Юлии удалось собрать вокруг инициативы неравнодушных горожан, чиновников, работников учреждений культуры и бизнеса. С помощью еще одного проекта, «Стеклянная сказка Тулуна», удалось восстановить в городе стекольное производство, которое существовало здесь с 1950-х годов, но закрылось в 1990-е. Отыскали тех, кто работал на старом стекольном производстве, купили оборудование, обучили новых мастеров, открыли студию художественного стекла, стали продавать сувениры.

«Кадры руин стекольного завода в Тулуне вызывают ассоциации с руинами Советского Союза, — считает Александр Артамонов. — Нашим соотечественникам в конце 1980-х — начале 1990-х пришлось пережить сложные времена. Общим со всем промышленным миром был переход от индустриальной эпохи, требующей большого количества рабочих рук, к постиндустриальной, с ее автоматизацией, роботизацией и децентрализацией производства. Особенным — крах советской политической и экономической систем, в результате которого тысячи предприятий вместе с их историей исчезли с лица земли. Собирая осколки на территории бывшего завода, ге-

рои фильма символически собирают осколки смыслов существования завода и производства, уже не как индустриального, а как части культурной индустрии, сохраняющей нематериальное наследие и умения мастеров-стеклодувов».

Однако подлинное значение того, что произошло с жителями Тулуна, стало ясно во время страшного наводнения 2019 года, когда река Ия вышла из берегов и смыла три квартала. Сообщество, собранное Юлией Булдаковой, превратилось в координационный центр, который помог жителям сообща восстановить город и продолжить развивать культурное пространство, из которого люди не хотят уезжать.

Насколько долгосрочны и стабильны результаты развития малых городов и сел, которых удастся добиться героям фильма и их сподвижникам? Не производят ли пять трогательных историй впечатления бессистемной благотворительности, не имеющей серьезных перспектив в масштабах страны, где не решены более фундаментальные проблемы? Этот вопрос *Ольги Фадеевой* (Новосибирск), ведущего научного сотрудника Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, прозвучал в дискуссии одним из первых.

Валерий Виноградский вспомнил историю о Гёте, записанную его секретарем и другом Иоганном Эккерманом. Во время прогулки по городскому саду Эйнбека (Нижняя Саксония) Гёте заметил, что тридцать лет назад здесь был очень толковый бургомистр. Что же особенного он увидел? Он увидел много зелени, деревьев, оценил, какой они породы, как хорошо тень от крон спасает от зноя и как предусмотрительно позаботился обо всем этом тот, кто руководил устройством сада тридцать лет назад. Опытному глазу был явлен неслучайный характер зеленой архитектуры, где воплотилась планомерно действовавшая единая человеческая воля, создавшая это неповторимое «место человека во вселенной».

Часто невидимые причины видимых результатов, к которым был так внимателен Гёте, ускользают из поля нашего зрения. Эта черта дает о себе знать и в пространстве общественных наук, и в бизнесе, где распространена привычка покупать дорогую технику, но экономить на обучении тех, кто будет на ней работать. Нас, как правило, больше интересует «железо», чем «софт». Может быть, это следствие стихийного материализма, захватившего интеллектуальное пространство в 1917 году? Бердяев вспоминал, что когда в после-революционной Москве регистрировали Всероссийский союз писателей, не оказалось такой отрасли, к которой можно было бы приписать труд писателя, и Союз был зарегистрирован по категории типографских рабочих.

На фоне зачищенного антропологического ландшафта даже толковый хозяин или управленец выглядит как социальное чудо. В пустыне непросто установить сложную нюансированную иерархию критериев отбора лидеров. Но может быть, после того, как мы на-

учимся опознавать, признавать и поддерживать талантливых предпринимателей и управленцев, для нас станут различимы и другие, более редко встречающиеся дары и более трудноизмеримые качества?

181

С. В. Андросенко

«Это не хард —

это софт»

“It’s not hard — it’s soft”.

Review of the expert round table of the Timchenko Foundation and MSSS “‘Man of Action’ in Life, Science and Media”

Sofia V. Androsenko, PhD Student, Moscow State University, Press-Secretary
St. Philaret’s Institute. 11 Tokmakov Ln, Moscow, 105066, Russia. E-mail: sofia@sfi.r

Микроистория как путь самопознания

Обзор международной конференции «V Гришаевские чтения» (23–25 ноября 2022 г., Красноярский государственный аграрный университет)

Н. В. Гонина

Наталья Владимировна Гонина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной и демографической истории Института истории СО РАН, 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: nvg7@mail.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-182-190

23–25 ноября 2022 года кафедра истории Юридического института Красноярского государственного аграрного университета при поддержке Института истории СО РАН, Сибирского федерального университета, Государственного архива Красноярского края и Красноярской краевой универсальной научной библиотеки провела международную научную конференцию «V Гришаевские чтения»¹, посвященную памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева. Тема конференции: «Общие вопросы» и «частные ответы»: возможности микроанализа в изучении Сибири, России и Евразии.

Конференция проводится пятый год подряд, и это, с одной стороны, говорит о ее успехе, а с другой — ко многому обязывает. Впервые удалось выйти за пределы региональности как по тематике, так и по географии участников. На конференцию, которая проходила в смешанном формате, прислали доклады ученые из Франции, Белоруссии, Китая, а также из многих регионов России — от Донецка и Крыма до Дальнего Востока. Всего приняли участие более 100 человек. Изначально организаторы конференции решили сосредоточить свое внимание на практическом решении неясных сложностей в историческом исследовании, когда методологический подход имеет дискуссионный или «ускользающий» харак-

1. С материалами конференции можно ознакомиться по ссылкам:
<http://www.history.nsc.ru/news/2022-11-30.htm>
<https://www.youtube.com/channel/UCmp4nXLmjPXUOR5cQXYMr8w>
Сборник конференции планируется к изданию зимой 2023 г. и будет размещен в РИНЦ с присвоением DOI.

тер. В прошлом году в фокусе внимания конференции был фронтир, в этом году интерес вызвала микроистория.

Мы собираемся не только для того, чтобы изучать наследие В. В. Гришаева и раскрывать глубину его мысли и личности, хотя и это тоже важное направление работы. Василий Васильевич был скромным человеком во всем, в том числе и в научной деятельности. В его личности удивительно переплелись масштабы исторических событий, научная школа историков МГУ, задатки самобытного исследователя, талант организатора науки и качества простого сельского паренька, в первую очередь любовь к земле и к людям как высшим ценностям. Его научные труды всегда были настроены на детальную проработку материала, будь то один год советской власти в деревне или история сибирского колхоза.

Микроисторический подход, согласно М. М. Крому², требует вдумчивого погружения в материал, привлечения большого объема данных. Важной чертой микроистории является эмический подход, взгляд «изнутри», разговор от имени субъекта истории. При этом главным героем исследования является не выдающаяся личность, а простой человек. В то же время его повседневная жизнь и размышления служат для понимания общих вопросов человеческого сообщества. Микроисторический подход монографичен и авторски уникален. Кроме того, он содержит элементы автоэтнографии, глубокого самопознания и самоанализа автора. С другой стороны, это и открытый разговор с читателем, которого приглашают в авторскую «кухню». Как пишет О. Е. Кошелева: «Читатель как бы приглашается следовать за авторами в проводимом ими “дознании”»: исследователи открыто рассказывают ему о своих мыслительных процедурах, сомнениях, колебаниях, эвристических находках»³. Значимым требованием к микроисторическим исследованиям является высокое литературное качество текста, увлекательный нарратив, поэтому его невозможно повторить или скопировать.

Все это вместе создает, казалось бы, непреодолимый барьер на пути к использованию микроистории для большинства видов научных работ, и особенно для подготовки доклада для конференции, ведь у нас часто бывает, что он делается «в последний момент». Впрочем, в последнее время распространилась тенденция обозначать как микроисторию любое исследование с локальным или биографическим материалом. В связи с этим организаторы конференции особое внимание обратили на составление информационного письма, пригласили известных специалистов из разных регионов и не стали, в отличие от предыдущих лет, ограничивать тему хронологическими и территориальными рамками.

2. Кром М. М. (2010). Историческая антропология: Учебное пособие. СПб.

3. Кошелева О. Е. (2022). «Микроистория»: несколько слов к читателю новой книжной серии // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Антология. М.: НЛЮ. С. 6–7.

Начало работы конференции было положено приветственным словом от членов организационного и программного комитетов д.и.н. профессора кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета *Н. И. Дроздова* и заведующего кафедрой истории и политологии Красноярского ГАУ д.и.н. *С. Т. Гайдина*.

Научная часть заседания была открыта докладом д.и.н., заведующего сектором истории второй половины XVI — начала XX в. Института истории СО РАН *М. В. Шиловского* «Биография как направление в микроистории: на примере жизненного пути сибирских областников (1860–1880-е гг.)». Ученый описал основные направления в историографии областничества в советский и постсоветский период, подчеркнул значение микроисторического подхода для анализа темы и раскрыл его на примере биографии В. М. Крутовского.

Второй доклад «Концепция социальной эксклюзии: методологические возможности и перспективы использования в микроисторическом исследовании» д.и.н., профессора кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета *А. С. Ковалева* презентовала развитие проблемы уникального в микроисторическом исследовании на примере социальной эксклюзии. Заметим, что данное явление, характерное в основном для раннего советского общества, редко привлекает внимание историков, несмотря на его значительный потенциал как в микроисторическом, так и в макроисторическом ключе. Выступление содержало не только теоретические рассуждения, но и конкретный фактологический материал. На примере томского инвалида Яковлева раскрывается борьба простого человека за получение от советского государства социальной помощи в 1920–1930-е годы.

Третье выступление «Расширение рамок микроистории: компаративистика и «пэчворк» периферийной истории» д.и.н., профессора кафедры теории и истории государства и права Юридического института Красноярского ГАУ *И. П. Павловой* было посвящено преимущественно развитию современной немецкой школы микроистории. В то же время докладчик остановилась на казусе швейцарской исследовательницы русского происхождения М. Вернли-Феезе, которая, заинтересовавшись историей своей семьи, в 62 года получила историческое образование и написала работу о больнице святой Екатерины в Москве.

Первая секция «Подходы и источники микроистории» была задумана для обсуждения методологических, методических и источниковедческих вопросов и получилась междисциплинарной. В ней приняли участие не только историки, но и специалисты других направлений — археологи, генеалоги, филологи, философы. Было представлено глубоко различное понимание микроисторического подхода. Концептуальное значение имели доклады Д. А. Редина и В. И. Дятлова.

Д.и.н., гл. науч. сотр. Центра социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, заведующий лабораторией эдиционной археографии Уральского федерального университета *Д. А. Редин* представил доклад «Комплекс Бобчинского»: об истории людей в оптике микроисторических исследований», в котором на конкретном историческом материале показал диалог типичного и уникального в практике исторического анализа, рассказал о проблемах работы с источниками периода Нового времени, поделился собственным опытом работы с персональной и просопографической историей. Речь шла о «маленьком человеке» в истории, значимости и необходимости работы с биографиями простых людей, которые могут пролить свет на вопросы о «больших» процессах.

Доклад д.и.н., профессора кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета *В. И. Дятлова* «Быть и рыбой, и ихтиологом»: семейная история глазами исследователя-гуманитария» на первый план вывел личность самого ученого, представив слушателям опыт автоэтнографии. В центре внимания — рассказ о написании предисловия к опубликованным мемуарам матери о блокадном Ленинграде⁴. Виктор Иннокентьевич поделился воспоминаниями о своем деревенском детстве, рассказал о сложности редактирования материнских воспоминаний и в то же время дал анализ этого материала с точки зрения историка и этнографа. Получилось уникальное микроисторическое исследование, которое глубоко затронуло и заставило серьезно задуматься всех слушателей.

Вторая секция «*Биография в истории*» также оказалась полидисциплинарной. К историкам присоединились археологи, философы, архивисты, библиотекари и музейные работники. На этой секции много внимания было уделено различным историческим источникам как основе для написания биографий: от эпитафий до устной истории. Хронологические рамки докладов также были очень широки: от средневековья до XX века. Многообразны были и исследовательские подходы — от простого биографического описания до просопографии и собственно микроисторического анализа. Например, в докладе *Е. А. Толстогозовой*, сотрудника Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина, «Купец Иван Николаевич Клык в истории земли Пермской» через биографию купца, выполненную на базе музейных фондов, показаны социально-экономические процессы, иллюстрирующие и дополняющие историю купечества в целом. Также автор подробно описывает состав и содержание использованных исторических источников. Сообщение к.и.н., ст. преп. кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России *И. С. Васевой* «Арестованный и расстрелянный... Профессор Н. Н. Эльвов», выполнен-

4. *Дятлова Н. К.* (2005). Деревенский дневник (публикация, предисловие и примечания Виктора Дятлова) // Вестник Евразии. № 4. С. 7–71.

ное в жанре традиционной истории, посвящено репрессиям среди московских ученых-историков, членов авторского коллектива «Истории ВКП(б).

Третья секция «*Малые территории и популяции*» показала, как многогранно может интерпретироваться тема Места. Она получилась самой разнообразной с точки зрения географии. Здесь также много внимания было уделено работе с разными группами исторических источников. К сожалению, в рамках статьи нельзя рассказать о многих докладах. Среди присланных на секцию текстов, очень разных по содержанию и периодам, можно выделить сообщение В. Ф. Иванова из Бурятской государственной сельскохозяйственной академии имени В. Р. Филиппова «Из истории оседлых бурят-старообрядцев XIX — начала XX в.». В докладе представлена история одного из бурятских родов Хоринского ведомства и семейских крестьян-старообрядцев Кульского отдельного общества Забайкалья XIX — начала XX в. Материал подготовлен на основе архивных документов, позволяющих проследить взаимоотношения населения, основанные на религиозных, хозяйственных, семейных взглядах и истории метисации жителей Восточного Забайкалья.

Выступление д.и.н., профессора, заведующей кафедрой истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета Л. В. Зандановой «Использование устных источников при изучении истории малых территорий в ходе научно-исследовательской подготовки магистрантов по направленности “историческое образование”» перевело слушателей в сферу педагогики, однако содержание доклада в целом посвящалось полевым исследованиям. Были представлены результаты создания и использования устных источников на примере изучения малых территорий в зоне затопления водохранилища Братской ГЭС на р. Ангаре в 50–60-е гг. XX века. Автор заключает, что пространство Средней Ангары не было единым ни в плане формирования поселенческой структуры, ни в формировании населения. Развеван миф о нем как о месте сохранения старожильческой культуры и традиции. Разными оказались и судьбы поселений после их переноса, и судьбы самих людей. Из исследований, проведенных магистрантами на основе устных источников, видны как позитивные, так и негативные стороны процессов, связанных с переселением населения из зоны затопления ГЭС.

Четвертая секция «*“Маленькие люди” в истории великой страны*» была самой крупной по числу участников, очевидно, эта тема вызвала наибольший интерес у исследователей. В этой секции активное участие приняли архивисты Красноярска, и, соответственно, широко представлен анализ документальной базы по личностям. Кроме того, нужно заметить, что именно в данной секции было больше докладов, основанных на новых исторических источниках. Открыл секцию доклад к.с.н. Г. Г. Циденкова из Самарского государственного социально-педагогического университета «“Докторша”

Грета Сет: работа делегата шведского Красного Креста в голодающей российской деревне 1921–1922 гг.», в котором представлен рассказ о повседневности крестьян и работников шведского Красного Креста в условиях голода 1920-х годов. Биография Греты Сет — это образ врача-гуманиста и женщины, идущей на самопожертвование во имя чужих детей. Выступление вызвало живой отклик слушателей и получило активное обсуждение. Среди присланных материалов большой интерес вызывает статья к.и.н., ст.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В. А. Гайкина «Региональная дистрибуция корейских гастарбайтеров в Японии 1910–1931 гг.». На основании анализа широкого круга источников автор делает вывод, что социально-психологическая специфика японского этноса, которому была «привита» идея о его исключительности, позволяла с самого начала безболезненно устанавливать низкую стоимость рабочей силы корейских иммигрантов, составлявшую в среднем около половины стоимости рабочей силы японца. В то же время низкая заработная плата корейских «гастарбайтеров» объективно стала фактором, препятствующим повышению уровня зарплаты японских рабочих из-за перманентного наличия трудового резерва, готового трудиться за «полставки». Низкая составляющая стоимости труда в себестоимости японских товаров позволяла японской продукции, продаваемой по демпинговым ценам, успешно конкурировать на зарубежных рынках, что способствовало японской товарной экспансии.

Молодежная секция оказалась самой большой по составу за все 5 лет работы конференции — подано более 40 заявок. Большинство участников представлено вузами Красноярска, но были также студенты и аспиранты из Москвы, Симферополя, Сургута, Новосибирска и Иркутска. Тематика и периодизация докладов чрезвычайно разнообразны, но основной фокус внимания сосредоточился на XX веке. Среди наиболее интересных можно выделить следующие: В. А. Дозморев, аспирант Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, «Симферополь 1930-х годов: индустриализация по-советски и подготовка “молодой рабочей смены”»; С. Д. Сидорчук, аспирантка 2-го курса Новосибирского государственного педагогического университета «“За подлинно большевистское воспитание...”: практика работы образцовых детских садов Западной Сибири в 1920-е гг.»; А. Е. Арефьев, студент СФУ, «“Пока стараюсь сохранить это место...”: несколько слов о Г. А. Авраменко»; Е. О. Алексеева, студентка ИГУ, «Влияние ландшафта на планировку сельского поселения и архитектуру строений Верхнего Приленья»,

В работе круглого стола «*Возможности и перспективы микроанализа в исторической науке*» приняли участие д.и.н., профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге М. М. Кром; д.и.н., профессор, председатель Ученого совета ИИ СО РАН, заведующий сектором аграрной и демографической истории Института

истории СО РАН В. А. Ильиных; д.и.н., профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета А. С. Ковалев; к.и.н., заведующая кафедрой всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета Е. Л. Зберовская и к.и.н., доцент кафедры истории и политологии Красноярского ГАУ Р. В. Павлюкевич.

М. М. Кром в докладе «Микроистория в XXI веке: пределы расширения» рассказал о рецепции микроистории в современной историографии за пределами Италии, в том числе упомянув и российских авторов. Михаил Маркович заметил, что время расцвета микроистории закончилось и, несмотря на интерес к ней, попытки ее продолжения, скорее всего, будут безуспешны. Доклад вызвал бурное обсуждение и многочисленные вопросы аудитории, на которые были получены развернутые ответы.

В. А. Ильиных представил доклад «Проект “Изучение социальной структуры советского и постсоветского села” начала 1990-х гг.: опыт микроанализа истории сибирской деревни». В выступлении освещались методика и специфика реализации в Сибири исследовательского проекта Т. Шанина. Докладчик рассказал не только о ходе полевой работы в формате глубокого погружения, но и о команде исследователей, их подготовке, интересных деталях собственного опыта по сбору и обработке информации, опубликованных работах. Для многих участников конференции эта информация оказалась новой и очень полезной. Было задано много вопросов по деталям проектной работы и о ее результатах.

А. С. Ковалев в своем докладе продолжил разговор, начатый на пленарном заседании. Больше внимания было уделено практическим аспектам изучения социальной эксклюзии на историческом материале, представлена обширная фактологическая база из документов 1920–1930-х годов. Данный доклад вызвал большой интерес у молодой части аудитории и привел к обсуждению аспектов психологии и истории эмоций.

Е. Л. Зберовская выступила с докладом «Немецкие деревни в Приенисейской Сибири: формы сохранения микромира в полиэтничной среде». В фокусе внимания автора две деревни с населением 143 немецких семьи и их сохранение в инокультурной среде. В качестве источников было использовано биографическое интервью. Дана характеристика возможностей этого метода и оценка полученных результатов. Обсуждение доклада шло вокруг проблем субъективности источников и самоидентификации группы.

Р. В. Павлюкевич сделал доклад «Колхоз имени Н. С. Хрущева», в котором представил жизнь колхоза через материалы заседаний партячейки. Несмотря на специфику источника, он достаточно полно показывает повседневную жизнь колхозников, их трудовые и бытовые проблемы. Отмечались нарушения трудовой дисципли-

ны, хищения, пьянство. Как показало обсуждение, представленная ситуация носила не уникальный, а типичный характер.

Подводя итоги, можно сказать, что конференция — это всегда путь обновления и открытий, живой и непредсказуемый процесс. Ее нельзя ограничивать рамками узкой темы, жесткой привязкой к конкретной личности или юбилейной дате — это мешает полету мысли и снижает ее потенциал, а с другой стороны, необходима фокусировка внимания, чтобы не получился разговор «обо всем и ни о чем».

Присланные на конференцию тезисы и сделанные доклады показали достаточно пеструю картину рефлексии исследователей на заявленную в конференции тематику. Мы должны констатировать безусловный интерес к данному направлению работы и сохранение актуальности микроисторического подхода. Обращает на себя внимание многообразие тем и инструментов, избранных авторами, в рамках предложенных секций. Особенно порадовал интерес к индивидуальным и уникальным явлениям. В то же время следует заметить, что далеко не все исследователи понимают пределы и возможности микроисторического подхода и немногие уделяют должное внимание как глубине проработки материала, так и авторской саморефлексии.

Данная конференция, в силу ее количественных и качественных параметров, показала, что главной нашей целью является продолжение и развитие того, чему учил нас, студентов, аспирантов и докторантов, Василий Васильевич — идти вглубь познания, открывать для себя новое в хорошо известном, постоянно развивать свой методический инструментарий, осваивать новые методологические направления и в конечном счете познавать и раскрывать себя как исследователя.

Еще одним важным результатом нашей конференции стало более глубокое понимание значимости изучения деревенской истории. Недаром ряд важнейших работ по микроистории посвящен крестьянскому миру. Несколько докладов на секциях и круглом столе были посвящены значимым аспектам истории развития и изучения сельского сообщества. Постепенно складывается убеждение, что потенциал данной темы неисчерпаем в своей многогранности. Кристаллизуется понимание глубокого отличия отечественных исследований от работ зарубежных микроисториков. Крестьянин не выступает «иным», «чужим», «незнакомцем», наоборот, это «свой» человек, образ, знакомый по школьной литературе и отечественному кинематографу. Более того, автор склонен видеть в нем себя либо своих родных и близких. Здесь срабатывает своего рода «генетическая память», так как историки второй половины XX века, в том числе и Василий Васильевич Гришаев, выходцы из деревни. Сохраняется и литературное влияние «шестидесятников», для которых «уходящая» деревня была предметом ностальгии. Однако в этом есть серьезная угроза подменить эмпирический подход эмпати-

ей, а научный анализ — историописанием. И, как показала конференция, данную грань видят только опытные специалисты.

Microhistory as a way of self-knowledge

Review of the international conference «V Grishaev's Readings» (November 23–25, 2022, Krasnoyarsk State Agrarian University)

Natalia V. Gonina, PhD (History), Senior Researcher of the Agricultural and Demographic History Sector, Institute of History of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090. E-mail: nvg7@mail.ru

Советское аграрное наследие: история и современность

Е. С. Никулина

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-191-193

1 декабря 2022 года в Москве в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ состоялась международная научная конференция «*Советское сельское наследие в постсоветские времена*». В канун столетнего образования СССР конференция была посвящена переосмыслению советского аграрного эксперимента и анализу влияния советского аграрного наследия на современное сельское развитие.

В первой части конференции обсуждалась история советского аграрного строя и здесь выступали прежде всего историки. Вторая часть вобрала в себя в основном доклады экономистов, социологов, географов, давших оценку историческому влиянию советского аграрного наследия на современное сельское хозяйство.

Конференция открылась презентацией вышедшей в свет в этом году книги замечательного российского либерального аграрника-экономиста Литошенко Л. Н. «Критика аграрной политики советской власти»¹. В ней собраны редкие и ранее не издававшиеся тексты Литошенко, в которых критически переосмысливается аграрный опыт Русской революции, формулируются пронизательные прогнозы альтернатив и перспектив советского сельского развития. Книга снабжена основательным академическим научным аппаратом в виде предисловия, библиографии и примечаний, а также историческими фотодокументами.

К. М. Александров из Свято-Филаретовского института выступил с докладом «Крестьянская драма и хронология русской революции», в котором подробно охарактеризовал чрезвычайно высокую цену советских аграрных реформ, приведшую в итоге к исчезновению российского крестьянства как класса.

1. Литошенко Л. Н. (2022). Критика советской аграрной политики. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

В. В. Кондрашин (Институт российской истории РАН) в докладе «Влияние коллективизации на судьбы России» оценил политические и экономические замыслы и реалии колхозного аграрного строя, влияние коллективизации на историю трансформации советской цивилизации в целом, рассмотрел важнейшие подходы в российской и зарубежной историографии к спорным вопросам коллективизации.

К. П. Обозный (Свято-Филаретовский институт) исследовал проблематику взаимодействия церковных приходов с сельскими сообществами и региональной властью в докладе «Сельское духовенство Псковской области в первые послевоенные 1945–1948 годы». В докладе были представлены уникальные документы и фотографии из местных архивов, иллюстрирующие тягостную повседневность взаимодействия священников и их паствы с органами советской власти.

О. А. Сухова из Пензенского государственного университета в докладе

«Аграрная политика в СССР: реализация утопии или апробация стратегий будущего?» проанализировала противоречивое сочетание утопичности и реалистичности аграрно-политических решений и действий советской власти, возможных вариантов советской аграрной модели развития.

Ш. Мерль (Билефельдский университет, Германия) обозначил основные точки бифуркации советской аграрной политики, ее возможные альтернативы в докладе «Сельское хозяйство как основа советского экономического роста 1922–1991: оглядываясь назад на историю упущенных возможностей». Докладчик на архивных материалах РГАЭ убедительно продемонстрировал, как почти всякий раз при Сталине, Хрущеве, Брежневе и, в конце концов, при Горбачеве принимались далеко не лучшие решения о сельском развитии, причем исходя прежде всего из понятий выгоды самосохранения власти бюрократии в советском аграрном строе.

Вторая часть работы конференции открылась докладом «Земельные отношения в постсоветской России: собственность, интересы и изменения» *А. Форбругга* (Бернский Университет, Швейцария). В выступлении были отмечены во многом противоречивые и парадоксальные итоги постсоветских сельских преобразований, связанных с дальнейшим отчуждением земледельца от земли и средств производства, а также экспансией новых сверхкрупных сельскохозяйственных предприятий агрохолдингов.

Региональные и локальные аспекты постсоветских аграрных реформ были представлены в докладе *Д. В. Якуновой* (Пензенский государственный университет) «Приватизация в российской деревне на материалах Пензенской области». А знаменитая советская апория перспективных и неперспективных направлений сельского развития была переосмыслена в современном постсоветском контексте *А. А. Смирновой* (Тверской государственный университет)

в докладе «Наследие советского сельского планирования в наши дни: «перспективные» и «неперспективные» деревни?».

Заключительные доклады конференции были представлены социологами Шанинской школы. *О. П. Фадеева* (Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, Новосибирск) в докладе «Сельские хозяйственные уклады: транзит к постсоветской аграрной системе» показала на нескольких региональных примерах Сибири, Европейской части России и Дальнего Востока, какие новые парадоксальные комбинации многоукладности возможны в современных хозяйственных условиях. Социологи *В. Г. Виноградский* и *О. Я. Виноградская* (РАНХиГС, Саратов) в докладе «О возможных линиях эволюции шанинских крестьяноведческих традиций» представили широкое обозрение возможных современных методологических подходов к критике советского аграрного опыта в современном контексте сельского развития.

В целом конференция предоставила чрезвычайно интересный, разнообразный и актуальный материал по новейшим междисциплинарным подходам изучения феномена возникновения, развития, гибели и разложения советского аграрного строя, а также трансформации и инкорпорации его отдельных элементов в аграрный строй и сельское развитие современной сельской России.

Е. С. Никulina
Советское аграрное наследие: история и современность

Soviet agricultural heritage: history and modernity

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Prosp. Vernadskogo, 82 Moscow, 119571, Russia. E-mail: nikulina@ranepa.ru

ТЕОРИЯ

Chayanov A. V. Organization of agricultural production in local territories №3

Kotliarov I. Heterogeneity of stakeholders in cooperatives as an obstacle for development of cooperatives in Russia №4

Merl S. Was Chayanov's concept of peasant agriculture under the Soviet rule realistic? The emerging of the *kulturniki* in answer to the *Litsom k derevne* policy №2

Mindlin Y. B., Novikov M. V., Yakovleva O. A. Evaluation and ways of increasing the rate of return of Russian medium-sized agricultural enterprises №4

Макаров Н. П. Русская экономическая мысль в вопросах сельского хозяйства №1

Сойтиро Сумида. Переосмысление теории мелкохозяйственного способа производства Маркса с позиции теории мелкого крестьянства №1

Чаянов А. В. Организация сельскохозяйственного производства на местах №3

ИСТОРИЯ

Андреевков С. Н. «Целинный проект» 1954 года в Казахстане и Сибири: динамика производства зерна №3

Гайкин В. А. Корейские «колхозы» в Маньчжоу-го (1932–1945 годы) №4

Кузнецов И. А. Памяти ученого: труды Ю. А. Мошкова и некоторые проблемы аграрной историографии №4

Кузнецов И. А. Урожайная статистика в России первой половины XIX века: проблема первичных данных №3

Нахимовский А. Д. Свидетельства о войне и оккупации в воспоминаниях русских крестьян: две казачки под Сталинградом №1

Савинова Т. А. Чаянов в 1918 году №2

Тимкин Ю. Н. «Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП (б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии) №1

Тимкин Ю. Н. «Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии) №2

Федотова А. А. «За убитую в Беловежской Пуще зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке №3

Филев М. Как реформы Маленкова и Хрущева изменили жизнь колхоза «Большевик» №2

Шарапов С. В. Земледелие Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны №1

СОВРЕМЕННОСТЬ

Shagaida N. I., Trotsuk I. V. Russia's food security under the crisis of 2020-2021: Objective and subjective dimensions №2

Алексеев А. И., Имангулов Л. Р. Сельская местность Башкирии: преобладающие типы и особенности трансформации в постсоветский период №4

Баскин Л. М., Покровский Н. Е., Николаева У. Г. Социология по земле пешком и с высоты полета квадрокоптера. Сельские дома и деревенская жизнь Ближнего Севера России (на примере Костромской области) №4

Бреславский А. С. Городское население Еврейской автономной области в исторической динамике конца 1980–2010-х гг. №3

Виноградский В. Г., Виноградская О. Я. Отечественное фермерство — сигналы новизны №1

Гусаков Т. Ю. Аграрная альтернатива Ямала: сельское хозяйство и коренное население №3

Гусаков Т. Ю. Цыгане в постсоветском Крыму: вопросы миграции и интеграции №1

Петрик М. Постсоветская реструктуризация сельского хозяйства: и все-таки успех? №1

Прусихин О. Е., Жуковский Е. Д., Крутов О. Д., Алексеев А. И. Жизнь Ивана и Ганса в XXI веке: Волчихинский район, Алтайский край №3

Розанова Н. Н. Особенности восприятия населением репутации губернаторов в региональной модели «центр–периферия» №3

Фадеева О. П. Трансформация сельского самоуправления: сибирийский фокус №2

ИНТЕРВЬЮ С ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

Лерман Ц., Никулин А., «Главное, что меня удивляет, — убежденность большинства ученых и политиков в особой значимости крупных хозяйств» №2

Серова Е. В., Никулин А. М. «Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму» №3

Хлыстун В. Н., Никулин А. М. «Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику» №1

РЕЦЕНЗИИ

Shirokostup Olga. A Cultural Worker's Musings on Alexander Chayanov's Peasant Metautopia №4

Бабашкин В. В. О сущности добра №3

Бабашкин В. В. Постепенно: «steppe by steppe...» №2

Кабытов П. С. Рецензия на монографию: Мозохин О. Б. Дело «Трудовой Крестьянской партии». Москва: Издательство «Вече», 2021 №1

Крылатых Э. Н., Фролова Е. Ю. «О книге В. Ф. Башмачникова с соратниками и единомышленниками «Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития» №4

Куракин А. А. Америка сегодня глазами сельскохозяйственно-го департамента США №3

Полещук И. К. Экстрактивизм Крайнего Севера: пути решения конфликтов №4

Троцук И. В. Новый взгляд на старые проблемы российской периферии №1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Андросенко С. В. «Это не хард — это софт» №4

Гонина Н. В. Микроистория как путь самопознания №4

Лерман Цви Юбилей Василия Якимовича Узуна №1

Никулина Е. С. AGROSALON Международная специализированная выставка сельхозтехники №3

Никулина Е. С. Советское аграрное наследие: история и современность №4

Овчинцева Л. А. Дезурбанизация: за и против №1

Полещук И. К. Сравнительный опыт сельскохозяйственного развития: Россия и Бразилия в эпоху перемен №3

IN MEMORIAM

Памяти Тамары Евгеньевны Кузнецовой №2

THEORY

Chayanov A. V. Organization of agricultural production at the local level №3

Chayanov A. V. Organization of agricultural production at the local level №3

Kotliarov I. Heterogeneity of stakeholders in cooperatives as an obstacle for development of cooperatives in Russia №4

Makarov N. P. Russian economic thought on agricultural issues №1

Merl S. Was Chayanov's concept of peasant agriculture under the Soviet rule

Mindlin Y. B., Novikov M. V., Yakovleva O. A. Evaluation and ways of increasing the rate of return of Russian medium-sized agricultural enterprises realistic? The emerging of the *kulturniki* in answer to the *Litsom k derevne* policy №2

Sumida S. Rethinking Marx's theory of the small-scale mode of production in the perspective of the small peasantry theory (translated from Japanese by A. Sanzheev, edited by V. Afanasenkov) №1

HISTORY

Andreenkov S. N. Virgin Project of 1954 in Kazakhstan and Siberia: Dynamics of grain production №3

Fedotova A. A. "Cattle grazing is prohibited after the bison was killed in Białowieża Forest": Woodland grazing as a traditional form of the peasant forest management in the long 19th century №3

Filev M. V. How the reforms of Malenkov and Khrushchev changed the life of the collective farm Bolshevik: A microhistoric study №2

Gaikin V. A. Korean «collective farms» in Manchukuo (1932-1945) №4

Kuznetsov I. A. In memory of a scientist: the works of Yu. A. Moshkov and some problems of agrarian historiography №4

Kuznetsov I. A. Russia's harvest statistics in the first half of the 19th century: The problem of primary data №3

Nakhimovsky A. D. Evidence of war and occupation in the memoirs of Russian peasants: Two Cossack women near Stalingrad №1

Savinova T. A. 1918 in the life of A. V. Chayanov: Cooperation, writing and anarchism №2

Sharapov S. V. Agriculture of the Novosibirsk Region under the state agrarian policy on the eve and during the Great Patriotic War №1

Timkin Yu. N. "Peasant journey to the Communist Party and back": *Volost* peasant organizations of the RCP (Bolsheviks) in 1918–1920 (based on the archival materials of the Vyatka Province) №2

THE PRESENT TIME

Alekseev A. I., Imangulov L. R. Rural area of Bashkiria: Prevailing types and features of transformation in the post-Soviet period №4

Baskin L. M., Pokrovsky N. E., Nikolaeva U. G. Sociology on the ground on foot and from the height of a quadcopter flight. Rural houses and village life in the Near North of Russia (on the example of the Kostroma region). №4

Breslavsky A. S. Urban population of the Jewish Autonomous Region in the historical dynamics of the late 1980s–2010s №3

Fadeeva O. P. Transformation of the rural self-government: A Siberian case №2

Gusakov T. Yu. Agrarian alternative for Yamal: Agriculture and indigenous population №3

Gusakov T. Yu. Gypsies in the post-Soviet Crimea: Migration and integration №1

Petrick M. Post-Soviet transformation of agriculture: A success after all? №1

Prusikhin O. E., Zhukovsky E. D., Krutov O. D., Alekseev A. I. Life of Ivan and Hans in the 21st century: Volchikhinsky district of the Altai Region №3

Rozanova N. N. Public perception of governors' reputation in the regional model 'center–periphery' №3

Shagaida N. I., Trotsuk I. V. Russia's food security under the crisis of 2020–2021: Objective and subjective dimensions №2

Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya. Farming and the rural world: A generational change №1

INTERVIEWS

Khlystun V. N., Nikulin A. M. "I have always considered it extremely important to use science in agricultural practice" №1

Lerman Z., Nikulin A. M. "What surprises me the most is the conviction of so many scientists and politicians in the special importance of large farms" №2

Serova E. V., Nikulin A. M. "Today, in the rural development, the main goal is to change the paradigm" №3

REVIEWS

Babashkin V. V. Gradually: "steppe by steppe..." №2

Babashkin V. V. On the essence of good №3

Kabytov P. S. Review of the monograph: Mozokhin O. B. *The Case of the Labor Peasant Party*. Moscow: Veche Publishing House, 2021 №1

Krylatykh E. N., Frolova E. Yu. "About the book by V. F. Bashmachnikov with associates and like-minded people "Family-type farming: potential, development practice" №4

Kurakin A. A. Today's America in the perspective of the US Department of Agriculture №3

Poleshchuk I. K. Extractivism of the Far North: Ways to resolve conflicts №4 199

Shirokostup O. A Cultural Worker's Musings on Alexander Chayanov's Peasant Metautopia №4

Trotsuk I. V. A new look at the old problems of the Russian hinterland №1

SCIENTIFIC LIFE

Androsenko S. V. Review of the round table «People of action» №4

Gonina N. V. Overview of 4 Grishaev readings №4

Lerman Z. Anniversary of V. V. Uzun №1

Nikulina E. S. AGROSALON International Specialized Exhibition of Agricultural Machinery №3

Nikulina E. S. Review of the conference «Soviet agrarian heritage in post-Soviet times» №4

Ovchintseva L. A. Deurbanization: pro et contra №1

Poleshchuk I. K. Comparative experience of agricultural development: Russia and Brazil in the time of change №3

IN MEMORIAM

In memoriam of T. E. Kuznetsova №2

Крестьяноведение

2022. Том 7. №4

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 20.12.2022. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ 1473
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru